

LEX RUSSICA

научный юридический журнал

Том 75
№ 9 (190) 2022
СЕНТЯБРЬ

ISSN 1729-5920 (Print)
ISSN 2686-7869 (Online)

Машиночтение права
и пространственные
построения в живописи:
поиск методологии
машинного правосприятия

Социальная направленность
публичной финансовой
деятельности как принцип
финансового права

Замыкание в «цифровой
контур»: возможные
последствия для современных
правовых систем

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471 (Print), ISSN 2782-1862 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства.

Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

БОГДАНОВ Дмитрий Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КСЕНОФОНТОВА Дарья Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры семейного и жилищного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЕШЕ-ГОЛОВКО Карин — доктор публичного права (Франция), президент Комитас Генциум Франция–Россия,

приглашенный профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

ИСАЕВ Игорь Андреевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

МОРОЗОВ Андрей Витальевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права, информатики и математики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Москва, Россия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СТАРИЛОВ Юрий Николаевич — доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной

власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович — кандидат юридических наук, профессор, заместитель председателя Следственного комитета Российской Федерации, генерал-полковник, главный редактор журнала «Наркоконтроль», г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингенский университет

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

ЯРКОВ Владимир Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГРОМОШИНА Наталья Андреевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОМАРОВА Валентина Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA

Научный юридический журнал

Том 75
№ 9 (190)
сентябрь 2022

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЛЮТОВ Никита Леонидович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Московского государ-

ственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://lexrussica.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 21.09.2022
Объем 18,13 усл. печ. л. (14,92 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Dmitry E. BOGDANOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Daria S. KSENOFONTOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Family and Housing Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Karine BECHET-GOLOVKO — Doctor of Public Law (France), President of the Comitatus Gentium France-Russie, Visiting Professor of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Igor A. ISAEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of History of State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Andrey V. MOROZOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law, Informatics and Mathematics of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Yuriy N. STARILOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Administrative Law and Administrative Procedural Law of the Voronezh State University, Voronezh, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Aleksandr V. FEDOROV — Cand. Sci. (Law), Professor, Vice-Chairman of the Investigation Committee of the Russian Federation, Colonel General, Editor-in-Chief of the Journal «Drug Enforcement» (Narcocontrol), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS),

University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Vladimir V. YARKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Natalia A. GROMOSHINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Valentina V. KOMAROVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Nikita L. LYUTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Labor and Social Security Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA

Scientific Journal of Law

Vol. 75
№ 9 (190)
September 2022

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

21.09.2022
Volume: 18,13 conventional printer's sheets (14,92 author's sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.
The Journal is included in Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮБИЛЕЙ / LIBER AMICORUM

К 85-летию со дня рождения Олега Емельяновича Кутафина	9
--	---

ЧАСТНОЕ ПРАВО / JUS PRIVATUM

Михеева И. Е. Отдельные правовые проблемы взыскания убытков за недобросовестное поведение кредитных организаций	10
Скачков Н. Г. ESG-факторы в системе корпоративного и социального риск-менеджмента как инфраструктурный компонент трансграничного бизнеса	20
Фонотова О. В. Правовые основы регулирования договорных отношений в трансграничных цепочках поставок	33

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / JUS PUBLICUM

Забралова О. С. Социальная направленность публичной финансовой деятельности как принцип финансового права	46
--	----

ТЕОРИЯ ПРАВА / THEORIA LEX

Антонченко В. В. Фашизация государства и права	55
Гаврилов С. Н. Машинотечение права и пространственные построения в живописи: поиск методологии машинного правосознания	66
Завгородняя А. А. Интересы в системе общеправовых ценностей и принципов права	79
Куликов М. А. Технологии манипулирования целями в правовом регулировании: актуальные вопросы теории и практики	94
Рувинский Р. З. Замыкание в «цифровой контур»: возможные последствия для современных правовых систем	108

ИСТОРИЯ ПРАВА / HISTORIA LEX

Грошева В. К. Содействие работникам милиции Украинской ССР в борьбе с преступностью и охране общественного порядка в 20-е годы XX века	121
Корнев А. В. Конкуренция методологических подходов в истории политических и правовых учений	130
Малюгин С. В. Проблемно-теоретический методологический подход в истории политических и правовых учений	141

CONTENTS

IN MEMORIAM / LIBER AMICORUM

Oleg E. Kutafin's 85th Anniversary	9
--	---

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

Mikheeva I. E. Certain Legal Problems of Losses' Recovery for Credit Institutions' Unfair Behavior	10
Skachkov N. G. ESG Factors in Corporate and Social Risk Management System as an Infrastructure Element of Cross-Border Business	20
Fonotova O. V. Legal Foundation of Contractual Relations Regulation in Cross-Border Supply Chains	33

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

Zabralova O. S. Social Focus of Public Financial Activity as a Principle of Financial Law	46
--	----

THEORY OF LAW / THEORIA LEX

Antonchenko V. V. Fascization of the State and Law	55
Gavrilov S. N. Machine Reading of Law and Spatial Constructions in Painting: Search for the Methodology of Machine Perception of Law	66
Zavgorodnyaya A. A. Interests in the System of General Legal Values and Principles of Law	79
Kulikov M. A. Goals Manipulation Technologies in Legal Regulation: Topical Issues of Theory and Practice	94
Ruvinskiy R. Z. Shaping «Digital Circuit»: Possible Consequences for Modern Legal Systems	108

HISTORY OF LAW / HISTORIA LEX

Groshevaya V. K. Assistance to Ukrainian SSR Police Officers in the Fight against Crime and Protection of Public Order in the 20s of the 20th Century	121
Kornev A. V. Competition between Methodological Approaches in the History of Political and Legal Doctrines	130
Malyugin S. V. Theoretical Problematic Methodological Approach in the History of Political and Legal Doctrines	141

К 85-летию со дня рождения Олега Емельяновича Кутафина

26 июня 2022 г. Олегу Емельяновичу Кутафину, выдающемуся советскому и российскому юристу, блестящему ученому, академику РАН, государственному и общественному деятелю, прекрасному педагогу и организатору, талантливому руководителю и великому гражданину России, исполнилось бы 85 лет.

Олег Емельянович родился 26 июня 1937 г. в селе Бакша Савранского района Одесской области. Уже в школьные годы он заинтересовался политикой и юриспруденцией. Окончив в 1954 г. школу с серебряной медалью, Олег Емельянович поступил на юридический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Экстраординарные способности к научно-исследовательской работе были замечены университетской профессурой, и в 1959 г. Олег Емельянович стал аспирантом одного из основоположников науки советского государственного права Степана Степановича Кравчука.

В 1965 г. Олег Емельянович Кутафин блестяще защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Постоянные комиссии палат Верховного Совета СССР». Научные взгляды О. Е. Кутафина во многом формировались под влиянием выдающихся ученых того времени — С. С. Кравчука, Г. В. Барабашева, Л. Д. Воеводина, Д. Л. Златопольского, Н. Я. Куприца, А. А. Мишина, К. Ф. Шеремета. В 1979 г. Олег Емельянович Кутафин также блестяще защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Плановая деятельность Советского государства: государственно-правовой аспект».

В научных работах Олега Емельяновича невозможно обнаружить идеи, которые не сохраняли бы актуальность и в наши дни: Олегом Емельяновичем выработаны фундаменталь-

ные концепции современного конституционализма, правового регулирования территориального устройства, народного представительства, общественного контроля и др. Научные труды восхищают широтой и глубиной взглядов Олега Емельяновича и мыслей, поражающих смелостью и устремленностью в будущее, фундаментальностью постановки научных проблем и новизной подходов к правовой оценке различных явлений социальной деятельности. Сформулированные им конституционно-правовые идеи и сегодня служат оптимальными векторами общественного развития нашей страны.

Отдельного внимания заслуживает организаторский талант Олега Емельяновича Кутафина, создавшего самый крупный и авторитетный юридический вуз на постсоветском пространстве — Московскую государственную юридическую академию (ныне — Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)). Олег Емельянович, сохраняя ценнейшие традиции советской образовательной системы, одновременно активно участвовал в совершенствовании научных и образовательных стандартов, укрепил престиж академии, усилил ее научно-педагогический потенциал. Благодаря Олегу Емельяновичу история и современность Университета, носящего его имя, неразрывно связаны с плеядой талантливых ученых, создавших уникальные школы по всем отраслям юридической науки. Во многом благодаря масштабу личности Олега Емельяновича, его эрудиции и профессионализму, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) встретил в 2021 г. свой 90-летний юбилей в качестве флагмана отечественной юридической науки и образования.

Светлая память об Олеге Емельяновиче Кутафине сохраняется в сердцах его родных и близких, коллег и учеников, единомышленников и последователей, а также всех «кутафинцев».

Редакция журнала
Lex russica

Отдельные правовые проблемы взыскания убытков за недобросовестное поведение кредитных организаций

Аннотация. В статье проведен анализ действующего законодательства и рассмотрены отдельные правовые проблемы взыскания убытков за недобросовестное поведение кредитных организаций. Автором отмечено различное понимание в теории права принципа добросовестности и оценочность его критериев, а также увеличение случаев недобросовестного поведения кредитных организаций. Сделан вывод, что недобросовестное поведение является основанием для применения гражданско-правовой ответственности. В результате реформирования Гражданский кодекс РФ пополнился новыми составами гражданских правонарушений, предусматривающими возмещение убытков, причиненных недобросовестным поведением. В работе рассмотрены правовые особенности взыскания убытков, возникших вследствие недобросовестного поведения кредитных организаций. Исследовано взыскание убытков в случаях, предусмотренных статьями 10, 434.1 Гражданского кодекса РФ, на примерах из банковской практики. Автором отмечено, что недобросовестное поведение на стадии переговоров о заключении банковских договоров чаще проявляется со стороны кредитных организаций. В частности, предоставление стороне неполной или недостоверной информации позволяет кредитным организациям продавать одну услугу под видом другой (мисселинг). В качестве примеров взыскания убытков рассмотрены случаи недобросовестного поведения при взыскании банковских комиссий, а также при одностороннем повышении размера процентной ставки. Автор считает, что неравенство возможностей банка и клиента (наличие профессиональных знаний, разное имущественное положение, отсутствие у клиента специальных познаний и т.д.) затрудняет доказывание размера убытков для такого клиента, особенно когда недобросовестное поведение не связано с финансовыми условиями. Проведенное исследование позволило сделать вывод, что недобросовестное поведение служит не только основанием для взыскания убытков, но и инструментом, влияющим на возможность уменьшения убытков. В заключение автором даны предложения по усовершенствованию правил взыскания убытков за недобросовестное поведение кредитных организаций.

Ключевые слова: недобросовестное поведение; гражданско-правовая ответственность; правонарушение; кредитные организации; потребители, убытки; судебское усмотрение; снижение убытков; размер убытков; принцип добросовестности.

Для цитирования: Михеева И. Е. Отдельные правовые проблемы взыскания убытков за недобросовестное поведение кредитных организаций // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 9. — С. 10–19. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.010-019.

© Михеева И. Е., 2022

* Михеева Ирина Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры банковского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ya.miheeva@yandex.ru

Certain Legal Problems of Losses' Recovery for Credit Institutions' Unfair Behavior

Irina E. Mikheeva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Banking Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
ya.miheeva@yandex.ru

Abstract. The paper analyzes the current legislation and considers certain legal problems of recovery of losses for unfair behavior of credit institutions. The author notes a different understanding in the theory of law of the principle of good faith and the evaluation of its criteria, as well as an increase in cases of unfair behavior of credit institutions. It is concluded that unfair behavior is the basis for civil liability. As a result of the reform, the Civil Code of the Russian Federation has been replenished with new compositions of the civil wrongdoing providing for damages for unfair behavior. The paper considers the legal features of the recovery of losses for unfair behavior of credit institutions. The Author examines the recovery of losses in cases provided for in Articles 10, 434.1 of the Civil Code of the Russian Federation using case studies from banking practice. The author notes that unfair behavior at the stage of negotiations on conclusion of banking contracts is more often manifested by credit institutions. In particular, providing incomplete or unreliable information to a party allows credit institutions to sell one service under the guise of another (misseling). As examples of recovery of losses, cases of unfair behavior in collecting bank commissions, as well as in case of unilateral increase in the amount of the interest rate, are considered. The author believes that the inequality of the bank's and the client's capabilities (professional knowledge, different property status, the client's lack of special knowledge, etc.) makes it difficult to prove the amount of losses for such a client, especially when unfair behavior is not related to financial conditions. The conducted research allowed the author to conclude that unfair behavior serves not only as a basis for collecting damages, but also as a tool influencing the possibility of reducing losses. In conclusion, the author gives suggestions for improving the rules for collecting losses for unfair behavior of credit institutions.

Keywords: unfair behavior; civil liability; offense; credit organizations; consumers, losses; judicial discretion; reduction of losses; the amount of losses; the principle of good faith.

Cite as: Mikheeva IЕ. Otdelnye pravovye problemy vzyskaniya ubytkov za nedobrosovestnoe povedenie kreditnykh organizatsii [Certain Legal Problems of Losses' Recovery for Credit Institutions' Unfair Behavior]. *Lex russica*. 2022;75(9):10-19. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.010-019. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение. По мнению О. С. Иоффе, меры юридической ответственности сопутствуют всем без изъятия отдельным его институтам¹. Обоснованность данного вывода подтверждается в том числе положениями о возможности применения мер гражданско-правовой ответственности к лицам, которые ведут себя недобросовестно. Исследование этого вопроса представляется весьма актуальным в свете неоднозначного понимания принципа добросовестности и оценочности его критериев, а также появления новых примеров недобросовестного поведения кредитных организаций, в том числе связанных с «продажей» банками услуг других юридических лиц.

Защита субъективных гражданских прав добросовестных участников гражданских правоотношений довольно часто на практике осуществляется посредством возмещения убытков². Убытки признают «основной, универсальной формой ответственности»³.

Согласно п. 1 ст. 15 ГК РФ под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

¹ Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» / О. С. Иоффе, Е. А. Суханов. 3-е изд., испр. М. : Статут, 2009 (автор — О. С. Иоффе).

² Развитие гражданского права России. Тенденции, перспективы, проблемы : монография / Е. В. Богданов, Д. Е. Богданов, Е. Е. Богданова. М. : Юнити-Дана, 2014. С. 211.

³ Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. С. А. Степанова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2019. Т. 1. С. 554.

Проблема возмещения имущественных потерь актуальна для любой правовой системы⁴. В российском праве традиционно возмещение убытков предусмотрено за нарушение обязательств, однако в теории и практике взыскание убытков обуславливают и другими основаниями.

Так, Ю. Э. Монастырский считает, что «в законе (ст. 15 ГК РФ) говорится о взыскателе как о лице, субъективное право которого нарушено. Возникает вопрос: что понимается под термином “право”? Очевидно, это не только требование, вещное или обязательственное, но и нечто более широкое — любое субъективное право, черпающее гарантии, возможности и ожидания в законодательстве и правопорядке в целом»⁵.

Вывод указанного автора находит подтверждение в действующем законодательстве. Так, в результате реформы обязательственного права ГК РФ пополнился новыми составами гражданских правонарушений⁶, предусматривающими возмещение убытков за **недобросовестное поведение**.

Одним из таких случаев является возмещение убытков за недобросовестное поведение при проведении переговоров (ст. 434.1 ГК РФ). Положения о преддоговорной ответственности появились в ГК РФ в рамках реализации Концепции развития гражданского законодательства РФ⁷.

Согласно п. 2 ст. 434.1 ГК РФ недобросовестными действиями при проведении переговоров предполагаются:

- 1) предоставление стороне неполной или недостоверной информации, в том числе умолчание об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны;
- 2) внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора при

таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать.

Вопросам преддоговорной ответственности за недобросовестное поведение посвящено множество современных работ, что объясняется недавним появлением указанного института в российском праве. По мнению В. В. Витрянского, интерес к данной проблеме обусловлен тем, что «присуждается возмещение убытков не за нарушение договорного обязательства, каковое на стадии преддоговорных контактов еще не возникло, а за недобросовестное или ненадлежащее поведение стороны при заключении договора»⁸.

В этой связи встает вопрос о критериях добросовестного поведения на стадии переговоров. Н. В. Зайцева считает, что «критерий добросовестности используется для определения меры ответственности при наличии следующих обстоятельств. Первое обстоятельство связано с фактом необходимости переговоров, именно это определяет стандарт добросовестности. В случае если обязанность ведения переговоров существует в силу договора или в силу требований закона, акцент будет сделан на выполнение требований стандарта добросовестности в преддоговорной стадии, однако добросовестность находит выражение и через другие механизмы (нарушение баланса интересов, введение в заблуждение, ошибка)»⁹.

Особенности критериев добросовестного поведения на стадии переговоров для банка и его клиентов обусловлены спецификой банковской деятельности.

При проведении переговоров о заключении банковских договоров недобросовестное поведение чаще проявляется со стороны кредитных организаций, в частности когда клиенту

⁴ Богданова Е. Е. Принцип добросовестности и эволюция защиты гражданских прав в договорных отношениях. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 265.

⁵ Монастырский Ю. Э. Возмещение убытков в гражданском праве России : дис. ... д-ра юрид. наук. Севастополь, 2020. С. 98.

⁶ Реформа обязательственного права России: проблемы и перспективы : монография / отв. ред. Е. Е. Богданова. М. : Проспект, 2020. С. 302 (автор — О. А. Кузнецова).

⁷ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.02.2022).

⁸ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право : Общие положения. М. : Статут, 1997. С. 493 (автор — В. В. Витрянский).

⁹ Зайцева Н. В. Принцип добросовестности и его влияние на квалификацию правовых связей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 49. С. 485.

предоставляется неполная или недостоверная информация об услуге. Одним из таких случаев является мисселинг (продажа одних слуг под видом других). Как отметила Председатель Банка России Э. С. Набиуллина, «к сожалению, немало банков, которые пытаются увеличить доходы за счет недобросовестных практик, используя разного рода хищнические схемы или мисселинг»¹⁰.

Среди услуг, реализуемых банками, при продаже которых допускается мисселинг, называют «страховки (накопительное и инвестиционное страхование жизни; страховки, связанные с выдачей кредитов), инвестиционные продукты (паевые фонды, стратегии доверительного управления и индивидуальные инвестиционные счета), а также договоры с негосударственными пенсионными фондами»¹¹.

В докладе Банка России следующим образом раскрыта реализация мисселинга: «В офисах банков гражданам пенсионного возраста, обратившимся за открытием (переоформлением) вклада, предлагаются ценные бумаги и финансовые инструменты, а также услуги доверительного управления в рамках стратегий со сложными параметрами определения дохода либо не гарантирующие получение дохода и (или) предусматривающие длительные сроки инвестирования (более года) с возможностью возврата денежных средств потребителю не в полном объеме в случае досрочного закрытия финансового продукта (расторжения договора)»¹².

Несмотря на неоднократные разъяснения регулятора о том, что такое поведение является недобросовестным, споры, связанные с мисселингом, суды часто разрешают не в пользу потребителей. Как обоснованно отмечает Л. Викторова, доказать, что потребитель не был должным образом проинформирован относительно существа заключаемого с ним договора и что ему не была предоставлена полная информация об оказываемых ему услугах, будет сложно, это является основной причиной отказа

в удовлетворении требований потребителей по таким спорам.

Следующий случай недобросовестного поведения, предусмотренный в ст. 434.1 ГК РФ, — проведение переговоров при заведомом отсутствии намерения заключить договор, — в банковской деятельности не практикуется. Однако в судебной практике всё же встречаются и такие споры, например когда банки затягивают процесс рассмотрения заявки и в результате отказывают в заключении кредитного договора после длительных переговоров без всяких оснований, тогда как заемщик в этот период занимается сбором документов и надеется на положительное решение о кредитовании. После необоснованного отказа клиент может быть лишен возможности, например, заключения контракта с поставщиком в связи с отсутствием обращения за кредитом в другой банк. Продемонстрируем данный вывод на судебном примере. Арбитражный суд Самарской области рассмотрел исковое заявление ООО «Феникс», которое обратилось в арбитражный суд с иском к ПАО «Банк Зенит» о взыскании убытков. Как указано в решении, «суд приходит к выводу о том, что в рассматриваемом случае действия ответчика, выраженные в незаключении кредитного договора и прекращении переговоров, являются правомерными и обусловлены спецификой работы и процессом кредитования, регулирующимся Гражданским кодексом Российской Федерации от 26.01.1996 № 14-ФЗ, Федеральным законом от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности»...»¹³. Данный спор является свидетельством того, что отсутствие в законе четких критериев добросовестного поведения при заключении кредитного договора не позволило суду признать действия банка недобросовестными и взыскать с него убытки, в то же время клиенту был причинен вред.

В теории права в контексте положений ст. 434.1 ГК РФ обсуждается также вопрос о правовой природе преддоговорной ответ-

¹⁰ Выступление Эльвиры Набиуллиной на встрече Ассоциации банков России. 18 февраля 2021 г. // URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=9598> (дата обращения: 15.08.2022).

¹¹ Макаров С. Мисселинг на доверии // Банковское обозрение. 18.03.2020. URL: <https://bosfera.ru/bo/misseling-na-doverii> (дата обращения: 04.08.2022).

¹² Доклад для общественных консультаций. Управление финансовым продуктом : Подходы к оценке и управлению потребительскими рисками / Банк России. Декабрь 2021 г. // URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/131265/Consultation_Paper_06122021.pdf (дата обращения: 15.08.2022).

¹³ Постановление Арбитражного суда Самарской области от 14.02.2019 по делу № А55-33134/2018 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/> (дата обращения: 29.07.2021).

ственности. Е. Е. Богданова считает, что «на примере преддоговорной ответственности особенно заметна тенденция взаимопроникновения различных видов гражданско-правовой ответственности: договорной и деликтной»¹⁴. И. З. Аюшеева пишет, что «преддоговорная ответственность содержит в себе черты договорной и внедоговорной (деликтной или квазиделиктной)»¹⁵.

Судебные органы сформировали аналогичную позицию: в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»¹⁶ отмечено, что к отношениям, связанным с причинением вреда недобросовестным поведением при проведении переговоров, применяются нормы гл. 59 ГК РФ, с исключениями, установленными статьей 434.1 ГК РФ. Данный вывод свидетельствует о признании судами двойственной природы гражданско-правовой ответственности на преддоговорной стадии. В случае отказа от договора это будет деликтная ответственность, а при заключении договора в результате недобросовестного поведения, связанного с непредоставлением либо неполным предоставлением информации, речь должна идти о договорной ответственности.

Таким образом, согласимся с позицией о двойственной природе преддоговорной ответственности в зависимости от того, был заключен впоследствии договор или нет.

Согласно п. 3 ст. 434.1 ГК РФ сторона, которая ведет или прерывает переговоры о заключении договора **недобросовестно**, обязана возместить другой стороне **причиненные этим убытки**. С учетом того, что статья 434.1 ГК РФ появилась в законодательстве сравнительно недавно, а также с учетом фактического неравенства сторон — кредитной организации и потенциального клиента — вопрос о гражданско-правовой ответственности за недобросовестное поведение при проведении переговоров в отношении профессионального субъекта

представляется крайне актуальным и требующим дальнейших исследований.

Общие правила о возмещении убытков за недобросовестное поведение предусмотрены в ст. 10 ГК РФ. Согласно п. 4 ст. 10 ГК РФ, если злоупотребление правом повлекло нарушение права другого лица, такое лицо вправе требовать возмещения причиненных этим убытков. В отношении применения указанной нормы А. В. Волков справедливо пишет, что «неверно оценивать ст. 10 ГК РФ как устанавливающую юридическую ответственность за злоупотребление правом; скорее это средство особой системной защиты от недобросовестного поведения субъектов права»¹⁷.

Напомним, что в российской судебной практике недобросовестное поведение признается вариантом злоупотребления правом либо синонимом указанного понятия, в этой связи следует согласиться с позицией о том, что правила п. 4 ст. 10 ГК РФ об убытках применяются и к случаям недобросовестного поведения. Такой подход исключает правовую неопределенность.

В качестве примера рассмотрим случаи недобросовестного поведения банков, связанные со взысканием с клиентов комиссий.

В соответствии с ч. 1 ст. 29 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» комиссии по операциям устанавливаются кредитной организацией по соглашению с клиентами, если иное не предусмотрено федеральным законом. Таким образом, взыскание каких-либо комиссий с клиентов (юридических лиц) допускается законом. В банковской практике широко используются комиссии, связанные с кредитованием заемщиков. Одной из распространенных банковских комиссий является комиссия за открытие и ведение ссудного счета. При этом суды уже давно сформировали практику, согласно которой ведение ссудного счета не является услугой в смысле ст. 779 ГК РФ и непосредственно не создает для заемщика какого-либо отдельного имущественного блага, не связанного с заклю-

¹⁴ Богданова Е. Е. Тенденции развития гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств: проблемы и перспективы // Lex russica. 2017. № 5. С. 27.

¹⁵ Аюшеева И. З. Преддоговорная ответственность: новеллы гражданского законодательства и судебной практики // Lex russica. 2017. № 5. С. 136.

¹⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

¹⁷ Волков А. В. Роль статьи 10 Гражданского кодекса РФ в системе гражданско-правовых норм // Lex russica. 2009. № 3. Т. 68. С. 587.

ченными сторонами кредитным договором, или иного полезного эффекта, поэтому взыскание такой комиссии неправомерно¹⁸. Данная позиция неоднократно высказывалась судами. Так, например, Тринадцатый арбитражный апелляционный суд указал, что: «...действия банка по открытию и ведению ссудного счета не являются банковской услугой, оказываемой заемщику»¹⁹.

Таким образом, позиция судов сводится к тому, что взыскание платы за открытие и ведение ссудного счета является незаконным.

Несмотря на указанную судебную практику, банки не отказались от взыскания с заемщиков такой комиссии, а изменили порядок ее уплаты **и вместо единоразового удержания установили порядок уплаты** периодически, начисляя на остаток задолженности²⁰. Комиссию за ведение ссудного счета, уплачиваемую периодически, суды признают уже не комиссией, а прикрытыми процентами за пользование кредитом, взыскание которых нельзя признать незаконным, поскольку по кредитному договору предусмотрено начисление процентов. Изменение порядка уплаты комиссии за открытие и ведение ссудного счета позволило банкам не возвращать заемщикам удержанные с них в счет данной комиссии денежные средства.

Такое поведение является недобросовестным. Во-первых, банки, устанавливая невысокую процентную ставку по кредитному договору и взыскивая при этом комиссию, которая уплачивается так же, как проценты (и признается судами процентами), создают у заемщиков иллюзию того, что кредит предоставляется под меньшую процентную ставку, тогда как часть процентного платежа скрыта в комиссии. Во-вторых, заемщик лишается возможности взыскать такую комиссию обратно с банка, поскольку по своей природе данный платеж признается процентами за пользование кредитом.

Представляется, что независимо от порядка уплаты комиссии за открытие и ведение ссуд-

ного счета (единоразово, частями) клиенты должны иметь право взыскивать с банка убытки в размере такой комиссии в связи с недобросовестным поведением банков.

Учитывая, что российским законодательством предусмотрено взыскание убытков за недобросовестное поведение, не требуется дальнейшего доказывания необходимости применения данной меры ответственности. В связи с этим можно перейти к рассмотрению вопроса об определении размера убытков при их взыскании за недобросовестное поведение.

Размер ответственности в гражданском праве обычно раскрывают через анализ количественных (денежных, ценовых и др.) свойств, в том числе убытков²¹.

Основной трудноразрешимой проблемой в судах, как показывает практика, до сих пор является обоснование размера убытков, бремя доказывания которых возложено на потерпевшую сторону, из-за чего нарушенные права потерпевшей стороны, как правило, не восстанавливались либо восстанавливались лишь отчасти²². Это объясняется тем, что в российских судах доказывание убытков было чрезвычайно затруднительным в силу высоких и очень формальных требований к обоснованию как размера убытков, так и к причинно-следственной связи между убытками кредитора и нарушениями должника.

Доказывание размера убытков, возникших вследствие недобросовестного поведения, представляется еще более сложной задачей, поскольку критерии такого поведения в большинстве случаев определяются судом.

Однако в литературе и практике уже выработаны основные подходы к расчету размера убытков. По общему правилу, размер ответственности должен соответствовать причиненному вреду²³. Смысл возмещения убытков заключается в том, что в результате имущество кредитора должно оказаться в том положении, в каком оно находилось бы в случае, если бы

¹⁸ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2015), утвержденный Президиумом ВС РФ от 26.06.2015 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ См.: постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.01.2016 по делу № А21-2415/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2015).

²¹ Основы гражданского права : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [Н. Д. Эриашвили [и др.]] ; ред. Н. Д. Эриашвили, Р. А. Курбанов. М. : Юнити-Дана, 2015.

²² Основы гражданского права : учебник. С. 120 (автор — Л. Ю. Василевская).

²³ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Указ. соч. С. 493 (автор — В. В. Витрянский).

должник исполнил обязательство надлежащим образом²⁴. При возмещении убытков кредитор не должен получить ничего лишнего, выходящего за пределы того необходимого, что позволяет восстановить его нарушенное право. Данная проблема должна решаться путем детального регулирования порядка и способов определения размера убытков и их доказывания²⁵. Следовательно, взыскиваемые за недобросовестное поведение убытки должны быть соизмеримы с причиненным вредом.

В гражданском законодательстве основным ориентиром для определения размера убытков являются цены, существующие в месте исполнения обязательства. Следует согласиться с В. В. Витрянским, который считает, что ГК РФ не содержит норм (помимо положений об используемых ценах), детально регламентирующих порядок исчисления убытков. Данный пробел компенсируется (в определенной степени) арбитражно-судебной практикой²⁶.

Споры, связанные со взысканием убытков по банковским договорам, нашли отражение в информационном письме Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 № 147, в п. 11 которого указано, что «понуждение к исполнению обязанности выдать кредит в натуре не допускается, надлежащим способом защиты прав заемщика в случае нарушения кредитной организацией обязательства выдать кредит является обращение в суд с требованием о возмещении убытков, причиненных нарушением кредитного договора, выражающихся, в частности, в разнице между ставкой за пользование кредитом, установленной в нарушенном договоре, и процентной ставкой за пользование суммой кредита, полученной в другом банке, при условии, что срок кредитования и сумма кредита по второму кредитному договору не отличаются значительно от соответствующих условий нарушенного договора». Таким образом, ориентиром для расчета размера убытков в случае необоснованного отказа банком в выдаче кредита должна стать разница между процентной ставкой, на которую заемщик мог рассчитывать в первоначальном банке-кредиторе, и той, ко-

торую установил банк, фактически выдавший заемщику кредит.

Расчет убытков представляется несложным, когда недобросовестное поведение банков проявляется в установлении различных финансовых условий. Например, когда банк устанавливает значительную разницу между процентными ставками по договору потребительского кредита в зависимости от страхования заемщиком жизни и здоровья, что фактически предопределяет выбор клиента в пользу кредитования одновременно со страхованием. Здесь убытки можно рассчитать в размере суммы страховой премии, уплаченной заемщиком, поскольку именно эти расходы понес заемщик, а в случае, если потребитель отказался от страхования, — в размере разницы процентных ставок.

Неравенство возможностей банка и клиента (наличие профессиональных знаний, разное имущественное положение, отсутствие у клиента специальных познаний и т.д.) затрудняет доказывание размера убытков для такого клиента, особенно когда недобросовестное поведение не связано с финансовыми условиями.

В настоящее время судами контролируется расчет убытков²⁷, поскольку по действующему законодательству суды могут самостоятельно определять размер взыскиваемых денежных сумм²⁸. Такой вывод основан на новом положении п. 5 ст. 393 ГК РФ, предусматривающем, что суд не может отказать в удовлетворении требования кредитора о возмещении убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, только на том основании, что размер убытков не может быть установлен с разумной степенью достоверности. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков суд определяет с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства. Рассматривая указанную норму права, Л. Ю. Васильевская высказала обоснованное мнение, что «законодателем сделана попытка решить проблему с трудностью доказывания точного размера убытков, которая создавала на практике

²⁴ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Указ. соч. С. 518 (автор — В. В. Витрянский).

²⁵ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Указ. соч. С. 493 (автор — В. В. Витрянский).

²⁶ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Указ. соч. С. 519 (автор — В. В. Витрянский).

²⁷ Фогельсон Ю. Б. Принцип добросовестности в российской судебной практике // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 9. С. 107.

²⁸ Развитие гражданского права России. Тенденции, перспективы, проблемы. С. 213.

серьезные препятствия для восстановления нарушенных прав кредитора в целом, не говоря уже о решении вопроса, связанного с полной возмещением убытков»²⁹.

Поскольку законодателем не предусмотрены специальные требования к определению размера убытков, причиненных недобросовестным поведением, к недобросовестному лицу следует применять общие правила расчета размера убытков, установленные за нарушение обязательства, а для клиентов-потребителей — аналогичные тем, которые установлены Законом РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей».

При определении размера убытков, возникших вследствие недобросовестного поведения, представляется необходимым учитывать сложность как банковских договоров, так и договоров, которые банки заключают от имени некредитных финансовых организаций, например договор страхования, инвестиционный договор. Представляется, что данные убытки должны взыскиваться с банка как поставщика услуги в том же объеме, что и с лица, которое такую услугу оказывало, т.е. исполнителя.

Недобросовестное поведение учитывается при решении вопроса не только о размере убытков, но и об их снижении.

Правила о снижении убытков должны применяться с учетом поведения кредитора. В российском праве предусмотрен принцип полного возмещения убытков, при этом в п. 1 ст. 404 ГК РФ содержится исключение: если неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства произошло по вине обеих сторон, суд **соответственно уменьшает размер ответственности должника**. Суд также вправе уменьшить размер ответственности должника, если кредитор умышленно или по неосторожности содействовал увеличению размера

убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением, либо не приняв разумных мер к их уменьшению.

Споры, в которых ставился вопрос об уменьшении убытков, причиненных недобросовестным поведением, неоднократно рассматривались судами. В пункте 12 упомянутого ранее постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 даны разъяснения по расчету убытков при заключении замещающего договора: «Добросовестность кредитора и разумность его действий при заключении замещающей сделки предполагаются (пункт 5 статьи 10, пункт 3 статьи 307, статья 393.1 ГК РФ). Должник вправе представить доказательства того, что кредитор действовал недобросовестно и/или неразумно и, заключая замещающую сделку, умышленно или по неосторожности содействовал увеличению размера убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением, либо не принял разумных мер к их уменьшению (пункт 1 статьи 404 ГК РФ)».

Сложность расчета имущественного вреда, возникшего вследствие недобросовестного поведения банков, критерии которого определяются судом, объясняется оценочным содержанием ст. 10, 307 ГК РФ и требует выработки нестандартных подходов к расчету убытков.

Представляется, что взыскание убытков за недобросовестное поведение банков следует осуществлять с учетом основных правил:

- не применять предусмотренные статьей 15 ГК РФ правила о снижении размера убытков, взыскиваемых с кредитных организаций, если стороной банковского договора является потребитель;
- при взыскании убытков за недобросовестное поведение применять правила, установленные законодательством о защите прав потребителей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аюшеева И. З. Преддоговорная ответственность: новеллы гражданского законодательства и судебной практики // *Lex russica*. — 2017. — № 5. — С. 136–147.
2. Байбак В. В. Уменьшение убытков при нарушении договора (mitigation) // *Вестник ВАС РФ*. — 2012. — № 7. — С. 65–80.
3. Богданова Е. Е. Принцип добросовестности и эволюция защиты гражданских прав в договорных отношениях. — М.: Юрлитинформ, 2014. — 344 с.

²⁹ Реформа обязательственного права России: проблемы и перспективы. С. 118–120 (автор главы Л. Ю. Василевская).

4. Богданова Е. Е. Тенденции развития гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств: проблемы и перспективы // *Lex russica*. — 2017. — № 5. — С. 24–37.
5. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право : Общие положения. — М. : Статут, 1997. — 682 с.
6. Волков А. В. Роль статьи 10 Гражданского кодекса РФ в системе гражданско-правовых норм // *Lex russica*. — 2009. — № 3. — Т. 68. — С. 583–592.
7. Гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 1 / под ред. С. А. Степанова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2019. — 554 с.
8. Гражданское право. Часть первая : учебник / отв. ред. В. П. Мозолин, А. И. Масляев. — М. : Юристъ, 2003. — 719 с.
9. Зайцева Н. В. Принцип добросовестности и его влияние на квалификацию правовых связей // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. — 2020. — Вып. 49. — С. 476–501.
10. Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» / О. С. Иоффе, Е. А. Суханов. — 3-е изд., испр. — М. : Статут, 2009. — 782 с.
11. *Монастырский Ю. Э.* Возмещение убытков в гражданском праве России : дис. ... д-ра юрид. наук. — Севастополь, 2020.
12. Основы гражданского права : учебник для студентов вуза, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [Н. Д. Эриашвили [и др.]] ; под ред. Н. Д. Эриашвили, Р. А. Курбанова. — М. : Юнити-Дана, 2015. — 455 с.
13. Развитие гражданского права России. Тенденции, перспективы, проблемы : монография / Е. В. Богданов, Д. Е. Богданов, Е. Е. Богданова. — М. : Юнити-Дана, 2014. — 335 с.
14. Реформа обязательственного права России: проблемы и перспективы : монография / отв. ред. Е. Е. Богданова. — М. : Проспект, 2020. — 416 с.
15. Фогельсон Ю. Б. Принцип добросовестности в российской судебной практике // *Вестник экономического правосудия РФ*. — 2017. — № 9. — С. 103–116.

Материал поступил в редакцию 4 июля 2022 г.

REFERENCES

1. Ayusheeva IZ. Preddogovornaya otvetstvennost: novelly grazhdanskogo zakonodatelstva i sudebnoy praktiki [Pre-Contractual Liability: The Novelties into the Civil Legislation and Judicial Practice]. *Lex russica*. 2017;5:136-147. (In Russ.).
2. Baibak VV. Umenshenie ubytkov pri narushenii dogovora (mitigation) [Mitigation of losses in case of breach of a contract (mitigation)]. *Bulletin of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation*. 2012;7:65-80. (In Russ.).
3. Bogdanova EE. Printsip dobrosovestnosti i evolyutsiya zashchity grazhdanskikh prav v dogovornykh otnosheniyakh [The principle of good faith and the evolution of civil rights protection in contractual relations]. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2014. (In Russ.).
4. Bogdanova EE. Tendentsii razvitiya grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti za narushenie obyazatelstv: problemy i perspektivy [Tendencies in the Development of Civil Liability for the Breach Of Obligations: Challenges and Perspectives]. *Lex russica*. 2017;5:24-37. (In Russ.).
5. Braginsky MI, Vitryansky VV. Dogovornoe pravo: Obshchie polozheniya [Contract law: General provisions]. Moscow: Statute Publ.; 1997. (In Russ.).
6. Volkov AV. Rol stati 10 Grazhdanskogo kodeksa RF v sisteme grazhdansko-pravovykh norm [The role of Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation in the system of civil law norms]. *Lex russica*. 2009;3(68):583-592. (In Russ.).
7. Stepanov SA, editor. Grazhdanskoe pravo [Civil law]. In 2 vols. 2nd ed. Moscow: Prospect Publ.; 2019. (In Russ.).
8. Mozolin VP, Maslyaev AI, editors. Grazhdanskoe pravo. Chast pervaya [Civil law. Part One]. Moscow: Jurist Publ.; 2003. (In Russ.).
9. Zaitseva NV. Printsip dobrosovestnosti i ego vliyanie na kvalifikatsiyu pravovykh svyazey [The principle of good faith and its impact on the qualification of legal relations]. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2020;49:476-501. (In Russ.).

10. Joffe OS, Sukhanov EA. Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu. Iz istorii tsivilisticheskoy mysli. Grazhdanskoe pravootnoshenie. Kritika teorii «khozyaystvennogo prava» [Selected works on civil law. From the history of civilistic thought. Civil legal relationship. Criticism of the theory of «economic law»]. 3rd ed., Moscow: Statute Publ.; 2009. (In Russ.).
11. Monastyrskiy YuE. Vozmeshchenie ubytkov v grazhdanskom prave Rossii [Compensation of damages in the civil law of Russia]. Doctoral Dissertation. Sevastopol; 2020. (In Russ.).
12. Eriashvili ND, et al. Osnovy grazhdanskogo prava: uchebnyy dlya studentov vuza, obuchayushchikhsya po spetsialnosti «Yurisprudentsiya» [Fundamentals of civil law: textbook for university students studying in the specialty «Jurisprudence»]. Moscow: Unity-Dana Publ.; 2015. (In Russ.).
13. Bogdanov EV, Bogdanov DE, Bogdanova EE. Razvitie grazhdanskogo prava Rossii. Tendentsii, perspektivy, problemy: monografiya [Development of civil law in Russia. Trends, prospects, problems: monograph]. Moscow: Unity-Dana; 2014. (In Russ.).
14. Bogdanova EE, editor. Reforma obyazatelstvennogo prava Rossii: problema i perspektivy: monografiya [Reform of the law of obligations of Russia: the problem and prospects: monograph]. Moscow: Prospect Publ.; 2020. (In Russ.).
15. Fogelson YuB. Printsip dobrosovestnosti v rossiyskoy sudebnoy praktike [The principle of good faith in Russian judicial practice]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF*. 2017;9:103-116. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.020-032

Н. Г. Скачков*

ESG-факторы в системе корпоративного и социального риск-менеджмента как инфраструктурный компонент трансграничного бизнеса¹

Аннотация. Статья посвящена анализу актуальных факторов устойчивого развития ESG (Environmental Social and Corporate Governance). В работе показано, как ESG-повестка реализуется на практике, а также какие изменения правового регулирования или поведения инвесторов, контрагентов, потребителей продуктов и услуг могут быть связаны с ней. Автор рассматривает, насколько стандарты ESG включаются в стратегию управления рисками трансграничного бизнеса. Система риск-менеджмента — совокупность приемов и способов, позволяющих достаточно точно спрогнозировать наступление рисков событий. Стандарты управления рисками предполагают выбор как «положительных», так и «негативных» аспектов (рисков). Термин «аспект» предназначается для идентификации последствий, вероятностей риска, его матрицы в долгосрочной и краткосрочной перспективе. Наиболее удачными являются стандарты так называемой лучшей практики, чаще всего они именуются «интегрированным риск-менеджментом».

В работе особо выделены цепочки заключаемых договоров, рассматриваются заложенные в них экологически чистые управленческие решения. В статье обосновывается категориальный аппарат двух направлений риск-менеджмента, подверженных влиянию факторов ESG: собственно социального, а также корпоративного. В статье аргументируется прокредиторский подход к рискам ненадлежащего распределения корпоративных активов, формирования оценочных и регуляторных резервов капитала. Показано, какая из проблемных задолженностей порождает у корпоративной группы должников-заемщиков право требования, стóит ли в этой связи воспользоваться иностранной юрисдикцией. Автор допускает, что тогда социальные риски варьируются от такой первопричины, как коллизии социально значимых интересов, до более сложных юридических конструкций, основой которых служат противоречивые процессы согласования корпоративной инвестиционной стратегии. В итоге непреходящее значение получают даже минимальные правовые стандарты, детализирующие страховые риски, при сопоставимости рисков социальной, а также кредитной групп.

Ключевые слова: ESG-повестка; устойчивое развитие; социально ориентированный инвестор; корпоративный рейтинг ESG; социальный риск-менеджмент; залоговые суммы; реестр требований кредиторов; выплата обеспечения; корпоративная социальная ответственность; социальное финансирование; оборотные активы.

Для цитирования: Скачков Н. Г. ESG-факторы в системе корпоративного и социального риск-менеджмента как инфраструктурный компонент трансграничного бизнеса // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 9. — С. 20–32. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.020-032.

¹ Статья выполнена в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Скачков Н. Г., 2022

* Скачков Никита Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
skanic@mail.ru

ESG Factors in Corporate and Social Risk Management System as an Infrastructure Element of Cross-Border Business²

Nikita G. Skachkov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of International Private Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
skanic@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the analysis of current factors of ESG (Environmental Social and Corporate Governance) sustainable development. The paper shows how the ESG agenda is implemented in practice, as well as what changes in legal regulation or behavior of investors, counterparties, consumers of products and services may be associated with it. The author examines to what extent ESG standards are included in the risk management strategy of cross-border business. The risk management system is a set of techniques and methods that allow you to accurately predict the occurrence of risk events. Risk management standards presuppose the choice of both «positive» and «negative» aspects (risks). The term «aspect» is intended to identify the consequences, probabilities of risk, its matrix in the long and short term. The most successful are the standards of the so-called best practice, most often they are called «integrated risk management».

The paper highlights the chains of concluded contracts, considers the environmentally friendly management solutions embedded in them. The paper substantiates the categorical apparatus of two directions of risk management, influenced by ESG factors: social risk management and corporate risk management. The paper argues for a procreditor's approach to the risks of improper distribution of corporate assets, the formation of valuation and regulatory capital reserves. It is shown which of the problematic debts gives rise to a corporate group of debtors-borrowers to claim and whether it is worth resorting to a foreign jurisdiction in this regard. The author admits that social risks range from such a root cause as conflicts of socially significant interests to more complex legal structures, the basis of which is formed by contradictory processes of coordination of corporate investment strategy. As a result, even the minimum legal standards detailing insurance risks are of lasting importance, with the comparability of the risks of social and credit groups.

Keywords: ESG agenda; sustainable development; socially oriented investor; ESG corporate rating; social risk management; collateral amounts; register of creditors' claims; payment of collateral; corporate social responsibility; social financing; current assets.

Cite as: Skachkov NG. ESG-factory v sisteme korporativnogo i sotsialnogo risk-menedzhmenta kak infrastrukturnyy komponent transgranichnogo biznesa [ESG Factors in Corporate and Social Risk Management System as an Infrastructure Element of Cross-Border Business]. *Lex russica*. 2022;75(9):20-32. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.020-032. (In Russ., abstract in Eng.).

Система риск-менеджмента — совокупность приемов и способов, позволяющих достаточно точно спрогнозировать наступление рисков событий. Одновременно сформирована зона ответственности для каждого из рисков обстоятельств, включая юридическое прогнозирование как фундамент нормативно-правового регулирования.

Стандарты управления рисками предполагают выбор как «положительных», так и «негативных» аспектов (рисков). Термин «аспект» предназначается для идентификации последствий, вероятностей риска, его матрицы в долгосрочной и краткосрочной перспективе. Наиболее удачными являются стандарты так называемой лучшей практики, чаще всего они именуются «интегрированным риск-менеджмен-

том» (Enterprise Risk Management, ERM-ISO Guide 73/2009).

Выделим также обновленные редакции стандарта ISO 31000:2018 «Управление рисками: Руководство», концепции COSO «Управление рисками организации. Интеграция со стратегией и эффективностью деятельности» (2017 г.). Они воплощают прикладные, практические презумпции, преимущественно англо-американской правовой семьи, что неудивительно, поскольку их появление было предопределено совместной работой британского Института риск-менеджмента (IRM), Ассоциации риск-менеджмента и страхования (AIRMIC) Великобритании, а также Национального форума риск-менеджмента в общественном секторе.

² The article was prepared within the framework of the strategic academic leadership program «Priority-2030».

Вопрос о порядке применения нормативных предписаний относительно стратегии управления рисками, надо заметить, остается сложным, системные подходы очевидно отсутствуют. Крайне трудно объединить в единое целое все потенциальные возможности риск-менеджмента: наблюдения, контроля, оценки администрирования, аналитики сильных, слабых сторон взаимодействия компании с контрагентами во внешней и внутренней бизнес-среде.

Критерии рисков трансграничного бизнеса носят по-прежнему двойственный характер. Соответственно, их элементы подразделяются на субъективные, когда риск-ситуация еще только возникает, а также объективные: от волевого регулирования риска (ставшего реальным) и до квалификации юридических фактов.

Стратегические приоритеты ESG, бесспорно, содержат указание на механизм данной двойственности. Как следствие, заявляют о себе более сложные составы рисков в сфере акционерной стоимости бизнеса, учета владения активами, долговыми ценными бумагами, финансового оздоровления, операционной деятельности. Как закрепляется в Директивах Европейского парламента и Совета UCITS и AIFMD по управлению активами, перманентности финансирования, улучшению обмена информацией от 24.05.2018 (обновленная редакция предложена 30 апреля 2019 г. Европейским управлением по ценным бумагам и рынкам), складываются две группы риск-факторов. Появление одной из них предопределено в целом воздействием предпринимательства на внешний мир. Другая, более узкая, исходит из растущей вероятности изменения финансовых показателей (под влиянием ESG-подхода).

Дуализм экологического, социального, а также управленческого рисков события раскрывается в русле так называемой «двойной существенности», когда к положительному финансовому результату приводят ESG-критерии устойчивого развития: юридическая ответственность и социальное инвестирование, ставшие самостоятельными трендами. Наступление негативного эффекта заключено в институционализации уже ESG-рисков. Согласно Директиве Европейского парламента и Совета «О раскрытии нефинансовой информации» 2017/C215/01 EU (январь 2018 г.) риски экологические обособлены от рисков платежеспособности компании, тем не менее подводят под ними логическую черту, поскольку подразумевают объективное разобщение финансовой и нефинансовой отчетности.

В соответствии с Руководящими принципами представления информации, связанной с климатом (опубликованы Европейской комиссией в июне 2019 г.), такое начало, как достоверность, свойственно именно нефинансовой отчетности для социальных и экологических инициатив. Как закрепляется в Разъяснениях Европейской службы банковского надзора (European Banking Authority, выполнены в формате Консультативного доклада о контроле за ESG-рисками в кредитных организациях и инвестиционных компаниях, октябрь 2020 г.), стóит поэтому сосредоточиться на применении *per se* принципа существенности. Предполагается более полное раскрытие процессной стороны стратегического управления рисками ESG, потенциала их влияния.

Так, крупным компаниям — институциональным инвесторам крайне невыгодно иметь низкий ESG-рейтинг, ими поэтому вводится специальная программа ESG-кредитования, отслеживающая все возникающие риски. Более того, рейтинг важен и для субъектов хозяйствования, выгода для которых заключается в продвижении ESG-практики на рынок.

Они получают приемлемое финансирование, если регуляторы корпоративного поведения укажут на позитивную связь между высокой социальной ответственностью, инвестированием, а также доходностью паевых, реальных активов. Компания ориентируется на ESG-рейтинг, когда формирует положительные экстерналии принятия операционных бизнес-решений для придания инклюзивности финансовым ресурсам, обеспечения равного доступа к социальным благам и стартовым возможностям.

В то же время показатели активов риска у социально ориентированного инвестора много выше, чем могла бы гарантировать управляющая выбором традиционных инвестиционных портфелей компания. Данному юридическому лицу трудно бывает оправдать высокий кредитный риск, если краткосрочные пассивы предоставляются вместо долгосрочных, тогда как сделка по кросс-продаже заключается с целью предотвратить отток одних только комиссионных выплат.

Столь серьезные изменения социальной ориентации бизнеса означают создание отлаженной системы сдержек, а также противовесов, значимой и для корпоративного статуса ESG. Существенно отметить, что вытекающая отсюда оценка рисков методологически может оказаться достаточно жесткой. В то же время

принятые решения видятся единственно эффективными — они вполне способны свести к минимуму такие признаки страхового события, как вероятность и случайность. Этим одна из практик квалификации рисков противопоставляется другой, где все отрицательные последствия понесенных потерь сведены к подсчету страховых событий.

Автору важно было рассмотреть, сопровождают ли риски регулирования кредиторской задолженности преобразование обеспечительных правоотношений в разряд корпоративных. Стоит также установить, какие риски социальной сферы тогда неоспоримы и окажется ли система управления ими результативной, основываясь при этом на принципах ESG.

Социальные риски, бесспорно, далеки от отраслевых особенностей проблемных заемщиков ESG. Вместе с тем, если нормотворчество в сфере корпоративных отношений направлено на взыскание задолженности, то оно играет не менее заметную социальную роль. Будучи частью правообразования, конструирование юридических норм претерпевает воздействие той общественно-правовой среды, где выявляются общесоциальные интересы, принимаются управленческие решения, соотносящие правовую структуру социума (целое) и культуру бизнеса (часть целого).

В этом ключе нельзя обойти вниманием такое понятие, как «устойчивые финансы» (sustainable finance), родовое для социального страхования как одного из важнейших инструментов управления рисками непредвиденных потерь, расходов, а также сомнительных долгов акционеров компании. Так реализуются концепция стабильности в инвестировании ESG, разноплановый корпоративно-правовой опыт увеличения прибыли. Акционеры не просто модифицируют существующие цепочки поставок, но и готовят почву для справедливого назначения выплат, повышения прозрачности платежей.

Экологическому влиянию трудно между тем отвести роль дополнительного звена в механизме совершаемых транзакций. В формулу расчета обязательств вносится элемент *quantium* — обоснованности убытков от зачистую искусственного наращивания того процента прибыли, с которым готовый товар продается ритейлерам. К их составу относятся и

стейкхолдеры ESG, внешние, а также внутренние, они проводят в жизнь тезис о признании акционера компании выгодоприобретателем с учетом финансового результата — максимизации ресурсов.

Вместе с тем становится очевидным, что управление социальным риском — дело для всех, кто объективно заинтересован в предотвращении кризисных явлений общественной жизни, его катализаторов. Впоследствии приходится отвечать на угрозу появления уже юридических рисков, когда прокредиторское правовое регулирование явно отказывает в выгоде должнику. Для займодавца противодействие всевозможным вызовам начинается с нейтрализации риска случайности, только возрастающего от одного страхового события к другому. По не потерявшему актуальности мнению Э. Гидденса, социальные риски здесь абсолютны, поскольку заложены в самой инициативе лица предпринять юридически значимые действия³.

Данные риски являются обременительными. Они изобилуют многообразными оценочными категориями, каждая из них отображает определенные бизнес-процессы в объективной юридической реальности. Однако любая реальность противоречива. Так, сложно предугадать, заложено ли в жизненный цикл управления рисками завышение сумм активов баланса: их бухгалтерская стоимость может быть много меньше той, что начислена как действительная стоимость объекта страхования.

Заниженные выплаты по первоначальному кредитному взносу, несомненно, уменьшают поступления от возврата ссудных, портфельных средств. Но для их предоставления риски, надо признать, весомы не меньше: с учетом уязвимо-го правового положения заемщика консенсуальный, возмездный характер генерального здесь обязательства представляется сомнительным.

Водораздел между рисками объективных противоречий, субъективизма обеспечения прав проводит, согласно дефиниции Ю. Сакаи, отсутствие юридического эквивалента принципу улучшения В. Паретто. Одна из сторон довольствуется вероятностным жизненным циклом развития страхового события, тогда как другая сторона остро заинтересована в ясности происходящего⁴.

³ Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 43.

⁴ Sakai Y. (2018). On the economics of risk and uncertainty: A historical perspective. CRR Discussion Paper Series A: General 28. Shiga University, Faculty of Economics, Center for Risk Research. P. 17–37.

Неясность риска во многом основывается на постулатах юридического позитивизма: нормативно-правовое пространство определено разрешительным порядком. Поэтому причинность страхового случая отвергается едва ли, пусть ей и присущи слабость юридических аргументов, отсутствие критического к ним подхода. В связи с этим сто́ит упомянуть о детерминированности социального риска, проблеме обеспечения свободы воли при установлении судьбы договорного обязательства.

По сравнительно давнему утверждению Ф. Найта, юридическая частота рисков действий устанавливает приемы управления рисковыми ситуациями, исходя из развиваемого одновременно умения действовать вопреки им. Иного способа измерить возникающую неопределенность, отдалить ее от собственно вероятности просто не существует⁵.

Данное заключение предвосхитило появление ныне популярных постмодернистских тенденций (в праве) — мозаика инноваций потому и оттеняет юридический традиционализм, чтобы субъект правоотношений мог проанализировать все нюансы юридической действительности. Парадигмой для классификации социальных рисков становится опыт преодоления отраслевых диссонансов — концептуальных изменений для институциональных форм бизнеса. В то же время его флагманы придерживаются сформулированной ими же правоприменительной эмпирики.

Свобода договора представляется тогда неразрывной с социальной функцией предоставления равных возможностей участникам оборота, доминантной для гражданско-правового регулирования. Риски отражают взаимную готовность контрагентов к компромиссам при достижении общественно полезной цели заключения коммерческого контракта: с положительным результатом, в кратчайший срок.

Здесь, надо заметить, и коренится вышеотмеченный изъян. Существует известный посыл юридической логики: предусмотреть при подписании контракта социального страхования альтернативные варианты тарификации, начисления страховых выплат, применяемые со ссылкой на тот же принцип свободы договора.

Риск в этой связи имеет место лишь там, где существуют возможности управления им. Они рассчитаны на ординарного потребителя страховых услуг. Имеет смысл, соответственно,

выдвинуть более результативные компетенции риск-менеджмента на первый план. Своим появлением они подтолкнут держателя страхового полиса скорее погасить расходы кредитной организации.

Процессная сторона управления рисками после этого будет опираться на функцию предугадывания негативных последствий от применения страховых схем резервирования активов страховщиком в счет отдаленных во времени периодов оплаты убытков. Выгодоприобретателю важно извлечь из данной бизнес-модели организационно-финансовую ее часть, согласно которой ESG-инвестору предложено перераспределить потоки экономического капитала в пользу регуляторного. Прогнозирование риск-предпочтений со временем сможет обойтись без традиционных процентных ставок как источников для множества финансовых, фискальных переменных. Однако предсказательная сила риска все равно достигнет крайне высоких значений. Регулятор просто не успеет выбрать, что называется, плохую процентную ставку залогового кредитного обеспечения безрисковых резервов.

Превентивное планирование тоже едва ли исключено. Сценарий наилучшего развития событий, правда, сосредотачивает внимание сразу на состоянии опасности как общем признаке рисков вместо, казалось бы, более понятных алгоритмов ее предупреждения. Границы «риск-аппетита» (толерантности к риску, устойчивости перед ним), можно тогда предположить, будут определены фактически. В отличие от них, последовательность учета капитала застрахованного лица, состав измерений, порядок их осуществления выполняются и сугубо гипотетически.

При этом субъекты корпоративного управления пользуются юрисдикционной привязкой к правопорядку места наступления вреда. Вместе с тем проявления риска проецируются на подсистемы материального права применительно к средствам эталонирования доходности, источникам компенсационных выплат. Страхование здесь исторически выступает антиподом извлечения безосновательной финансовой выгоды для кредитора, с какой бы компенсацией она ни была связана.

Появление таких выгод служит поводом для достаточно серьезного разбирательства, иницируемого корпоративной структурой, сопро-

⁵ Найт Ф. Х. Риск, неопределенность и прибыль. М., 2003. 360 с.

вождается принятием управленческих решений как внутри группы взаимозависимых лиц, так и вне ее. Объективно исходом тогда можно считать приобретение субъектами корпоративного договора особенной новизны в предпринимательской деятельности. Содержательные ее признаки залегают в предметной плоскости, где отражаются как горизонтальные имущественные отношения, так и вертикальная их связанность процедурой исполнения хозяйственно-управленческих обязательств.

ESG-повестка является примером вертикального управления: заложена управляющими органами компании в силу своей субъектно-объектной компетенции. В процедуру рейтингования ESG вовлекаются и руководители структурных подразделений юридического лица, а также рядовые акционеры. Объем их корпоративных прав устанавливается при условии, что определение правового статуса этих лиц сопровождалось составлением реестра требований кредиторов, куда включены были и гражданско-правовые презумпции должников.

Права такого займодавца переходят к поручителю сразу после внесения сумм обеспечения по обязательству. Заемщик, как сформулировано, например, в ГК Италии, прибегает к суброгации *ex voluntate debitoris* (лат. — по воле должника). Помимо создания дополнительных гарантий, выплаты начисляются на сумму реальных расходов за связанное с ними лицо, упрочняется и корпоративная связь с кредитором. Риски последнего убеждают в необходимости придать задолженности все свойства корпоративного требования.

Юридические факты здесь явно относятся к категории межотраслевых правовых комплексов. Обусловленные ими социальные риски, собственно, и указывают на совокупность тех компонентов, которые опосредованно адаптируются в рамках то одного, то другого института права.

Последующее усложнение правоотношений в сфере гражданского оборота, признание капиталов основными объектами гражданских прав закономерно сопровождаются разнообразными нетривиальными, а подчас весьма острыми ситуациями. Реальную угрозу таит в себе скоропалительная подготовка к реализации сверхзадачи оптимизировать затраты

вместо сконструированной логически взвешенно, осторожно бизнес-модели извлечения прибыли. Вследствие чего, по убеждению Дж. Ф. Хенне (с коллегой), может утрачиваться само единство стратегии управления рисками, сущностные его свойства рассматриваются, очевидно, обособленно⁶.

Предприниматели не усматривают иной формы реагирования на потенциал рисков, кроме как передать их той стороне, активы которой едва ли пополнят собой имущественную массу должника. Подобным образом субъекты хозяйствования еще и выражают обеспокоенность позицией контрагентов, которые оценивают много выше, чем стоило бы, не сам риск, а дешевизну его компенсации посредством хеджирования.

Действительно, коммерсанту предстоит каждый раз пересматривать процентные ставки активов, поскольку расчетные величины суммарных возмещаемых затрат изменяются с обязательством, порождающим конкретный риск. Полностью избавиться от бремени расходов, очевидно, не удастся. Тем не менее один из контрагентов может попытаться оплатить хотя бы часть их постфактум, рассчитывая на однажды полученное им ценовое конкурентное преимущество. Особую актуальность оно приобретает при минимизации рисков, если другому участнику коммерческой деятельности всё же представилась возможность уменьшить издержки.

Рискам, однако, не чужды и дополнительные расходы, малосущественно, начислены ли они превентивно либо впоследствии. В то время как лица, формирующие кредитные портфели заключаемых сделок, определенно не готовы к предстоящим структурным изменениям системы управления рисками, чреватых наступлением социальной ответственности.

Накопление ресурсов по-прежнему видится результативным инструментом защиты, соответственно, от социальных рисков. Свобода обращения активов, одновременно возможность воспользоваться многообразием финансовых инструментов влекут за собой уверенное обеспечение кредитного обязательства, свободного от плавающих ставок. Данная мера должна призвать кредитные организации к диверсификации источников финансирования, для чего и

⁶ Henne J. F., Wenzel L. Emerging Risks. Neue Risiken und deren Anforderungen an das Risikomanagement // Betriebliches Risikomanagement und industrierversicherung / ed. A. Mahnke, T. Rohlf. Wiesbaden, 2020. S. 115–133.

стóит воспользоваться расширенным инвестиционным инструментарием ESG-проектов. В то же время показатели риска по портфелям ESG много больше, чем мог бы составить любой из ссудных портфелей ценообразования активов.

Диапазон доходности здесь узок: либо это стоимость акций, которую сравнительно просто учитывать при управлении рисками ESG, либо дисконтирование денежных потоков, субсидий на общую прибыльность от участия в договоре. Баланс взаимных интересов сторон сделки, можно предположить, складывается между рисками и преимуществами коллективного страхования, когда заемщик является выгодоприобретателем, пусть в контракте страхования он поименован едва ли. Ожидания от исполнимости договорных обязательств для него не напрасны — возникает право на обращение к кредитору твердо соблюдать контрактные условия, как закреплено в § 122.I Германского гражданского уложения.

Цивилистика различает взаимность полную, когда для применения иностранного права крайне мало ограничений, а также частичную, если отличительные особенности одних обязательств от других, напротив, не исключены. В такой институциональной форме компенсации потерь кредитора, как, скажем, неустойка, может обуславливаться просрочка по процентам, но для возложения корпоративной социальной ответственности стóит уже усомниться в обеспечительных функциях договорных условий.

Оценка систем контроля управления социальными рисками, приходят к выводу Э. ван Дуурен и его коллеги, основывается тогда на допущениях ответственного инвестирования, которое формально признается сродни обычному. Между тем для ESG-финансирования гораздо важнее вложения, сделанные в определенный период, когда управляющие портфели покрываемых (в том числе и социальных) рисков подверглись диверсификации. Активное администрирование предполагает лишь ожидание положительной доходности, тогда как корпоративное управление ESG заключено уже в самой стратегии планирования инвестиционных процессов⁷.

Премия за социальный риск учитывает тогда результаты хеджирования базовых ставок

дивидендных выплат. Рыночная ликвидность, вероятно, избыточна, потому ее коэффициенты и вступают в противостояние с показателями рентабельности, доходности. Компания оказывается перед сложной дилеммой переоценки средств: раскрытие рейтинга основных активов ESG убеждает, сколь мало он отличим от кредитного, где превалируют международные корпоративные облигации. Вторым возможным исходом в этой связи становится ожидание прироста стоимости от обладания ценными бумагами с высокими, соответственно, показателями волатильности по ESG. Добросовестные приобретатели распространяют их и на нематериальные активы.

В то же время лица, формирующие кредитные портфели заключаемых сделок, едва ли готовы заниматься весьма затратными эмиссионными процедурами, чтобы безналичные средства получили, наконец, возможность обращаться между кредиторами. Займодавцы, в свою очередь, пользуются инструментами банковского регулирования с точным распределением сфер ответственности. В результате освобождение от долговой нагрузки наступает сравнительно быстро. По мнению Р. Гибсон (с соавторами), учет использования прибыли, а также убытков, оцениваемых через призму увеличения цены не исполненного еще договора, вполне заслуженно уступает оттого место доходности акций в рейтинге ESG⁸.

Обобщающее суждение о включении в структуру социального риск-менеджмента финансовых статей расходов, получается, имеет некий резон, тем более если они уже зачислены на вполне конкретный счет. Там также содержатся реквизиты для перечисления сумм процентов, удержанных согласно вкладу, за счет либо выделенных чистых активов, либо начисленных отступных. Доходы в размере погашаемой задолженности неизменно остаются на счетах кредитора. Достаточно тому нарушить многообразие причинно-следственных связей между деньгами и реальной прибылью, как сразу заявит о себе проблема избыточности денежной массы, снизится рыночная стоимость активов.

Сроки окупаемости инвестиций, несомненно, учитываются как составляющая социальных

⁷ Duuren E. van, Plantinga A., Scholtens B. ESG Integration and the Investment Management Process: Fundamental Investing Reinvented // J. Bus Ethics. 2016. 138:525-533.

⁸ Gibson R., Krueger P., Schmidt P. S. ESG Rating Disagreement and Stock Returns // European Corporate Governance Institute Working Papers — Financial Analyst Journal. No. 651/2020. P. 15.

рисков по расчетным показателям чистой текущей стоимости, будь то NPV, PP (капитализация транзакционных издержек) или, допустим, ARR (рентабельность инвестиций).

Между тем с выделением из общего их понятийного ряда специфических особенностей реальных финансовых инструментов всё чаще заявляют о себе индивидуальные признаки моделей доходности, такие как явление корреляции, возникающее между ESG-повесткой и стоимостью капитала, или, скажем, потребительские свойства ставок дисконтирования.

Затраты, очевидно, несоразмерны, те же должник, кредитор расходуют на покрытие неустойки. Но сто́ит оплатить при этом займодавцу издержки от ее взыскания в договорном размере, он сразу займет более выгодное положение, чем дебитор. Должнику еще предстоит воспользоваться безрисковой ставкой доходности. Высвобождение страховых резервов, очевидно, зависит от доступности ставки дисконтирования, а кроме того, еще и от порядка, нормы которого соответствующим образом пересматривают текущую стоимость денежных потоков.

Согласно Принципам международных коммерческих договоров УНИДРУА (в редакции от 30.05.2016) избранную для данного случая юрисдикцию имеет смысл ограничить пределами той правовой системы, где складывается система управления профильными рисками. Начисление тарифных коэффициентов (взноса заемщика) является оправданным применительно к договорам страхования, иллюстрирует обязательность их требований.

Вместе с тем подведомственность и подсудность здесь не располагают наднациональной компетенцией. Те же, допустим, пруденциальный надзор, вытекающий из него системный анализ социальных рисков, депозитарных институтов, инфраструктуры страховых резервов рассматриваются как не более чем предпосылки возникновения корпоративной субсидиарной ответственности. Выбор способов защиты тогда заключается в уменьшении залоговых сумм, изменении реестра требований кредиторов, чтобы можно было избежать пересчета понесенного ущерба.

В соответствии с п. 2 ст. III-1:110 Модельных правил европейского частного права (Draft Common Frame of Reference, DCFR) перерасчет итоговых выплат желателен едва ли. Снижение неустойки (констатация действительного вреда) закладывается соразмерно последствиям

нарушения основного обязательства. Между тем преимущественное право взыскания не исключает заключения и самостоятельного, не соотносящегося с общим (генеральным) обязательством соглашения. Такое разобщение правовых, а также фактических обоснований предмета материально-правовых требований подводит в целом к дисбалансу договорного равновесия.

Исполнение коммерческого контракта тогда осложняется уязвимым положением третьего лица, производящего выплаты за заемщика. Оно имеет возможность призвать договорного должника к снижению сметной стоимости, общего объема расходов, но лишь при предъявлении ему искового требования. Там же могут содержаться и рекомендации доначислить страховую премию. Социальные риски, соответственно, вызываются неопределенностью контрактных условий, необходимостью установить, какие расходы по операционным рискам контрагенты на себя возлагают, обуславливается ли при этом фактическая осуществимость основной сделки, либо нет. Связь «событие-действие» в системе управления первой из поименованных групп очерчивается на уровне бизнес-функций, принципов корпоративного контроля, присущих второй из названных выше квалификаций рисков.

Сто́ит отметить, сформулировано в преамбуле Регламента Рим II, реальная возможность исполнить сделку означает наступление удовлетворительных результатов, нейтрализацию всех возникающих рисков: и корпоративной их группы, и, собственно, социальных. Наряду с этим, право требования возмещения убытков, компенсации социальных рисков вносит коррективы в договор о доходности ESG-инвестирования.

Они варьируются от положения о порядке защиты социально значимых интересов и до более сложной юридической конструкции, согласно которой основой корпоративной инвестиционной стратегии становятся выплаты по аннуитетам к моменту заключения договора об оказании услуг. Такие контрактные условия, как извлечение прибыли или возврат имущества, сто́ит рассматривать в контексте достижения и жизненного блага.

Вопрос о целесообразности заключения договоров перестрахования с контрагентами, ESG-рейтинг которых заведомо высок, между тем остается открытым. Выплата обеспечения — прямая обязанность страховщика по

предоставлению страхователю мер социальной защиты. Страхование договорной ответственности, видимо, безвиновной, исходя из допущения, согласно которому умысел лица на пороки воли, а также формы сделки отсутствуют, как сфера социально полезной деятельности, формализовано. Поэтому оно нечасто включается в существо основного обязательства. Тем не менее гарантии восстановления субъективных прав именно по основной сумме долга продемонстрированы наглядно.

В этом же аспекте стоит рассматривать и страхование деликтной ответственности, иначе перспектива признания выгодоприобретателем эмитента, доверительного управляющего, как только он заключает договоры в пользу инвестора ESG, выглядела бы весьма сомнительной. Тогда как, например, в соответствии с Гражданским кодексом Греции она существует. Предпосылками ей служат риски появления альтернативного контрагента, кредитор найдет его, стоит только согласовать ключевые условия замещающей сделки.

Как отмечает И. Макнилл (а также ее соавтор), причиной появления данных рисков являются издержки титульного обеспечения с передачей фидуции на управление имуществом кредитору. Он не имеет возможности как-либо персонально привести (своими действиями) к удорожанию стоимости вещи, нивелировать тем самым финансовые риски ESG. Однако привлекает и подобные материальные средства-персоналии, и стоящие за ними выгоды для другого лица⁹.

Исполнение договора, можно предположить, гибко включает в себя ведение дел из поручения, в чужом интересе. Однако доверитель может настоять на заключении координационного, а также субординационного контрактов, согласно которым внесение процентов за право пользования чужими денежными средствами сопровождается предоплатой — авансом. Стоит его несколько занизить, и контрагенты сразу утратят интерес к целому ряду обязательств.

Неслучайно, сформулировано в ст. 1345 Французского гражданского кодекса, § 275,

280, 341 Германского гражданского уложения, обещание лица индивидуально подойти к исполнению договора может содержаться в любом контракте. Однако последующее нарушение первоначального обязательства, регрессная ответственность при перестраховании рисков все равно будет поставлена в зависимость от субъективной стороны предпринятых (чтобы деликта не случилось) действий.

Насколько поэтому предвидима концентрация социальных рисков по убыткам-нетто, обусловленным той материальной выгодой, что была получена незаконно? Стоит, очевидно, ответить утвердительно. Правоприменительная инстанция дает юридическую оценку фактам наступающих потерь, вследствие реализации и операционных рисков, и рисков социальной направленности. К их числу относится решение о перерасчете сумм возмещения, принятое корпоративным страховщиком на благо компании — сверх полученного аванса. Упомянем также о придании преимущественного характера правам учредителей, несомненном изменении линейки источников инвестиционного финансирования.

Отсюда вполне ожидаемы процессуальные действия по возврату займов для оплаты тарифных ставок. Как высказывается по этому поводу Г. Т. С. Ху, граница гражданско-правовой и сугубо публичной ответственности пролегает между достижимостью целей, регламентацией задач, а также затратами, выделяемыми на должников. Объемы ресурсов определяются судом при совершении им контрольных функций¹⁰.

Однако, уверены Р. Арнотт с коллегами, дебиторам зачастую трудно управлять даже простыми рисками. Инструменты активного, целенаправленного ESG-маркетинга, где преодоление, минимизация рисков не обходится без замещения одних источников финансирования другими, подвластны тогда едва ли. Необходимо не только продвигать индексные инвестиционные портфели, но и добиваться уровня доходности структурированного продукта, много выше сверх рискованных показателей¹¹.

⁹ MacNeil I., Irene-Marie E. From a Financial to an Entity Model of ES // *European Business Organization Law Review*. 2022. 23:9-45. P. 11.

¹⁰ Hu H. T. C. Financial Innovation and Governance Mechanisms: The Evolution of Decoupling and Transparency // *University of Texas at Austin — School of Law. Business Lawyer Paper*. 2015. Vol. 70. No. 2. P. 356.

¹¹ Arnott R. D., Harvey C. R., Linnainmaa I. T. Alice's Adventures in Factorland: Three Blunders That Plague Factor Investing // *Duke University — Fuqua School of Business. International Journal of Finance and Economics Research*. 2019. Vol. 133. P. 18.

Понятен тогда замысел приравнять безрисковую ставку доходности к одному из способов обеспечения исполнения договорных обязательств. Коэффициенты риска для портфеля активов страховой организации рассчитываются тогда по аналогии с показателями рисков портфелей размещенных средств, амортизированной стоимости, основных фондов.

Нейтрализация рисков требует принятия безотлагательных мер, включая составление так называемой дорожной карты. Она аккумулирует те социальные риски, при наступлении которых выгодоприобретатель по сделке первым оценивает все обстоятельства наступления страхового случая.

Выстраивается шаг за шагом стратегия принятия бизнес-решений из разряда положительной рентабельности, удовлетворительной структуры баланса, финансовой устойчивости. Рефинансирование ESG, в свою очередь, основывается на использовании оборотных и внеоборотных активов, полученных вследствие выпуска так называемых «зеленых», а также социальных, не говоря уже об инфраструктурных, облигациях.

Прибыльность денежного потока, его ценность складываются по показателям много выше, чем коэффициенты рисков капиталовложений. Конечно, при осуществлении социальных страховых выплат следует отталкиваться от компенсационного финансирования. Как в классической, так и в опциональной конструкциях корпоративного договора содержится непреложное условие об оплате задолженности по капитальным вложениям.

Правда, в самом тексте контракта слабо сформулировано, какими регуляторными положениями стóит воспользоваться кредитору, если должник не внесет всей суммы. Риск переквалификации требований о возмещении ущерба в призывы к принудительному взысканию, неотвратимости субсидиарной ответственности здесь очень даже реален. Бесспорно, некоторая часть этих рисков нейтрализуется за счет их распределения между участниками обязательств по финансированию проекта ESG.

Между тем выдача корпоративного, экспортного кредита еще не означает инвестирования на полную сумму договора (§ 158 Германского гражданского уложения). Так, посредством заключения сложной структурированной сделки стóит попытаться привлечь активы заемного капитала. Впоследствии коммерсантам предстоит найти еще одно управленческое,

финансовое решение и погасить бесповоротно разницу между кредитными портфелями: долгосрочными, рассчитанными на стратегию развития ESG, среднесрочными, просто из разряда сумм основного обязательства. В результате чего нивелируются риски дифференциации депозитных ставок. Валовый процентный спред призван увеличить доходы по корпоративным облигациям за счет притока дотаций.

Однако подчеркнем: при несомненной экспортной ориентации выделенных ресурсов оборачиваемость капитала продолжает оставаться низкой. Корпоративному управлению, какой бы позитивный зарубежный и отечественный опыт оно ни учитывало, трудно обеспечить прозрачность доверия к компании, когда долговые ее возможности оцениваются как можно более лояльно, вплоть до появления компромисса между кредиторами и должниками. Одни получают право самостоятельно определять эффективность механизма взыскания задолженности, другие пользуются им рационально, избавляя себя лишь от сомнительных или непосильных долгов.

Выгода все равно исчерпывается предпочтениями строго определенных лиц. Для них ставка дисконта принимается равной ставке капитализации, так как показатели социальных рисков уменьшаются до нулевых значений, не важно, что из всех параметров дисконтирования больше востребованы индексы инфляции, тренды потребительских цен. Они устанавливаются в отношении каждого страхового продукта на основании усредненной стоимости совершаемых сделок. Можно тогда прибегнуть к инструментарию хеджирования: той же цене исполнения заключаемых договоров, или форвардной цене. Инвестор явно выигрывает от высокой ликвидности вложений (форвардный договор служит тому надежной гарантией), а в результате нивелируются отрицательные последствия и социальных рисков, и рисков стратегии корпоративного управления.

В то же время согласно Базелю III (окончательно вступил в силу 1 января 2022 г.) прежде чем прибегнуть к хеджированию, необходимо сделать поправку на доходность активов риск-менеджмента. Оценка прироста стоимости капитала, риски его обесценивания обусловлены реальным характером заключаемых контрактов, выполняется посредством леввериджа. Он рассчитывается пропорционально к заниженной страховой премии, минуя при этом неординарную процедуру своего рода «взве-

шивания» коэффициента рисков корпоративной стоимости.

По мнению Х. Маскарньяна, левэридж здесь выполняет исходную свою функцию финансового рычага, «то есть поддерживает взаимосвязь между дебиторской задолженностью, ликвидностью и факторами ее влияния на собственные средства, заложенные в листинговые инвестиции, а также акционерный капитал»¹².

Финансовый левэридж проявляется в ситуациях, когда в структуре менеджмента риска ведущую роль начинает играть заемный капитал. Предвидимы изменения рентабельности собственного капитала, включая и нормы чистой прибыли.

С точки зрения ключевых стейкхолдеров — они инвестируют в риск-менеджмент, чтобы обеспечить покрытие рисков дороговизны кредитных ресурсов, — выплаты по чистой прибыли направлены на финансирование вложений в акционерный капитал. Оттуда вычитается уже расчетная стоимость доли участия. Вместе с тем надо признать, что соотношение собственных и заемных ресурсов только называется оптимальным. На деле оно не всегда может обеспечить использование необходимого объема активов. Левэридж (кредитное плечо, как его еще именуют) позволяет установить, какие активы обременены высоким риском, а какие предназначаются для создания их приобретателям разве что дополнительных обязанностей.

Расходы на восстановление нарушенных прав, логическая форма выражения возникающих здесь рисков, видимо, предусматривают заключение основного договора. Несомненно, туда включаются как отлагательные, так и отменительные условия исполнимости предварительного договора.

Тогда, согласно § 399 Германского гражданского уложения, можно согласовать обстоятельства перехода прав собственности, наступающие, если интересы первоначального кредитора надежно защищены. Этим, как закрепляется в ст. 2645bis Гражданского кодекса Италии, реализуется возможность противостоять рискам более высоких транзакционных издержек. Тем не менее, сформулировано в ст. 517 Французского гражданского кодекса, возврат страховщиком уплаченной страховой премии гарантирован едва ли, разве что перерасчет соразмерно риску.

Надо признать, остается открытым вопрос о распределении компетенций органов корпоративного управления по установлению объема рисков. Так, в соответствии с Законом о страховании Великобритании (вступил в силу 12 августа 2016 г.) риски могут считаться предметом корпоративного соглашения (договора о присоединении), если посягают, главным образом, на учет расходов. Прибыль, полученная вследствие распоряжения застрахованным имуществом, не избавлена от дополнительных рисков права распоряжения лишь частью добровольных страховых взносов, резервов восстановления платежеспособности. Конечно, подчеркивается в ст. 1133 Французского гражданского кодекса, основные отличия страхования имущества от страхования ответственности по кредитному договору сохраняются.

Механизм диверсификации страховых выплат, наступил социальный риск, немногим отличается от процесса распределения той инвестиционной суммы, что расходуется на погашение рисков сугубо коммерческих. Однако риски потери дохода много шире социальных рисков. По многообразию страховых случаев они не уступят разве что рискам предпринимательского спектра. К тому же подразумевается осуществление некой деятельности, регулярно приносящей прибыль, а в данном случае сложно говорить о перманентности как таковой.

В то же время инвестиционные вложения вряд ли ограничиваются одним возможным вложением, связь риска и доходности отличается как раз постоянством. С этой целью и используется алгоритм формирования инвестиционного портфеля, согласно которому управленческие решения призваны сохранить реальную стоимость вложенных средств. Реализация активов по чистой стоимости и то много ближе к рыночной (реальной) цене продажи.

Подводя итоги изложенному выше, заметим следующее. Устойчивость системы финансирования воспринимается как ответная реакция на повышенные риски. Их негативные последствия меняют сферу связи компании, а также ее клиентов. Корпоративная ответственность, очевидно, превалирует над социальной. Портфели ESG тем не менее уязвимы перед рисками низкой доходности, пусть ценовая волатильность закладываемых в них активов и высока. Она позволяет снизить инфляционные

¹² Mascareñas J. Análisis del Apalancamiento (leverage Analysis) // Editorial Universidad Complutense De Madrid. 2018. 360 p.

риски, отрицательно влияющие на эффективность инвестиций. В этой связи существенное содержание кредитного риска должно корреспондироваться с действиями эмитентов ценных бумаг ESG.

Устойчивое инвестирование всё более прочно входит в инвестиционный ландшафт. Кредитные рейтинги Sustainalytics, MSCI ESG, S & P Global (RobecoSAM) добиваются повышения эффективности заемщика, но ими в равной мере пользуются и институциональные инвесторы, и саморегулируемые организации — операторы компенсационных фондов. Влияние ESG-принципов здесь неоспоримо для оценки стоимости совершаемых сделок. Одновременно оно осложнено стандартизированными подходами к платежеспособности, включая вероятностные стандарты доказывания, применяемые *prima facie* при принятии обеспечительных мер.

Сумма оборотных активов выглядит тогда много больше той, что формируется по нормативам внешней задолженности. Однако такое сопоставление текущих платежей явно не в их пользу, поскольку фактическое наличие запасов выплат не означает еще появления той выгоды, с какой можно было бы уступить право требования передачи денег, материальных ценностей — реально и в рациональные сроки.

Без сомнения, инвестор не примет как данность низкие показатели социальной эффективности, пробелы финансирования цепочек страховых продуктов. Распределение денежных потоков, в сущности, одна из наиболее емких стратегий страхового менеджмента, позволяющая довести, доработать принятые компанией модели управления активами до уровня соответствия ESG-стандартам. Акционеры, в свою очередь, требуют реализации социальных полномочий, возложения корпоративной, социальной ответственности, если обуславливающие ее факторы действительно неблагоприятны. Социальные риски рассматриваются здесь как соотношение системности и структурности. Управление ими всегда комплексно, но непреодолимым его качеством является наличие правовой составляющей.

Здесь не суть и важно, насколько страховому возмещению свойственен количественный подход. Главное — преодолеть ощутимые изъяны правовой регламентации, порожденные возрастанием предпринимательского риска. В итоге усложняются обязанности страховщика по осуществлению выплат, поскольку они сопряжены с наступлением риска несоответствия ресурсов

фактической их себестоимости. Под угрозой оказывается и деловая репутация компании.

Риск-менеджмент между тем оперирует минимальными правовыми стандартами, одинаково востребованными для сферы публичных, а также частных интересов, страховых социальных рисков, издержек андеррайтерской политики страховщиков при оценке на глобальном уровне сделок.

Справедливо полагать, что детализация социальных рисков приобретает особое значение при оценке инвестиционного проекта. Помимо стоимостного анализа, она включает в себя полномасштабное исследование аспектов устойчивого развития ESG. Стандарты устойчивого финансирования в этом ключе должны отвечать количественному критерию приемлемости риска. Отраслевые рекомендации по учету беспроцентного договора займов, а также приобретению облигаций (стоимость рассчитывается строго в интересах эмитента) служат сопоставимости рисков социальной и кредитной групп.

Менеджмент социального риска неразрывен с менеджментом качества. Данное явление трактуется не как свойство социальных объектов, а скорее как принцип придания им данного качества, для чего и стоит принять во внимание широкий спектр факторов. Ключевыми из них становятся регуляторные рычаги, определяющие юрисдикцию цепочек поставок. Снижение рисков подразумевает исполнение договоров, в том числе и в иностранных юрисдикциях, где реализуются процедуры должной осмотрительности. В соответствии с избранной стратегией инвестиционного *due diligence*, формируются обязательные для социального страхования отношения собственников, их экономических посредников, агента, а также его принципала.

Социальное финансирование упрочняет различные эффекты стимулирования бизнеса, включая мобилизацию ресурсов, если кто-либо из коммерсантов вдруг откажется возложить на себя функции корпоративного риск-менеджмента по нейтрализации социальных рисков. Экологическое финансирование при этом сохраняется одно в своем роде — как безальтернативное. Вместе с тем резкое увеличение финансирования «зеленых» инвестиционных проектов подвергает сомнению императивность комиссорной оговорки о залоговых обязательствах. Диспозитивность выбора между разновидностями обеспечительных выплат очерчивает тогда приоритетность кредитов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. — М., 2004.
2. Найт Ф. Х. Риск, неопределенность и прибыль. — М., 2003. — 360 с.
3. Arnott R. D., Harvey C. R., Linnainmaa I. T. Alice's Adventures in Factorland: Three Blunders That Plague Factor Investing // Duke University — Fuqua School of Business. *International Journal of Finance and Economics Research*. — 2019. — Vol. 133.
4. Duuren E. van, Plantinga A., Scholtens B. ESG Integration and the Investment Management Process: Fundamental Investing Reinvented // *J. Bus Ethics*. — 2016. — 138:525-533.
5. Gibson R., Krueger P., Schmidt P. S. ESG Rating Disagreement and Stock Returns // *European Corporate Governance Institute Working Papers — Financial Analyst Journal*. — No. 651/2020.
6. Hu H. T. C. Financial Innovation and Governance Mechanisms: The Evolution of Decoupling and Transparency // University of Texas at Austin — School of Law. *Business Lawyer Paper*. — 2015. — Vol. 70. — No. 2.
7. Henne J. F., Wenzel L. Emerging Risks. Neue Risiken und deren Anforderungen an das Risikomanagement // *Betriebliches risikomanagement und industrierversicherung* / ed. A. Mahnke, T. Rohlf. — Wiesbaden, 2020. — S. 115–133.
8. MacNeil I., Irene-Marie E. From a Financial to an Entity Model of ES // *European Business Organization Law Review*. — 2022. — 23:9-45.
9. Mascareñas J. Análisis del Apalancamiento (leverage Analysis) // Editorial Universidad Complutense De Madrid. — 2018. — 360 p.
10. Sakai Y. On the economics of risk and uncertainty: A historical perspective // *CRR Discussion Paper Series A: General 28*. Shiga University, Faculty of Economics, Center for Risk Research, 2018. — P. 17–37.

Материал поступил в редакцию 24 мая 2022 г.

REFERENCES

1. Giddens E. Uskolzayushchiy mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn [The elusive world: how globalization is changing our lives]. Moscow; 2004. (In Russ.).
2. Nait FKk. Risk, neopredelennost i pribyl [Risk, uncertainty and profit]. Moscow; 2003. (In Russ.).
3. Arnott RD, Harvey CR, Linnainmaa IT. Alice's Adventures in Factorland: Three Blunders That Plague Factor Investing. Duke University — Fuqua School of Business. *International Journal of Finance and Economics Research*. 2019;133.
4. Duuren E van, Plantinga A, Scholtens B. ESG Integration and the Investment Management Process: Fundamental Investing Reinvented. *J. Bus Ethics*. 2016;138:525-533.
5. Gibson R, Krueger P, Schmidt PS. ESG Rating Disagreement and Stock Returns. European Corporate Governance Institute Working Papers. *Financial Analyst Journal*. 2020;651.
6. Hu Henry TC. Financial Innovation and Governance Mechanisms: The Evolution of Decoupling and Transparency. University of Texas at Austin — School of Law. *Business Lawyer Paper*. 2015;70(2).
7. Henne JF, Wenzel L. Emerging Risks. Neue Risiken und deren Anforderungen an das Risikomanagement. Betriebliches risikomanagement und industrierversicherung. Wiesbaden; 2020. (In Germ.).
8. MacNeil I, Irene-Marie E. From a Financial to an Entity Model of ES. *European Business Organization Law Review*. 2022;23:9-45.
9. Mascareñas J. Análisis del Apalancamiento (leverage Analysis). Editorial Universidad Complutense De Madrid. 2018.
10. Sakai Y. On the economics of risk and uncertainty: A historical perspective. *CRR Discussion Paper Series A: General 28*. Shiga University, Faculty of Economics, Center for Risk Research; 2018.

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.033-045

О. В. Фонотова*

Правовые основы регулирования договорных отношений в трансграничных цепочках поставок

Аннотация. Глобальные цепочки создания стоимости (цепочки поставок) привлекли пристальное внимание представителей научных, деловых и политических кругов. Зарубежные ученые убедительно доказали, что глобальная цепочка создания стоимости является самостоятельным объектом для изучения в международном коммерческом праве.

Ведущие европейские правовые порядки за последние годы усилили защиту наиболее уязвимых участников трансграничных отношений: работников, иных физических лиц, пострадавших от негативного воздействия, оказываемого глобальными производственно-сбытовыми потоками. Во Франции, в Великобритании, в Нидерландах, Германии, Швейцарии, а также на наднациональном уровне в ЕС развивается законодательство, регулирующее цепочки поставок. Возлагая на крупные корпорации ответственность за трансграничные нарушения, допущенные в цепочках, координируемых ими, зарубежное право ориентировано на решение общественно значимых задач.

Цепочка поставок с юридической точки зрения — это сложная, разноуровневая система договоров, подчиненных единой экономической цели. Доминирующее правовое регулирование частных отношений в рамках цепочек поставок имеет негосударственное происхождение и формируется частными субъектами, преимущественно крупными транснациональными корпорациями. Для раскрытия правового эффекта таких глобальных регуляторных систем вводится концепция «транснационального правового порядка», основанного на механизмах частного права. Транснациональный правовой порядок, наряду с формированием обязательственных (договорных) связей между субъектами, играет объединяющую — организующую и координирующую — роль в цепочках поставок. Кроме того, он создает платформу для международного распространения национальных норм права, а также «добровольных» стандартов и правил, формулируемых в частном порядке, социальных и этических практик, изначально не наделенных правовой силой. Договорная форма закрепления способствует их легитимизации. Выявлено зарождение нового направления исследований в рамках международного коммерческого права — транснационального права цепочек поставок.

В числе тенденций развития международного коммерческого права названы цифровизация, экологизация, социализация, отраслевая фрагментация и экстратерриториальность регулирования.

Ключевые слова: негосударственное регулирование; транснациональный правовой порядок; транснациональное право цепочек поставок; международное коммерческое право; глобальная цепочка поставок; цепочка создания стоимости; договор; договорные правоотношения; система договоров.

Для цитирования: Фонотова О. В. Правовые основы регулирования договорных отношений в трансграничных цепочках поставок // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 9. — С. 33–45. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.033-045.

© Фонотова О. В., 2022

* Фонотова Ольга Владимировна, кандидат юридических наук, доцент департамента правового регулирования бизнеса факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Большой Трехсвятительский пер., д. 3, г. Москва, Россия, 109028

olga.fonotova@gmail.com

Legal Foundation of Contractual Relations Regulation in Cross-Border Supply Chains

Olga V. Fonotova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Legal Regulation of Business, Faculty of Law, National Research University «Higher School of Economics»
per. Bolshoy Trekhsvyatitskiy, d. 3, Moscow, Russia, 109028
olga.fonotova@gmail.com

Abstract. Global value chains (supply chains) have attracted close attention of representatives of the scientific, business and political circles. Foreign scholars and researchers have convincingly proved that the global value chain is an independent object for study in international commercial law.

In recent years, the leading European legal systems have strengthened the protection of the most vulnerable participants in cross-border relations: workers, other individuals affected by the negative impact of global supply flows. In France, the UK, the Netherlands, Germany, Switzerland, as well as at the supranational level in the EU, legislation regulating supply chains is developing. By assigning responsibility to large corporations for cross-border violations committed in chains coordinated by them, foreign law is focused on solving socially significant tasks.

From a legal point of view, the supply chain is a complex, multi-level system of contracts subordinated to a uniform economic goal. The dominant legal regulation of private relations within supply chains has a non-state origin and is formed by private entities, mainly large multinational corporations. To explain the legal effect of such global regulatory systems, the paper introduces the concept of a «transnational legal order» based on the mechanisms of private law. The transnational legal order, along with the formation of binding (contractual) ties between entities, plays a unifying — organizing and coordinating — role in supply chains. In addition, it creates a platform for the international dissemination of national norms of law, as well as «voluntary» standards and rules formulated in private, social and ethical practices that are not initially endowed with legal force. The contractual form of consolidation contributes to their legitimization. The paper justifies the emergence of a new direction of research in the framework of international commercial law — transnational supply chain law.

The trends in the development of international commercial law include digitalization, environmentalization, socialization, industry fragmentation and extraterritoriality of regulation.

Keywords: non-state regulation; transnational legal order; transnational law of supply chains; international commercial law; global supply chain; value chain; contract; contractual legal relations; system of contracts.

Cite as: Fonotova OV. Pravovye osnovy regulirovaniya dogovornykh otnosheniy v transgranichnykh tseppokkakh postavok [Legal Foundation of Contractual Relations Regulation in Cross-Border Supply Chains]. *Lex russica*. 2022;75(9):33-45. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.033-045. (In Russ., abstract in Eng.).

Ученые-юристы знают, что договорное право менялось по мере того, как менялись потребности и практика коммерческого мира. Однако они редко идут дальше таких общих утверждений, чтобы охарактеризовать организационную структуру коммерческого мира или указать, как именно она изменилась.

П. Эссер¹

Проблемы цепочек поставок или, как они более точно называются, цепочек создания стоимости², в последние несколько лет захватили новостные каналы и стали предметом бур-

ных дискуссий в деловой среде, экономической доктрине, работах социологов и политологов³. Исследования правовых особенностей и перспектив системного правового регулирования

¹ *Esser P. J. Institutionalizing Industry: The Changing Forms of Contract // Law and Social Inquiry. 1996. Vol. 21. P. 597.*

² Для целей статьи термины «цепочка поставок» и «цепочка создания стоимости» используются как взаимозаменяемые.

³ Подробнее о социально-экономической концепции глобальных цепочек создания стоимости и об их типологии см.: *Global Value Chains and Development. Redefining the Contours of 21st Century Capitalism / G. Gereffi (ed.). Cambridge : Cambridge University Press, 2018. 494 p.*

отношений, возникающих в связи с созданием и продвижением товара от источников сырья к конечному потребителю, стали всё чаще появляться в зарубежной юридической литературе. Однако в отечественном праве — как в науке, так и на нормативно-правовом уровне⁴, — феномен цепочек поставок не получил развернутой правовой оценки. Вместе с тем актуальность данной тематики для делового оборота в России не вызывает сомнения. Она объясняется следующим.

Трансграничные цепочки создания стоимости оказались прерваны или существенно нарушены в силу юридических и фактических преград. Пандемия COVID-19 вынудила деловые корпорации во всем мире быстро меняться: стремясь повысить безопасность и прозрачность процессов, две трети из них запланировали усилить контроль над цепочками посредством цифровизации, диверсификации и расширения внутренней региональной торговли⁵. Влияние кардинальных геополитических сдвигов заставило предпринимателей в России и многих коммерсантов за рубежом искать новые способы сотрудничества, чтобы стабилизировать хозяйственные операции, в том числе в плане экспорта товаров и услуг, получения доступа к зарубежным рынкам и пр.

Данные глобальные бизнес-процессы вызывают потребность в осмыслении проблематики формирования и функционирования трансграничных договорных систем, закладывающих фундамент и выстраивающих правовую рамку существования цепочек поставок. Не претендуя на анализ всех присущих феномену цепочек создания стоимости правовых аспектов, настоящее исследование выполнено с целью оценить перспективы и возможности международного коммерческого права в обеспечении запроса предпринимателей на стабильность, гибкость и эффективность деловых правоотношений в существующей нормативно-правовой парадигме.

1. Нормативно-правовые основы регулирования трансграничных цепочек поставок: зарубежный опыт

Цепочки создания стоимости стали новой формой ведения хозяйства, повсеместно поднимающей фундаментальные вопросы распределения ресурсов, равенства, безопасности в современном мире. Тем не менее на международном уровне какие-либо инициативы по правовому урегулированию отношений в цепочках поставок не были успешны. Несмотря на участие в развитии таких инициатив влиятельных международных организаций, таких как структуры Организации Объединенных Наций⁶, практический эффект от попыток правовыми способами глобально решить самые острые проблемы (например, в сфере защиты прав человека, прав работников, охраны окружающей среды) не ощутим.

Создание единообразного частноправового регулирования в данной области на международном уровне также иллюзорно. Если не удастся установить единый подход к решению важнейших проблем человечества, едва ли можно вести речь хотя бы о потенциальной возможности выработки консенсуса по вопросам применимого права, мер гражданско-правовой ответственности, разрешения споров и о других аспектах правового регулирования отношений, возникающих в трансграничных системах создания стоимости или в связи с их функционированием. Думается, что международная частноправовая унификация могла бы внести порядок, дать ориентиры в договорных моделях и типовых контрактных формулах, помочь избежать злоупотреблений со стороны более сильных игроков рынка. Однако этот вопрос по-прежнему не включен в повестку ведущих центров, занимающихся унификацией частного права.

С другой стороны, на национальном уровне в данной области видны серьезные подвижки. Как пророчил австралийский исследователь

⁴ Исключение составляют некоторые акты Центрального банка РФ рекомендательного характера. Например, в одном документе регулятор формулирует, помимо прочего, положения о раскрытии сведений о цепочках поставок крупными корпорациями (см.: информационное письмо Банка России от 12.07.2021 № ИН-06-28/49 «О рекомендациях по раскрытию публичными акционерными обществами нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ» // СПС «КонсультантПлюс»).

⁵ См.: ежегодный отчет Navigator за 2020 г., опубликованный британским банком HSBC (URL: <https://www.business.us.hsbc.com/en/campaigns/navigator-2020> (дата обращения: 02.08.2022)).

⁶ См. программу ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» на сайте Департамента ООН по экологическим и социальным вопросам (UN General Assembly, «Transforming Our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development», UN Doc A/RES/70/1 (21 October 2015) // URL: <https://sdgs.un.org/2030agenda> (дата обращения: 02.08.2022)).

К. Собел-Рид в 2020 г., цепочки поставок длительное время оставались вне централизованного правового регулирования; однако по мере систематизации мировой торговли глобальные цепочки создания стоимости становятся всё более тесно интегрированными. Эта практическая интеграция также меняет наше мышление: мы начинаем воспринимать цепочки не как набор разрозненных контрактов и опосредуемых ими отдельных правоотношений участников оборота, но как цельные юридические конструкции. «По мере закрепления этой трансформации правовое регулирование цепочек как единого объекта перестанет быть немыслимым, а станет скорее неизбежным», — заключает ученый⁷. Ведущие европейские правовые порядки за последние годы заметно ускорили движение по пути защиты наиболее уязвимых участников трансграничных отношений: работников, иных физических лиц, пострадавших от негативного воздействия, оказываемого глобальными производственно-сбытовыми потоками. Во Франции, в Великобритании, Нидерландах, Германии, Швейцарии, Норвегии быстрыми темпами совершенствуется национальное законодательство, возлагая на крупные корпорации ответственность за трансграничные нарушения, допущенные в связи с функционированием цепочек поставок, координируемых ими.

Яркий пример представляет опыт Франции. Согласно новым положениям Французского торгового кодекса и Закону Франции 2017 г. об обязанности материнских компаний и компаний-заказчиков проявлять бдительность (*Loi relative au devoir de vigilance des sociétés mères et des entreprises donneuses d'ordre*⁸), крупным корпорациям, насчитывающим свыше 5 000 сотрудников, предписано проводить обязательный аудит в отношении соблюдения прав человека, а нарушение прав человека и трудовых прав в цепочках поставок таких французских компаний влечет юридическую ответственность. В статьях L.225-102-4 и L.225-102-5 Французского торгового кодекса теперь легаль-

но закреплена формула так называемого «*Loi de vigilance*» (дословно — «закон о бдительности»⁹). Закон требует от французских компаний разработки, публикации и осуществления плана бдительности (*plan de vigilance*), который должен включать разумные меры, направленные на выявление и предотвращение нарушений прав человека и основных свобод, серьезных телесных повреждений, ущерба окружающей среде или рисков для здоровья. Кодекс предусматривает ряд санкций в случае, если план бдительности не разработан, не опубликован или не реализуется должным образом.

Французские корпорации, на которые распространяется закон, должны не только защищать права человека в ходе собственной деятельности; они обязаны обеспечить, чтобы подконтрольные им компании (находящиеся под прямым или косвенным контролем), подрядчики и поставщики, другие участники международной цепочки создания стоимости поступали аналогичным образом. *Loi de vigilance* тем самым эффективно преодолевает границы юридического лица, служащие главным препятствием, из-за которого компании обычно не могут быть привлечены к гражданско-правовой ответственности за нарушения, совершенные их зарубежными дочерними компаниями, контрагентами по договорам или иными звеньями цепочки поставок.

Интересен опыт Германии, предложившей самое жесткое на сегодняшний день правовое регулирование в части защиты прав работников трансграничных цепочек создания стоимости. В 2021 г. в стране был принят Закон о комплексной корпоративной проверке для предотвращения нарушений прав человека в цепочках поставок (*Gesetz über die unternehmerischen Sorgfaltspflichten zur Vermeidung von Menschenrechtsverletzungen in Lieferketten, Lieferketten-sorgfaltspflichtengesetz*¹⁰). Его введение связывают, помимо прочего, с представленными в 2020 г. результатами опроса о выполнении германского Национального плана действий по

⁷ *Sobel-Read K. B. Reimagining the Unimaginable: Law and the Ongoing Transformation of Global Value Chains into Integrated Legal Entities // European Review of Contract Law. 2020. Vol. 16. No. 1. P. 160–185.*

⁸ Официальный сайт опубликования законодательных актов Франции — *Légifrance*. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000034290626> (дата обращения: 02.08.2022).

⁹ URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000035181820/ (дата обращения: 02.08.2022).

¹⁰ Официальный сайт опубликования законодательных актов Германии. URL: https://www.bundesrat.de/SharedDocs/drucksachen/2021/0201-0300/239-21.pdf?__blob=publicationFile&v=1 (дата обращения: 02.08.2022).

бизнесу и правам человека, ключевым выводом в котором значилось то, что лишь немногие германские компании добровольно обеспечивают соблюдение прав человека в координируемых ими цепочках поставок¹¹.

Закон возлагает существенные обязанности по соблюдению прав человека и экологических стандартов на компании, которые производят товары и получают услуги через цепочки поставок из развивающихся стран и реализуют их в Германии, а также подвергает такие корпорации потенциально серьезной ответственности (включая крупные оборотные административные штрафы) в случае нарушений. Германский закон вступает в силу поэтапно: с 1 января 2023 г. — для корпоративных групп с количеством сотрудников свыше 3 000 человек, и с 1 января 2024 г. — для компаний численностью более 1 000 человек. Таким образом, данный нормативный акт напрямую затронет больше хозяйствующих субъектов по сравнению с аналогичным французским актом. И хотя как французское, так и немецкое законодательство направлено на достижение сходных результатов, германский закон содержит гораздо более подробные указания относительно различных механизмов, которые должна применять каждая корпорация в своей деятельности (в том числе в отношении содержания плана комплексной корпоративной проверки, характера мер по предотвращению нарушений и пр.)¹².

Знаковой нормотворческой инициативой по урегулированию трансграничных цепочек создания стоимости на наднациональном уровне стал представленный в феврале 2022 г. финальный проект Директивы ЕС о комплексной проверке корпоративной устойчивости (EU Directive on Corporate Sustainability Due Diligence¹³). В отличие от французской модели *Loi de vigilance* и германского подхода, которые обращаются исключительно к местным корпорациям, по замыслу европейского законодателя все компании, предлагающие товары в Европейском Союзе (в том числе и компании из третьих стран),

должны подпадать под действие нового европейского законодательного акта. Кроме того, сопутствующие меры (например, ограничения на импорт, системы сертификации) должны будут обеспечивать, чтобы в Европе действительно реализовывалась только та продукция, которая соответствует высоким европейским стандартам поведения участников глобальных цепочек создания стоимости. В целом европейское решение устанавливает более высокие стандарты, чем любой из законов, применяемых локально странами — членами Европейского Союза. Так, проект Директивы предполагает, что под его действие подпадет не только крупный бизнес, но и иные компании, характеризующиеся высоким уровнем риска, компании малого и среднего бизнеса с публичным листингом, в которых трудоустроено свыше 250 сотрудников.

Все обозначенные установления ориентированы прежде всего на достижение публичных целей: сохранение качества окружающей среды, поддержание уровня жизни людей, обеспечение социальной стабильности и прозрачности в деятельности влиятельных производителей и поставщиков. Однако ни одна из таких инициатив не обращается к сфере частноправовых интересов договаривающихся сторон в цепочках поставок. Получается, государство отстраняется от решения данных вопросов, предоставляя самим участникам оборота определять юридические параметры взаимодействия с учетом императивных норм применимого права.

2. Транснациональный правопорядок как метод правового регулирования договорных отношений в цепочках поставок

Государство остается ведущим творцом права. Однако не государства, а частные лица, реализуя возможности договорных и отчасти иных (например, корпоративных) связей, создают глобальные производственно-сбытовые сети и регламентируют правовые отношения в них.

¹¹ Официальный сайт Института сравнительного и международного частного права имени Макса Планка. URL: https://www.mpipriv.de/1201084/01-09-2020-Auf-dem-Weg-zu-einem-nationalen-Lieferkettengesetz_ (дата обращения: 02.08.2022).

¹² *Krajewski M., Tonstad K., Wohltmann F.* Mandatory Human Rights Due Diligence in Germany and Norway: Stepping, or Striding, in the Same Direction? // *Business and Human Rights Journal*. 2021. Vol. 6. No. 3. P. 550–558.

¹³ Официальный сайт опубликования законодательных актов Европейского Союза. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52022PC0071> (дата обращения: 02.08.2022).

См. подробнее об этом: *Rusinova V., Korotkov S.* Mandatory Corporate Human Rights Due Diligence Models: Shooting Blanks? // *Russian Law Journal*. 2021. Vol. 9. No. 4. P. 33–71.

На практике основной эффект упорядочивания отношений субъектов в цепочках создания стоимости достигается в ходе целенаправленной деятельности негосударственных участников прежде всего корпораций.

Связи между участниками в глобальной цепочке поставок (будь то договорные или корпоративные) так же важны, как и сами корпорации — лидеры цепочки. Помимо организующего эффекта, они обеспечивают прочную экономическую и юридическую координацию субъектов, закладывая общую основу, единое нормативное поле в таких системах как на внутреннем национальном уровне, так и в международной перспективе. С юридической точки зрения указанная координация примечательна тем, что она не только преодолевает национальные границы, но и выходит за непосредственные корпоративные и договорные рамки, охватывая компании, с которыми ведущая фирма в цепочке поставок не имеет прямых (в традиционном понимании) правовых отношений.

На этом фоне в зарубежной юридической науке получило развитие новое правовое явление — самостоятельное создание частными субъектами (корпорациями) эффективных систем регулирования. В литературе принято именовать такие комплексы термином «транснациональный правовой порядок» (*transnational legal order*). Первооткрывателем проблематики транснационального регулирования в частноправовой перспективе и основателем совре-

менной школы транснационального права считается профессор Лондонского университета П. Зумбансен¹⁴. Фундаментальное исследование транснационального правового порядка было организовано американским профессором из Калифорнийского университета Г. Шэффером¹⁵. Теория транснационального правового порядка в контексте глобальных цепочек поставок получила развитие в исследованиях профессора Университета штата Пенсильвания Л. К. Бакера¹⁶. Одновременно с учеными из стран общего права обоснование необходимости и первые попытки применения транснационального метода исследований к цепочкам поставок, в том числе через призму договорного, международного частного права и международного коммерческого права, стали регулярно появляться в трудах правоведов — представителей европейского континента¹⁷, а также австралийских авторов¹⁸. Повышенное внимание мировой доктрины к данной проблематике свидетельствует о важнейшей роли негосударственных регуляторов частного происхождения в современной международной деловой практике.

Концепция транснационального правового порядка предполагает базовую трехзвенную структуру, включающую следующие элементы регуляторного режима: 1) правила, формулируемые корпорациями; 2) введение правил корпорациями в практику, то есть формирование «связей»; 3) обеспечение соблюдения данных правил¹⁹.

¹⁴ Профессор транснационального права П. Зумбансен впервые в 2008 г. последовательно доказал существование комплекса транснациональных правовых регуляторов общественных отношений. Из наиболее поздних его публикаций, в которых даются ответы на вопросы правового регулирования цепочек поставок (в том числе в соавторстве), см., например: *Reinke B., Zumbansen P. C. Transnational Liability Regimes in Contract, Tort and Corporate Law: Comparative Observations on 'Global Supply Chain Liability' (January 9, 2019) // Le Devoir de la Vigilance / S. Schiller (ed.). (Lexis Nexis, 2019), TLI Think! Paper 4/2019. King's College London Law School Research Paper No. 2019-18. URL: <https://ssrn.com/abstract=3312916> ; *Zumbansen P. Transnational Legal Pluralism // Transnational Legal Theory. 2010. Vol. 1 (2). P. 141–189 ; The Oxford Handbook of Transnational Law / P. Zumbansen (ed.). Oxford : OUP, 2021. 1248 p.**

¹⁵ См.: *Halliday T. C., Shaffer G. C. Transnational Legal Orders. Cambridge : Cambridge University Press, 2015.*

¹⁶ См., например: *Backer L. C. Are Supply Chains Transnational Legal Orders?: What We Can Learn from the Rana Plaza Factory Building Collapse // UC Irvine Journal of International, Transnational, and Comparative Law. 2016. Vol. 1. P. 11–.*

¹⁷ См., например: *Ruhl G. Towards a German Supply Chain Act? Comments from a Choice of Law and a Comparative Perspective // European Yearbook of International Economic Law. 2020. Vol. 11. P. 55–81 ; Eller K. H. Is 'Global Value Chain' a Legal Concept?: Situating Contract Law in Discourses Around Global Production // European Review of Contract Law. 2020. Vol. 16. No 1. P. 3–24.*

¹⁸ *Regulatory Theory: Foundations and Applications / P. Drahos (ed.). Canberra : ANU Press, 2017. 820 p.*

¹⁹ Подробнее об особенностях функционирования режимов негосударственного регулирования см.: *Tusikov N. Transnational Non-state Regulatory Regimes // Regulatory Theory: Foundations and Applications. P. 339–353.*

В правовом плане фундаментом частных систем регулирования выступает частное право, воплощающееся в договорных отношениях, внутригрупповых (корпоративных, организационных) отношениях и в иных обеспеченных правовой поддержкой деловых контактах предприятий и субъектов, участвующих в деловом обороте. Следует согласиться с зарубежными учеными в том, что наиболее значима для эффективного функционирования (и вообще для существования) цепочек поставок договорная основа управления цепочкой; именно договор служит основой транснационального взаимодействия²⁰.

Стимулирование соблюдения договорных условий, сформулированных корпорацией, стоящей на вершине цепочки, проявляется во внедряемых ею частных системах стандартизации и сертификации посредством участия поставщиков в программах обучения, курируемых головной корпорацией, в проведении аудита поставщиков. Юридические санкции могут включать в себя положения о внесении оговоренных изменений в договор, денежные штрафы или прекращение корпорацией договора с поставщиком в одностороннем порядке либо путем отказа от сотрудничества и заключения контрактов в будущем. Часто санкционирование в транснациональных режимах опирается на социально-экономические механизмы и меры общественного воздействия. Вместе с тем договорная форма связей усиливает юридическую силу заложенных в контракт априори неправовых (социальных, этических и др.) установок.

По мере того, как производство переходит от интегрированных фирм на аутсорсинг в рассредоточенных сетях, институт договора становится опорным элементом в правовой конструкции трансграничных цепочек поставок. Юридиче-

ские отделы ведущих фирм и деловая практика опираются на открытость контракта как основы для многочисленных форм социального сотрудничества и создания сложных каскадных договорных систем. Обеспечение централизованного контроля со стороны головной корпорации по всей цепочке создания стоимости подразумевает новый способ использования контракта не только для защиты интересов его участников, но и для организации сотрудничества с широким кругом третьих лиц.

В то же время роль контракта в цепочке поставок остается не до конца раскрытой по практическим и концептуальным причинам: практически потому, что техника договорной работы держится корпорациями в секрете и почти не обсуждается в судах, а концептуально потому, что теории договора, как они преподаются в юридических школах по всему миру, в основном зародились в XIX в. и с тех пор почти не претерпели изменений²¹. В частности, с точки зрения конфиденциальности идея о том, что договоры являются основополагающими строительными блоками в многоуровневых, глобально раздробленных и централизованно управляемых системах производства, к тому же снабжены внешним эффектом и способны регулировать поведение третьих лиц, задействованных в производстве и поставках, с трудом поддается пониманию. Новаторские подходы, такие как теория реляционных договоров (*relational contract theory*)²², подвергают сомнению барьеры неоклассической приватности, но всё еще не в состоянии выйти за их пределы²³. Таким образом, сам социальный институт глобальной цепочки создания стоимости задает новое направление в международном договорном и коммерческом праве²⁴.

В традиционной модели динамика переговорной силы между сторонами ограничивается

²⁰ См. об этом, например: *Eller K. H. Transnational Contract Law // The Oxford Handbook of Transnational Law. P. 513–530.*

²¹ *Eller K. H., Salminen J. Reimagining Contract in a World of Global Value Chains // European Review of Contract Law. 2020. Vol. 16. No. 1. P. 1–2.*

²² Реляционный договор — это договор, основанный на доверительных отношениях между участниками. В реляционном договоре преимущественное значение имеют не отраженные в тексте подразумеваемые условия, которые и определяют поведение сторон. Основные положения теории см.: *Macneil I. R. Relational contract theory: Challenges and queries // Northwestern University Law Review. 2020. V. 94. P. 877–907.*

²³ *Eller K. H., Salminen J. Op. cit. P. 1–2.*

²⁴ Подробнее о природе и особенностях взаимосвязанных договоров см.: *Гуна А. Н. Доктрина взаимосвязанных договоров (linked contracts): сравнительно-правовое исследование // Вестник экономического правосудия РФ. 2021. № 11. С. 52–95.*

их единым контрактом, будь то на основе принципа «вытянутой руки» (arm's length principle) или когда одна из сторон является дочерней компанией другой. Однако эта простая модель рухнет при появлении нескольких, а тем более нескольких сотен или даже тысяч участников в одном хозяйственном процессе. В условиях тотальной взаимной зависимости, которую порождают новые формы договорных связей, наиболее актуальная система координат для понимания поведения компаний сместилась с отношений, оценка которых ограничена отдельной юрисдикцией, в сторону фокуса на отрасль экономики в ее трансграничном ракурсе²⁵. Таким образом, научные исследования, сосредоточенные только на регулировании в рамках одной страны, могут упустить множественные трансграничные способы, которыми компании структурируют деловые связи. Смещение ракурса имеет большое значение: так, новая точка зрения позволяет, к примеру, выявить, что вслед за отраслевыми частными практиками зарубежные поставщики оказываются вынуждены работать на существенно более высоком уровне, нежели определенный их местным законодательством.

Акцент на договоре не претендует на единственный путь к пониманию правовой характеристики цепочки поставок, но определяет договор как плодотворную отправную точку для учета других правовых особенностей системы, однако в его более либеральной трактовке. К примеру, отличительным атрибутом цепочек создания стоимости является «публичный» характер вопросов, транслируемых посредством договора. Помимо непосредственных отношений обмена между договаривающимися сторонами, которые доминируют в классических теориях договора, влияние третьих лиц, требования национального законодательства страны корпорации — лидера цепочки поставок и разнообразие политико-экономических

причин заключения договора приобретают ведущее значение не только в рамках самой цепочки создания стоимости, но и на более глобальном уровне, охватывающем социальные, экологические, культурные и экономические интересы²⁶.

В этих комплексных условиях формируются интересные новые тенденции развития договорного и коммерческого права. На примере договорных систем в цепочках поставок доказано, что договорные положения действуют как своеобразные платформы для миграции правовых норм и идей²⁷. Выявлена разнонаправленная динамика этого движения: во-первых, перенос положений из договора в договор; во-вторых, перетекание норм из договора в законодательство и, в-третьих, внедрение в широкую деловую практику частных стандартов через договор. Каждое из направлений показывает, как договорная практика легитимизирует социальные и этические нормы, подчеркивая социальный характер договора в трансграничной цепочке поставок, а также переносит нормы иностранного законодательства в национальный гражданский оборот, усиливая их экстратерриториальный эффект.

3. Формирование транснационального права цепочек поставок

Расширение цепочек поставок, а вместе с ними увеличение цепочек контрактов и усложнение их содержания стимулировали рост интереса зарубежных специалистов (изначально работавших в сфере международного коммерческого права) к соответствующим проблемам и, как следствие, зарождение нового поля для правовых исследований — транснационального права цепочек поставок (chain law, law of global value chains)²⁸. Можно условно выделить три подхода к анализу нормативных сплетений в контексте

²⁵ Cattaneo O., Gereffi G., Miroudot S., Taglioni D. Joining, Upgrading and Being Competitive in Global Value Chains: a Strategic Framework (April 1, 2013). World Bank Policy Research Working Paper No. 6406 // URL: <https://ssrn.com/abstract=2248476>. P. 4 (дата обращения: 02.08.2022).

²⁶ Eller K. H., Salminen J. Op. cit. P. 1–2.

²⁷ Affolder N. A. Looking for Law in Unusual Places: Cross-Border Diffusion of Environmental Norms // *Transnational Environmental Law*. 2018. Vol. 7. P. 425–449.

²⁸ Подробнее об этом см., например: Turner B. Supply-chain legal pluralism: normativity as constitutive of chain infrastructure in the Moroccan argan oil supply chain // *The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law*. 2016. Vol. 48. P. 378–414 ; Salminen J., Rajavuori M. Transnational sustainability laws and the regulation of global value chains: Comparison and a framework for analysis // *Maastricht Journal of European and Comparative Law*. 2019. Vol. 26. P. 602–627.

«цепной нормативности» (chain normativity) через призму права, проводимому представителями данного правового направления. Первый подход уделяет основное внимание «добровольным», или «частным», стандартам, подпадающим чаще всего под рубрику «корпоративной социальной ответственности» или концепцию «устойчивого развития» (ESG)²⁹. Второй ставит во главу угла взаимодействие между «публичным» и «частным» регулированием в цепочках создания стоимости³⁰. Третий подход сконцентрирован на разработке теории и методологии права цепочек поставок как развивающегося течения в юридических исследованиях транснационального характера³¹.

В русле последнего направления (собственно права цепочек поставок) зарубежные ученые призывают к междисциплинарному подходу для анализа регулирования в трансграничных системах производства и сбыта. По их мнению, юридическая наука уже давно страдает от существенного методологического недостатка: стремясь понять то или иное явление, ученые-юристы в основном подходят к нему отдельно с позиций каждой юридической дисциплины³². В каждом случае, но только после того, как определенный предмет перерастает эти фрагментированные рамки, — будь то по причинам академической проницательности или политической значимости, — правоведа меняют фокус, чтобы взять этот предмет как единицу анализа, отправную точку саму по себе, а не отказываться от рассмотрения, перенаправляя его своим коллегам как объект другой дисциплины. Как известно, договорное право рассматривает сделки между корпорациями в цепочке поставок, корпоративное право объясняет сопоставимые сделки, когда юридические лица входят в одну группу и вертикально интегрированы, в то же время международное частное право (а вместе с ним и сравнительное

правоведение) требуется для выявления коллизионного аспекта взаимоотношений, международное публичное право определяет допустимые границы взаимодействия лиц в свете торговых барьеров, но зачастую только отрасли национального публичного права позволяют интерпретировать фактические рамки указанных ограничений. Поэтому, чтобы увидеть полную картину, подходы, на которых основаны отдельные юридические дисциплины, надлежит объединить для целей комплексного изучения регулирования, под которое подпадают потоки производства и продаж в рассматриваемых системах. Такой концептуальный сдвиг необходимо реализовать в отношении глобальных цепочек создания стоимости, считают сторонники права цепочек поставок³³.

4. Тенденции развития международного коммерческого права

Хотя данная тема крайне обширна, важно обобщить сказанное, наметив несколько перспектив для развития международного коммерческого права, отчетливо проявляющихся уже сейчас в регулировании цепочек поставок. Это цифровизация, экологизация, отраслевая фрагментация, экстратерриториальность и социализация.

Цифровизация связана с диджитализацией процессов в цепочках поставок и формированием структурированных, долгосрочных решений, принимая которые стороны по возможности отказываются от «бумажных» процессов, повышая тем самым эффективность³⁴.

Тенденция экологизации проявляется в том, что участники цепочки в силу разных причин, глобального или локального характера, основываясь на собственных или поступивших извне установках, стремятся к внедрению экологически безопасных методов работы³⁵.

²⁹ Rühmkorf A. Corporate Social Responsibility, Private Law and Global Supply Chains. Cheltenham : Elgar, 2015. 264 p.

³⁰ См., например: Cafaggi F., Renda A. Public and Private Regulation: Mapping the Labyrinth // Dovenschmidt Quarterly. 2012. Vol. 1. P. 16–33.

³¹ См., например: Sobel-Read K. Global Value Chains: A Framework for Analysis // Transnational Legal Theory. 2014. Vol. 5. No. 3. P. 364–407. URL: <https://ssrn.com/abstract=2312034> (дата обращения: 02.08.2022).

³² Sobel-Read K. Global Value Chains: A Framework for Analysis. P. 4–5.

³³ Sobel-Read K. Global Value Chains: A Framework for Analysis. P. 4–5.

³⁴ См.: Eller K. Transnational Contract Law. P. 15–16.

³⁵ См. об этом, например: Lomfeld B. Sustainable contracting: How standard terms could govern markets // Reshaping Markets. Economic Governance, the Global Financial Crisis and Liberal Utopia / B. Lomfeld, A. Somma and P. Zumbansen (eds.). Cambridge : Cambridge University Press, 2016. P. 257–282.

Отраслевая фрагментация коммерческих контрактов соответствует позиции о том, что правовое регулирование коммерческих отношений развивается по отраслевому признаку: национальные границы имеют для такого регулирования меньшее значение, а границы между отраслями хозяйственной деятельности — большее, то есть одно регулирование характерно для сферы информационных технологий, другое для сельского хозяйства, третье для химической промышленности и т.д.³⁶ Опираясь на механизмы цепочек создания стоимости, корпорации усиливают внешний эффект частных регуляторных систем и таким образом закладывают фундамент трансграничного регулирования для хозяйственной отрасли в целом.

Важным направлением в исследованиях выступает анализ возможностей договорных систем, опосредующих цепочки поставок, по трансграничному распространению нормативных положений локального законодательства, в результате чего отмечается экспансия иностранных правовых норм за границы юрисдикции своего возникновения (тенденция экстра-территориальности)³⁷.

Наконец, усиливающаяся социализация международного коммерческого права проявляется двояко. С одной стороны, она выражается в том, что изначально неправовые, но имеющие большое общественное значение нормы легитимизируются посредством договора и распространяются в таком легитимизированном качестве по договорной цепочке, получая глобальное правовое звучание³⁸. Другая сторона тенденции социализации касается развития зарубежного социально ориентированного законодательства, направленного на контроль социальной составляющей цепочек создания стоимости. Так, юридическая экспертиза соблюдения прав человека в цепочках поставок (*human rights due diligence*), имплементированная в новейших европейских законодательных актах и связанная, помимо прочего, с необходимостью проведения головной компанией мониторинга и публичного раскрытия информации о хозяйственной деятельности компаний по всей

цепочке поставок, представляет собой один из примеров трансграничных ограничений, которые накладываются на договорные отношения и внедряются в цепочку контрактов.

Заключение

В последнее время российский бизнес вынужден решать беспрецедентное множество проблем. Не успевая разобраться со старыми трудностями, вызванными пандемией, предприниматели встречают новые политико-экономические вызовы, непосредственно влияющие на их повседневную коммерческую деятельность. Проблема регулирования трансграничных цепочек поставок актуализируется в новой парадигме правовых ориентиров для отечественного делового оборота.

Как показывает опыт, государственно-правовая система не позволяет последовательно контролировать и тем более эффективно упорядочить международные деловые операции. Крупные коммерсанты приобретают всё больше властного влияния в создании регуляторного режима для унификации собственной предпринимательской активности. Трансграничные цепочки поставок — та область, где наилучшим образом проявляется синергия частной деловой инициативы и негосударственного регулирования, изучаемая сторонниками транснационального права. На наш взгляд, в усложняющемся потоке деловых связей регуляторный потенциал негосударственных транснациональных нормотворческих систем, курируемых корпорациями, будет возрастать.

Вне всяких сомнений, договор — это стержень транснационального правопорядка. В тени различных попыток гармонизировать договорное право на международном уровне сам институт договора уже составляет основу транснационального взаимодействия. Тем не менее теории договора в большинстве своем плохо подготовлены к тому, чтобы отразить конституирующую роль договора в регулировании трансграничных систем, какими являются

³⁶ *Karton J. Sectoral Fragmentation in Transnational Contract Law // University of Pennsylvania Journal of Business Law. 2018. Vol. 21. Iss. 1. P. 142–199.*

³⁷ Правовой анализ феномена экстратерриториальности в международном частном праве подробно представлен в исследовании д. ю. н. Л. В. Терентьевой: *Терентьева Л. В. Экстратерриториальность в международном частном праве // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 5. С. 183–194.*

³⁸ См., например: *Amstutz M., Abegg A., Karavas V. Civil Society Constitutionalism: The Power of Contract Law. Indiana Journal of Global Legal Studies. 2007. Vol. 14. P. 235–258.*

глобальные цепочки создания стоимости. Помимо того, что договоры направлены на достижение эффективности между сторонами, они всё чаще выступают в роли инструмента социального воздействия³⁹. Контракты становятся эквивалентами политических институтов⁴⁰. Поэтому за основу для исследований должны браться новаторские теории, более либерально оценивающие договор.

Кроме того, сами договорные правоотношения должны рассматриваться в междисциплинарном ключе. Достоверные результаты анализа цепочек поставок, по мнению правоведов, обеспечиваются посредством комбинации договорного и корпоративного права, международного и национального права, публичного права и частного права, а чаще и вовсе неправовыми

способами, которые заслуживают особого внимания. Как образно описал применимое правовое регулирование цепочек поставок один автор, «цепочка поставок пробирается через заросли международного и внутреннего права, ее направляет публичное право и движет частное, тянет мягкое право и толкает жесткое»⁴¹.

Управление совокупностью процессов, организация и координация действий участников трансграничных производственно-сбытовых систем требует системного подхода, то есть ведет к необходимости исследования цепочки поставок как самостоятельного объекта для междисциплинарного анализа. Комплексное правовое изучение данных вопросов представляет большой потенциал и способно оказать полезный практический эффект.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гуна А. Н. Доктрина взаимосвязанных договоров (linked contracts): сравнительно-правовое исследование // Вестник экономического правосудия РФ. — 2021. — № 11. — С. 52–95.
2. Терентьева Л. В. Экстратерриториальность в международном частном праве // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 5. — С. 183–194.
3. Affolder N. A. Looking for Law in Unusual Places: Cross-Border Diffusion of Environmental Norms // *Transnational Environmental Law*. — 2018. — Vol. 7. — P. 425–449.
4. Amstutz M., Abegg A., Karavas V. Civil Society Constitutionalism: The Power of Contract Law // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. — 2007. — Vol. 14. — P. 235–258.
5. Backer L. C. Are Supply Chains Transnational Legal Orders?: What We Can Learn from the Rana Plaza Factory Building Collapse // *UC Irvine Journal of International, Transnational, and Comparative Law*. — 2016. — Vol. 1. — P. 11–66.
6. Cafaggi F., Renda A. Public and Private Regulation: Mapping the Labyrinth // *Dovens Schmidt Quarterly*. — 2012. — Vol. 1. — P. 16–33.
7. Cattaneo O., Gereffi G., Miroudot S., and Taglioni D. Joining, Upgrading and Being Competitive in Global Value Chains: a Strategic Framework (April 1, 2013). — World Bank Policy Research Working Paper No. 6406. — URL: <https://ssrn.com/abstract=2248476>. — 50 p.
8. *Regulatory Theory: Foundations and Applications* / P. Drahos (ed.). — Canberra : ANU Press, 2017. — 820 p.
9. Eller K. H., Salminen J. Reimagining Contract in a World of Global Value Chains // *European Review of Contract Law*. — 2020. — Vol. 16. — No. 1. — P. 1–2.
10. Eller K. H. Is 'Global Value Chain' a Legal Concept?: Situating Contract Law in Discourses Around Global Production // *European Review of Contract Law*. — 2020. — Vol. 16. — No. 1. — P. 3–24.
11. Eller K. H. *Transnational Contract Law* // *The Oxford Handbook of Transnational Law* / P. Zumbansen (ed.). — Oxford : OUP, 2021. — P. 513–530.
12. Esser P. J. Institutionalizing Industry: The Changing Forms of Contract // *Law and Social Inquiry*. — 1996. — Vol. 21. — P. 593–626.
13. *Global Value Chains and Development. Redefining the Contours of 21st Century Capitalism* / G. Gereffi (ed.). — Cambridge : Cambridge University Press, 2018. — 494 p.

³⁹ Lomfeld B., Wielsch D. The Public Dimension of Contract: Contractual Pluralism Beyond Privity // *Law and Contemporary Problems*. 2013. Vol. 76. No. 2. P. I–XII.

⁴⁰ Eller K. H. *Transnational Contract Law*. P. 513–530.

⁴¹ Sobel-Read K. *Global Value Chains: A Framework for Analysis*. P. 56.

14. *Halliday T. C., Shaffer G. C.* Transnational Legal Orders. — Cambridge : Cambridge University Press, 2015. — 542 p.
15. *Karton J.* Sectoral Fragmentation in Transnational Contract Law // *University of Pennsylvania Journal of Business Law*. — 2018. — Vol. 21. — Iss. 1. — P. 142–199.
16. *Krajewski M., Tonstad K., Wohltmann F.* Mandatory Human Rights Due Diligence in Germany and Norway: Stepping, or Striding, in the Same Direction? // *Business and Human Rights Journal*. — 2021. — Vol. 6. — No. 3. — P. 550–558.
17. *Lomfeld B.* Sustainable contracting: How standard terms could govern markets // *Reshaping Markets. Economic Governance, the Global Financial Crisis and Liberal Utopia* / B. Lomfeld, A. Somma and P. Zumbansen (eds.). — Cambridge : Cambridge University Press, 2016. — 370 p.
18. *Lomfeld B., Wielsch D.* The Public Dimension of Contract: Contractual Pluralism Beyond Privity // *Law and Contemporary Problems*. — 2013. — Vol. 76. — No. 2. — P. I–XII.
19. *Macneil I. R.* Relational contract theory: Challenges and queries // *Northwestern University Law Review*. — 2020. — Vol. 94. — P. 877–907.
20. *Reinke B., Zumbansen P. C.* Transnational Liability Regimes in Contract, Tort and Corporate Law: Comparative Observations on ‘Global Supply Chain Liability’ (January 9, 2019) // *Le Devoir de la Vigilance* / S. Schiller (ed.). (Lexis Nexis, 2019), TLI Think! Paper 4/2019. — King’s College, London. — Law School Research Paper No. 2019-18. — URL: <https://ssrn.com/abstract=3312916>. — P. 1–31.
21. *Ruhl G.* Towards a German Supply Chain Act? Comments from a Choice of Law and a Comparative Perspective // *European Yearbook of International Economic Law*. — 2020. — Vol. 11. — P. 55–81.
22. *Rühmkorf A.* Corporate Social Responsibility, Private Law and Global Supply Chains. — Cheltenham : Elgar, 2015. — 264 p.
23. *Rusinova V., Korotkov S.* Mandatory Corporate Human Rights Due Diligence Models: Shooting Blanks? // *Russian Law Journal*. — 2021. — Vol. 9. — No. 4. — P. 33–71.
24. *Salminen J., Rajavuori M.* Transnational sustainability laws and the regulation of global value chains: Comparison and a framework for analysis // *Maastricht Journal of European and Comparative Law*. — 2019. — Vol. 26. — P. 602–627.
25. *Sobel-Read K. B.* Reimagining the Unimaginable: Law and the Ongoing Transformation of Global Value Chains into Integrated Legal Entities // *European Review of Contract Law*. — 2020. — Vol. 16. — No. 1. — P. 160–185.
26. *Sobel-Read K.* Global Value Chains: A Framework for Analysis // *Transnational Legal Theory*. — 2014. — Vol. 5. — No. 3. — P. 364–407. — URL: <https://ssrn.com/abstract=2312034>.
27. *The Oxford Handbook of Transnational Law* / P. Zumbansen (ed.). — Oxford : OUP, 2021. — 1248 p.
28. *Turner B.* Supply-chain legal pluralism: normativity as constitutive of chain infrastructure in the Moroccan argan oil supply chain // *The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law*. — 2016. — Vol. 48. — P. 378–414.
29. *Tusikov N.* Transnational Non-state Regulatory Regimes // *Regulatory Theory: Foundations and Applications* / P. Drahos (ed.). — Canberra : ANU Press, 2017. — P. 339–353.
30. *Zumbansen P.* Transnational Legal Pluralism // *Transnational Legal Theory*. — 2010. — Vol. 1 (2). — P. 141–189.

Материал поступил в редакцию 2 августа 2022 г.

REFERENCES

1. Guna AN. Doktrina vzaimosvyazannykh dogovorov (linked contracts): sravnitel'no-pravovoe issledovanie [The doctrine of linked contracts: a comparative legal study]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF*. 2021;11:52-95. (In Russ.).
2. Terentyeva LV. Ekstraterritorialnost v mezhdunarodnom chastnom prave [Extraterritoriality in private international law]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2021;16(5):183-194 (In Russ.).
3. Affolder NA. Looking for Law in Unusual Places: Cross-Border Diffusion of Environmental Norms. *Transnational Environmental Law*. 2018;7:425-449.
4. Amstutz M, Abegg A, Karavas V. Civil Society Constitutionalism: The Power of Contract Law. *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 2007;14:235-258.
5. Backer LC. Are Supply Chains Transnational Legal Orders?: What We Can Learn from the Rana Plaza Factory Building Collapse. *UC Irvine Journal of International, Transnational, and Comparative Law*. 2016;1:11-66.

6. Cafaggi F, Renda A. Public and Private Regulation: Mapping the Labyrinth. *Dovenschmidt Quarterly*. 2012;1:16-33.
7. Cattaneo O, Gereffi G, Miroudot S, and Taglioni D. Joining, Upgrading and Being Competitive in Global Value Chains: a Strategic Framework (April 1, 2013). World Bank Policy Research Working Paper. No. 6406. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2248476>.
8. Drahos P, editor. *Regulatory Theory: Foundations and Applications*. Canberra: ANU Press; 2017.
9. Eller Kh, Salminen J. Reimagining Contract in a World of Global Value Chains. *European Review of Contract Law*. 2020;16(1):1-2.
10. Eller Kh. Is 'Global Value Chain' a Legal Concept?: Situating Contract Law in Discourses Around Global Production. *European Review of Contract Law*. 2020;16(1):3-24.
11. Eller Kh. Transnational Contract Law. In: Zumbansen P, editor. *The Oxford Handbook of Transnational Law*. Oxford: OUP Publ.; 2021.
12. Esser PJ. Institutionalizing Industry: The Changing Forms of Contract. *Law and Social Inquiry*. 1996;21:593-626.
13. Gereffi G. (ed.). *Global Value Chains and Development. Redefining the Contours of 21st Century Capitalism*. Cambridge: Cambridge University Press; 2018.
14. Halliday TC, Shaffer GC. *Transnational Legal Orders*. Cambridge: Cambridge University Press; 2015.
15. Karton J. Sectoral Fragmentation in Transnational Contract Law. *University of Pennsylvania Journal of Business Law*. 2018;21(1):142-199.
16. Krajewski M, Tonstad K, Wohltmann F. Mandatory Human Rights Due Diligence in Germany and Norway: Stepping, or Striding, in the Same Direction? *Business and Human Rights Journal*. 2021;6(3):550-558.
17. Lomfeld B. Sustainable contracting: How standard terms could govern markets. *Reshaping Markets. Economic Governance, the Global Financial Crisis and Liberal Utopia*. In: Lomfeld B, Somma A, Zumbansen P (eds.). Cambridge: Cambridge University Press; 2016.
18. Lomfeld B, Wielsch D. The Public Dimension of Contract: Contractual Pluralism Beyond Privity. *Law and Contemporary Problems*. 2013;76(2):1-12.
19. Macneil IR. Relational contract theory: Challenges and queries. *Northwestern University Law Review*. 2020;94:877-907.
20. Reinke B, Zumbansen PC. Transnational Liability Regimes in Contract, Tort and Corporate Law: Comparative Observations on 'Global Supply Chain Liability' (January 9, 2019). *Le Devoir de la Vigilance*. In: Schiller S (ed.). Paper 4/2019. King's College, London. Law School Research Paper No. 2019-18. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3312916>.
21. Ruhl G. Towards a German Supply Chain Act? Comments from a Choice of Law and a Comparative Perspective. *European Yearbook of International Economic Law*. 2020;11:55-81.
22. Rühmkorf A. *Corporate Social Responsibility, Private Law and Global Supply Chains*. Cheltenham: Elgar; 2015.
23. Rusinova V, Korotkov S. Mandatory Corporate Human Rights Due Diligence Models: Shooting Blanks? *Russian Law Journal*. 2021;9(4):33-71.
24. Salminen J, Rajavuori M. Transnational sustainability laws and the regulation of global value chains: Comparison and a framework for analysis. *Maastricht Journal of European and Comparative Law*. 2019;26:602-627.
25. Sobel-Read KB. Reimagining the Unimaginable: Law and the Ongoing Transformation of Global Value Chains into Integrated Legal Entities. *European Review of Contract Law*. 2020;16(1):160-185.
26. Sobel-Read K. Global Value Chains: A Framework for Analysis. *Transnational Legal Theory*. 2014;5(3):364-407. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2312034>.
27. Turner B. Supply-chain legal pluralism: normativity as constitutive of chain infrastructure in the Moroccan argan oil supply chain. *The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law*. 2016;48:378-414.
28. Tusikov N. Transnational Non-state Regulatory Regimes. In: Drahos P (ed.). *Regulatory Theory: Foundations and Applications*. Canberra: ANU Press; 2017.
29. Zumbansen P. Transnational Legal Pluralism. *Transnational Legal Theory*. 2010;1(2):141-189.
30. Zumbansen P. (ed.). *The Oxford Handbook of Transnational Law*. Oxford: OUP; 2021.

Социальная направленность публичной финансовой деятельности как принцип финансового права¹

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению принципа социальной направленности финансовой деятельности государства и муниципальных образований. В соответствии с ч. 1 ст. 7 Конституции РФ Российская Федерация признается социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Исходя из этого, в науке финансового права одним из принципов названной отрасли признается социальная направленность финансово-правового регулирования.

Социальная направленность финансовой деятельности находит свое внешнее выражение во многих формах. В частности, она проявляется в задачах финансовой деятельности, которые, помимо всего прочего, связаны с формированием централизованных государственных внебюджетных фондов как основы социального страхования, с аккумулярованием денежных средств в бюджетах публично-правовых субъектов в целях решения социальных задач, с выработкой основных направлений государственной финансовой политики в социальной сфере, а также рядом иных задач. Кроме того, сделан вывод о том, что каждый принцип финансовой деятельности государства тем или иным образом связан с социальной сферой. Автор прослеживает проявление принципа социальной направленности в рамках иных принципов финансовой деятельности — плановости, законности, гласности, федерализма, единства цели осуществления и т.д. Автор также приходит к заключению, что на сегодняшний день все подотрасли финансового права (бюджетное право, налоговое право, правовое регулирование финансового рынка и право денежного обращения) так или иначе связаны с социальной сферой — оказывая на нее прямое или косвенное регулирующее воздействие, а также испытывая на себе влияние социальных факторов. Делается заключение о справедливости отнесения социальной направленности финансовой деятельности государства к основополагающим принципам финансового права, а также о том, что финансовое право — социально ориентированная отрасль российского права.

Ключевые слова: финансовая деятельность; публичная финансовая деятельность; социальная направленность; социальная сфера; финансовое право; принципы финансовой деятельности; система финансового права; подотрасли финансового права; задачи финансовой деятельности; социальная политика.

Для цитирования: Забралова О. С. Социальная направленность публичной финансовой деятельности как принцип финансового права // *Lex russica*. — 2022. — Т. 75. — № 9. — С. 46–54. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.046-054.

¹ Статья выполнена в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Забралова О. С., 2022

* Забралова Ольга Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
Lab.kfp@msal.ru

Social Focus of Public Financial Activity as a Principle of Financial Law²

Olga S. Zabalova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Financial Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
Lab.kfp@msal.ru

Abstract. The paper is devoted to the consideration of the principle of social orientation of financial activity of the state and municipal entities. Under Part 1 of Article 7 of the Constitution of the Russian Federation, the Russian Federation is recognized as a social state with the state policy aimed at creating conditions that ensure a decent life and free human development. Proceeding from this, the social orientation of financial and legal regulation is regarded as one of the principles of the legal field under consideration.

The social orientation of financial activity finds its external expression in many forms. In particular, it manifests itself in the tasks of financial activity, which, among other things, are associated with the formation of centralized state extra-budgetary funds as the basis of social insurance, accumulation of funds in the budgets of public entities in order to solve social problems, development of the main directions of state financial policy in the social sphere, as well as a number of other tasks. In addition, it is concluded that each principle of the state financial activity is in one way or another connected with the social sphere. The author traces the manifestation of the principle of social orientation within the framework of other principles of financial activity — planning, legality, publicity, federalism, unity of purpose, etc. The author also comes to the conclusion that today all sub-branches of financial law (budget law, tax law, legal regulation of the financial market and the law of monetary circulation) in one way or another are connected with the social sphere — providing a direct or indirect regulatory influence on it or being subjected to the influence of social factors. The conclusion is made about the fairness of attributing the social orientation of the financial activity of the state to the fundamental principles of financial law, as well as that financial law is a socially oriented branch of Russian law.

Keywords: financial activity; public financial activity; social orientation; social sphere; financial law; principles of financial activity; system of financial law; sub-branches of financial law; objectives of financial activity; social policy.

Cite as: Zabalova OS. Sotsialnaya napravlennost' publichnoy finansovoy deyatel'nosti kak printsip finansovogo prava [Social Focus of Public Financial Activity as a Principle of Financial Law]. *Lex russica*. 2022;75(9):46-54. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.046-054. (In Russ., abstract in Eng.).

Принцип социальной направленности финансовой деятельности государства (муниципальных образований) традиционно признается в науке одним из основополагающих принципов финансового права³. Вместе с тем, как правило, в научных трудах данный принцип раскрывается поверхностно, а проводимые исследования не раскрывают всей его многогранности. В связи с этим в рамках настоящего исследования будет уделено более пристальное внимание различным аспектам внешнего выражения принципа социальной направленности публичной финансовой деятельности.

Социальная направленность пронизывает все наиболее важные аспекты финансовой деятельности. В связи с этим представляется необходимым проследить социальный харак-

тер задач, функций и стадий финансовой деятельности государства. Следует также говорить о том, что рассматриваемый принцип находит свое преломление и в других принципах финансового права.

Среди задач финансовой деятельности, отражающих ее социальную направленность, можно выделить следующие:

- формирование централизованных социальных государственных внебюджетных фондов, выступающих организационной основой социального страхования;
- аккумулирование денежных средств в бюджетах публично-правовых субъектов в целях решения социальных задач последних;
- выработка основных направлений государственной финансовой политики в социальной сфере;

² The article was prepared within the framework of the strategic academic leadership program «Priority-2030».

³ Финансовое право : учебник / отв. ред. Н. И. Химичева. М. : Норма, 2009. С. 48.

- принятие документов стратегического планирования, регламентирующих расходование средств бюджетов бюджетной системы по вопросам социальной политики;
- решение вопросов, связанных с разграничением полномочий органов власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований по финансированию социальных проектов;
- проверка полноты и своевременности исполнения субъектами финансовых правоотношений своих фискальных обязанностей, связанных с социальной сферой, перед государством и муниципальными образованиями;
- обеспечение законности деятельности хозяйствующих субъектов;
- анализ эффективности финансово-правового регулирования общественных отношений, складывающихся в связи с проведением публичной социальной политики;
- создание эффективных механизмов перераспределения денежных средств на нужды социальной политики государства;
- нормативное закрепление льгот социального характера, предоставляемых плательщикам налогов, сборов и иных обязательных платежей;
- обеспечение устойчивости национальной экономики в целях обеспечения достойной жизни и свободного развития человека;
- стимулирование частных субъектов к реализации проектов в социальной сфере;
- защита прав и законных интересов физических лиц и иных субъектов по вопросам, связанным с финансированием социального сектора экономики.

Перечисленные задачи решаются в рамках отдельных стадий финансовой деятельности, среди которых можно выделить:

- образование фондов денежных средств — заключается в аккумулировании финансовых ресурсов в централизованных и децентрализованных фондах денежных средств для решения вопросов социальной направленности;
- распределение (перераспределение) денежных средств — посредством обязательных платежей государство обеспечивает изъятие денег из частных фондов в пользу публичных централизованных фондов, которые в последующем будут финансировать мероприятия социальной политики. Государство также распределяет ресурсы меж-

- ду фондами, составляющими финансовую систему, посредством финансирования и кредитования согласно основным направлениям социальной политики. Государство должно стремиться к тому, чтобы распределение и перераспределение денежных средств соответствовало принципу социальной справедливости;
- использование фондов денежных средств — непосредственное расходование накопленных финансовых ресурсов в рамках мероприятий социальной политики;
- контроль за законностью формирования, распределения (перераспределения) и использования фондов денежных средств — заключается в проверке законности нормативных правовых актов органов государственной власти, решений, действий (бездействия) их должностных лиц, а также действий (бездействия) хозяйствующих субъектов и иных участников финансовых правоотношений в процессе проведения финансовой деятельности государства.

Несмотря на то что социальная направленность выступает самостоятельным принципом финансовой деятельности, она может быть прослежена и в рамках иных общих принципов финансового права:

- законность — предполагает, что финансовая деятельность основывается на правовых нормах и осуществляется в соответствии с ними. В частности, финансовая деятельность должна отвечать требованиям социального законодательства и иным нормативным правовым актам в рассматриваемой сфере;
- федерализм — социальные обязательства финансируются за счет различных бюджетов бюджетной системы Российской Федерации на основе разграничения полномочий и нормативного закрепления расходных обязательств каждого публично-правового образования. В то же время следует понимать, что принцип федерализма предполагает не только очерчивание зоны ответственности каждого уровня публичной власти, но и их взаимодействие и кооперацию в рамках межбюджетных отношений. Следует говорить о том, что Российская Федерация, субъекты РФ и муниципальные образования в вопросах финансирования социальных проектов не являются конкурентами — они преследуют единую цель обеспечения достойного уровня жизни для населения, про-

- живающего на территории соответствующих публично-правовых образований;
- гласность — государство доводит до сведения общества основные направления социальной политики, предполагаемый объем их финансирования, а также освещает процесс реализации данных проектов и публикует отчетность после их завершения в средствах массовой информации. Предоставление обществу соответствующей информации направлено в том числе на получение обратной связи, позволяющей оценить эффективность финансовой деятельности государства в социальной сфере, обеспечить общественный (в том числе финансовый) контроль за реализацией мероприятий социальной политики;
 - плановость — финансовая деятельность в социальной сфере основывается на целом ряде плановых документов, включая бюджеты Российской Федерации, субъектов РФ, местные бюджеты и бюджеты государственных внебюджетных фондов, государственные программы, ежегодное послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации, стратегию социально-экономического развития Российской Федерации и т.д.;
 - приоритет в области финансовой деятельности государства и муниципальных образований представительных органов перед исполнительными органами государственной власти — проявляется в том, что представительные органы утверждают бюджеты, служащие правовой основой для выделения бюджетных средств в ходе осуществления исполнительно-распорядительной деятельности органов исполнительной власти. Они также принимают законы (нормативные акты представительных органов местного самоуправления), регламентирующие деятельность исполнительных органов в социальной сфере, их права и обязанности в рамках реализации мероприятий социальной политики. Кроме того, представительные органы осуществляют контроль за финансовой деятельностью органов исполнительной власти в социальной сфере, в том числе посредством проведения внешнего государственного финансового контроля на основании постановлений законодательного органа или обращений его членов⁴;
 - единство цели осуществления — публичная финансовая деятельность направлена на создание, распределение и использование централизованных и децентрализованных фондов в интересах всего общества. Как было отмечено Э. Д. Соколовой, финансовая деятельность государства и муниципальных образований направлена на обеспечение финансовыми ресурсами именно общества, а не государства (или его аппарата)⁵;
 - максимально допустимая прозрачность — социальные расходы, как правило, относятся к открытой части бюджета. Публичная важность данных расходов предопределяет необходимость осуществления государственного и общественного финансового контроля в целях предотвращения неправомерных деяний лиц, отвечающих за распределение и расходование денежных средств в рамках социальной политики;
 - строжайший учет доходов и расходов — направлен на обеспечение законности и эффективности в процессе образования и использования централизованных и децентрализованных фондов денежных средств. При этом надо понимать, что строгий учет соответствующих расходов и доходов носит не только чисто утилитарный характер, но и связан с морально-нравственным аспектом: государство, взимая с членов общества часть их дохода, должно представить населению отчет о направлениях использования их денежных средств. Кроме того, финансовая деятельность государства и муниципальных образований в социальной сфере связана с финансовым обеспечением наиболее незащищенных слоев общества, включая детей, инвалидов и стариков, — любые коррупционные действия в данной области рассматриваются не только как противозаконные, но и как аморальные, что справедливо вызывает повышенный резонанс в обществе;
 - результативность расходов — публичные расходы в социальной сфере должны быть направлены на достижение целевых показателей, определенных в паспортах госу-

⁴ Ч. 7 ст. 33 Федерального закона от 05.04.2013 № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации».

⁵ Соколова Э. Д. Правовое регулирование финансовой деятельности государства и муниципальных образований. М. : Юриспруденция, 2009. С. 57.

- дарственных (муниципальных) программ. Кроме того, эти расходы осуществляются не просто «для галочки», они должны отвечать реальным потребностям населения, проживающего на той или иной территории;
- приоритетность публичных задач в правовом регулировании финансовых отношений, сочетающихся с реализацией частных интересов граждан, — представляется, что именно в социальной сфере названный принцип находит свое наиболее яркое проявление, поскольку социальная политика проводится в публичном интересе, но она же затрагивает интересы каждого отдельно взятого члена данного общества. В связи с этим социальная политика должна, с одной стороны, отвечать принципу гуманизма применительно к каждому субъекту, а с другой — быть эффективной и служить развитию всего общества в целом;
 - распределение функций в области финансовой деятельности на основе разделения властей — каждая из ветвей власти в рамках реализации социальной политики государства осуществляет присущие ей функции: органы представительной власти — нормотворческие, исполнительной — исполнительно-распорядительные, судебной — функции разрешения споров, и все вместе они осуществляют контрольную функцию. Подобный подход обеспечивает дифференциацию полномочий органов государственной власти, баланс интересов каждой из ветвей власти на основе действия системы сдержек и противовесов, что в конечном итоге служит интересам общества.

Таким образом, на основе всего вышесказанного мы можем заключить, что каждый принцип финансовой деятельности государства тем или иным образом связан с социальной сферой.

Социальная направленность публичной финансовой деятельности может быть прослежена и в разрезе каждого внутриотраслевого образования (подотраслей и институтов) финансового права:

1. Бюджетное право — ведущая подотрасль финансового права, связанная с правовым регулированием общественных отношений, возникающих в процессе построения бюджетной системы, разграничения бюджетных полномочий между различными органами государственной и муниципальной власти, распределения доходов и расходов, а также регу-

лирующая общественные отношения в рамках бюджетного процесса и осуществления государственных (муниципальных) заимствований, регулирования государственного (муниципального) долга. Бюджетное право регламентирует порядок образования централизованных фондов денежных средств, выступающих инструментом реализации социальной политики государства, в том числе бюджетов публично-правовых образований, а также государственных внебюджетных фондов, имеющих ярко выраженную социальную природу. Помимо этого, нормами бюджетного права регулируются общественные отношения, связанные с распределением доходов, выступающих финансовой основой финансовой деятельности в социальной сфере, с проверкой законности распределения доходов и осуществления расходов в социальной сфере, в рамках государственного финансового контроля (внутреннего и внешнего).

2. Налоговое право — подотрасль финансового права, регулирующая общественные отношения, складывающиеся в процессе налогообложения, взимания сборов и страховых взносов. Социальная направленность налогового правового регулирования имеет несколько форм внешнего проявления. Первоочередным образом следует сказать о налоговых льготах социального характера. Указанные льготы могут иметь характер:

- прямой поддержки социально незащищенных слоев населения. К числу таких льгот, в частности, относятся освобождение от уплаты налога на доходы физических лиц социальных выплат, включая стипендии, пенсии, социальные пособия и т.д.;
- косвенной поддержки социально незащищенных слоев населения. В отличие от первой группы, которая не требует прямого волеизъявления лица, которому предоставляется льгота, вторая предусматривает необходимость совершения ряда действий, связанных с получением соответствующего преимущества, в частности с обращением в налоговый орган с заявлением (вместе с документами, подтверждающими обоснованность права на льготу). К данной группе можно отнести налоговые вычеты — стандартные и социальные. Например, подобные вычеты предоставляются физическим лицам в сумме, уплаченной налогоплательщиком в налоговом периоде за свое обучение в организациях, осуществляющих

образовательную деятельность⁶, в сумме, уплаченной налогоплательщиком в налоговом периоде за медицинские услуги⁷, и т.д.; — налоговые льготы, направленные на стимулирование социально ответственного поведения налогоплательщиков. Например, налогоплательщики — физические лица имеют право на получение социального налогового вычета по налогу на доходы физических лиц в сумме доходов, перечисляемых налогоплательщиком в виде пожертвований⁸. Действующее законодательство о налогах и сборах Российской Федерации предусматривает широкий перечень льгот, предоставляемых общественным организациям инвалидов по уплате налога на добавленную стоимость, налога на имущество организаций и земельного налога⁹.

Подобные льготы устанавливаются как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований — в отношении региональных и местных налогов соответственно.

Социальная направленность налогового правового регулирования проявляется не только в предоставлении преимуществ отдельным налогоплательщикам, но и в социальной природе ряда обязательных платежей, закрепленных в законодательстве о налогах и сборах. В первую очередь мы имеем в виду страховые взносы, выступающие в качестве финансовой основы системы обязательного социального страхования и главного источника поступлений в государственные внебюджетные фонды¹⁰. Еще одним примером обязательных платежей социального характера являются суммы налога

⁶ В соответствии с п. 2 ст. 219 НК РФ льгота предоставляется в размере фактически произведенных расходов на обучение с учетом ограничения, установленного пунктом 2 данной статьи, а также в сумме, уплаченной налогоплательщиком-родителем за обучение своих детей в возрасте до 24 лет, налогоплательщиком-опекуном (налогоплательщиком-попечителем) за обучение своих подопечных в возрасте до 18 лет по очной форме обучения в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, — в размере фактически произведенных расходов на это обучение, но не более 50 000 руб. на каждого ребенка в общей сумме на обоих родителей (опекуна или попечителя).

⁷ Согласно п. 3 ст. 219 НК РФ налогоплательщик имеет право на получение социального налогового вычета в сумме, уплаченной налогоплательщиком в налоговом периоде за медицинские услуги, оказанные медицинскими организациями, индивидуальными предпринимателями, осуществляющими медицинскую деятельность, ему, его супругу (супруге), родителям, детям (в том числе усыновленным) в возрасте до 18 лет, подопечным в возрасте до 18 лет (в соответствии с перечнем медицинских услуг, утвержденным Правительством РФ), а также в размере стоимости лекарственных препаратов для медицинского применения, назначенных им лечащим врачом и приобретаемых налогоплательщиком за счет собственных средств. При применении социального налогового вычета учитываются суммы страховых взносов, уплаченные налогоплательщиком в налоговом периоде по договорам добровольного личного страхования, а также по договорам добровольного страхования своих супруга (супруги), родителей, детей (в том числе усыновленных) в возрасте до 18 лет, подопечных в возрасте до 18 лет, заключенным им со страховыми организациями, имеющими лицензии на ведение соответствующего вида деятельности, предусматривающим оплату такими страховыми организациями исключительно медицинских услуг.

⁸ Такие пожертвования должны быть произведены в пользу благотворительных организаций; социально ориентированных некоммерческих организаций на осуществление ими деятельности, предусмотренной законодательством Российской Федерации о некоммерческих организациях; некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в области науки, культуры, физической культуры и спорта (за исключением профессионального спорта), образования, просвещения, здравоохранения, защиты прав и свобод человека и гражданина, социальной и правовой поддержки и защиты граждан, содействия защите граждан от чрезвычайных ситуаций, охраны окружающей среды и защиты животных.

⁹ См.: пп. 2 п. 3 ст. 149, ст. 381, 395 НК РФ.

¹⁰ Обоснованность данного вывода вытекает из определения страховых взносов, под которыми на основании п. 3 ст. 8 НК РФ понимаются обязательные платежи на обязательное пенсионное страхование, обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, на обязательное медицинское страхование, взимаемые с организаций и физических лиц в целях финансового обеспечения реализации прав застрахованных лиц на получение страхового обеспечения по соответствующему виду обязательного социального страхования.

на доходы физических лиц, выплачиваемые по прогрессивной шкале налогообложения, налогоплательщиками-резидентами, налоговая база которых за налоговый период превысила 5 млн руб. Соответствующие денежные средства направляются на создание дополнительного источника финансовых средств на лечение детей с тяжелыми жизнеугрожающими и хроническими заболеваниями, в том числе редкими (орфанными) заболеваниями¹¹.

3. Правовое регулирование финансовых рынков — подотрасль финансового права, регулирующая общественные отношения, складывающиеся в процессе оказания финансовых услуг кредитными и некредитными финансовыми организациями, в том числе в рамках банковского сектора, страхового рынка, рынка ценных бумаг, микрокредитования и т.д. На первый взгляд может показаться, что финансовые рынки далеки от социальной сферы, но это не совсем верно. Качество предоставляемых физическим лицам финансовых услуг серьезным образом влияет на благосостояние всего населения страны. И здесь на первый план выходят вопросы правового регулирования общественных отношений, складывающихся в процессе защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг¹². На сегодняшний день соответствующей деятельностью занимаются Банк России (в первую очередь в лице Службы по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг), Служба финансового уполномоченного, Роспотребнадзор и Прокуратура РФ. Так, одним из наиболее перспективных направлений контрольно-надзорной деятельности Банка России в настоящее

время является поведенческий надзор, связанный с анализом правоприменительной практики в области оказания финансовых услуг¹³, в том числе того, как финансовые организации взаимодействуют с потребителями¹⁴.

Кроме того, финансовый рынок выступает в качестве инструмента распределения и перераспределения денежных средств. Данная роль финансового рынка особенно ярко проявилась в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. Так, в марте 2020 г. Банк России дал рекомендации кредитным организациям провести реструктуризацию долговых обязательств заемщиков, испытывающих сложности с погашением полученных ранее кредитов. По информации регулятора, в 2020–2021 гг. банки провели реструктуризацию более 2,2 млн кредитных договоров граждан на общую сумму 1 047,9 млрд руб.¹⁵ Указанное можно отнести к мерам социальной поддержки, поскольку государство, пусть и косвенно, оказало помощь гражданам, находившимся в затруднительном положении.

К мерам социальной поддержки можно отнести и так называемую льготную ипотеку. Получение денежных средств по договору о залоге недвижимого имущества на льготных условиях стало возможным исключительно благодаря государственной поддержке, поскольку выпадающие доходы кредитных организаций компенсируются за счет субсидий, выделяемых из бюджетов бюджетной системы РФ. Соответствующие денежные средства выделяются в рамках государственной программы «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской

¹¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части налогообложения доходов физических лиц, превышающих 5 миллионов рублей за налоговый период» // СПС «КонсультантПлюс».

¹² *Чистюхин В. В.* Правовое регулирование финансового контроля за деятельностью некредитных финансовых организаций в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 157–160.

¹³ *Лаутс Е. Б.* Поведенческий надзор и система банковского регулирования и надзора // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 4. С. 66–72 ; *Кузнецова Ю. А.* Теоретические аспекты исследования поведенческого надзора на финансовом рынке // Финансовые рынки и банки. 2021. № 2. С. 68–73 ; *Михеева И. В., Долкова Е. А.* Поведенческий надзор Банка России в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2020. Т. 24. № 2. С. 314–334.

¹⁴ Поведенческий надзор // URL: https://www.cbr.ru/protection_rights/behavioral_surveillance/ (дата обращения: 10.01.2022).

¹⁵ Помимо этого, по данным Банка России, банки провели реструктуризацию 110,1 тыс. кредитных договоров субъектов малого и среднего предпринимательства. Суммарная ссудная задолженность по реструктурированным кредитам субъектов МСП на конец 2021 г. составила 1045,8 млрд руб. (см.: Коронавирус: меры поддержки граждан и бизнеса // URL: <https://cbr.ru/covid/> (дата обращения: 10.01.2022)).

Федерации»¹⁶. Помимо федерального уровня, меры поддержки граждан в рамках ипотечного кредитования предусмотрены и на уровне субъектов Российской Федерации. Особого внимания в этой связи заслуживает опыт Московской области, где принята подпрограмма «Социальная ипотека» государственной программы Московской области «Жилище» в период с 2017 по 2027 г.¹⁷ Цель названной подпрограммы заключается в оказании государственной поддержки в сфере ипотечного жилищного кредитования отдельным категориям граждан при улучшении жилищных условий, включая нуждающихся в жилых помещениях граждан¹⁸, наиболее востребованных молодых ученых и специалистов, молодых уникальных специалистов¹⁹, медицинских работников государственных учреждений здравоохранения Московской области²⁰ и ряд иных категорий граждан.

4. Право денежного обращения — подотрасль финансового права, регулирующая общественные отношения, возникающие в про-

цессе организации обращения национальной и иностранной валюты, выраженной в наличной, безналичной и цифровой форме. Одним из стратегических документов Российской Федерации являются основные направления денежно-кредитной политики, утверждаемые Банком России и разрабатываемые им совместно с Правительством РФ. Основной целью денежно-кредитной политики, исходя из ч. 2 ст. 75 Конституции РФ, является защита и обеспечение устойчивости рубля. При этом денежно-кредитная политика государства самым тесным образом связана с социальной политикой. Так, например, в Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2022 год и период 2023 и 2024 годов²¹ подчеркивается, что одним из наиболее важных условий поддержания социальной стабильности выступает ценовая стабильность²². Следует также иметь в виду, что при разработке кредитно-денежной политики Банком России учитываются и оцениваются

¹⁶ См.: постановление Правительства РФ от 30.12.2017 № 1710 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации»» // СЗ РФ. 2018. № 3. Ст. 546.

В 2022 г. в рамках данной программы предусмотрено выделение более 395,9 млрд руб., в 2023-м — более 423,9 млрд руб., в 2024-м — более 338,5 млн руб.

¹⁷ Постановление Правительства МО от 25.10.2016 № 790/39 «Об утверждении государственной программы Московской области «Жилище» на 2017–2027 годы» // Ежедневные Новости. Подмосковье. 2016. № 244 (постановление, программа (разд. 1–12.4)) ; Информационный вестник Правительства МО. 2017. № 2 (постановление, программа).

¹⁸ Распоряжение Минстроя МО от 20.05.2014 № 79 «Об утверждении Порядка признания нуждающимися в жилых помещениях граждан, изъявивших желание стать участниками подпрограммы «Социальная ипотека» государственной программы Московской области «Жилище»» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Приказ министра инвестиций, промышленности и науки МО от 21.01.2021 № 6 «Об объявлении отбора наиболее востребованных молодых ученых и специалистов, молодых уникальных специалистов для участия в подпрограмме «Социальная ипотека» государственной программы Московской области «Жилище»» // Официальный сайт Министерства инвестиций, промышленности и науки Московской области. URL: <http://mii.mosreg.ru>. 21.01.2021.

²⁰ Распоряжение Минздрава МО от 07.04.2017 № 49-Р «Об организации отбора медицинских работников государственных учреждений здравоохранения Московской области и государственных учреждений социального обслуживания Московской области в подпрограмму «Социальная ипотека» государственной программы Московской области «Жилище»» // Первоначальный текст документа опубликован на официальном сайте Министерства здравоохранения Московской области. URL: <http://mz.mosreg.ru>. 17.04.2017.

²¹ URL: [https://www.cbr.ru/Content/Document/File/126064/on_project_2022\(2023–2024\).pdf](https://www.cbr.ru/Content/Document/File/126064/on_project_2022(2023–2024).pdf) (дата обращения: 10.01.2022).

²² Следует отметить, что согласно приложению 3 «Влияние инфляции на социальное неравенство» Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики на 2018 год и период 2019 и 2020-х годов (Вестник Банка России. 2017. № 109–110) «ценовая стабильность является неотъемлемым элементом благоприятной среды для жизни людей и ведения бизнеса, для устойчивого экономического роста. Она необходима для планирования инвестиций, защищает сбережения от инфляционного обесценения. Кроме того, низкая и стабильная инфляция является важным условием социальной стабильности. При прочих равных условиях высокая инфляция способствует усилению социального нера-

различные факторы, способные оказать на нее влияние, в частности меры демографической поддержки, влияние социальных выплат на бюджетные расходы и т.д. Таким образом, прослеживается действие прямых и обратных связей: денежно-кредитная политика оказывает влияние на социальную стабильность, а меры социальной поддержки и различные социальные факторы (в том числе социальная нестабильность) воздействуют на основные направления денежно-кредитной политики государства.

Таким образом, мы можем заключить, что все подотрасли финансового права тем или иным образом связаны с социальной сферой — оказывая на нее прямое или косвенное регулирующее воздействие, а также испытывая на себе влияние социальных факторов. Сказанное в полной мере подтверждает отнесение социальной направленности финансовой деятельности государства к основополагающим принципам финансового права и дает основание говорить о том, что финансовое право — социально ориентированная отрасль российского права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Кузнецова Ю. А. Теоретические аспекты исследования поведенческого надзора на финансовом рынке // Финансовые рынки и банки. — 2021. — № 2. — С. 68–73.
2. Лаутс Е. Б. Поведенческий надзор и система банковского регулирования и надзора // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2021. — № 4. — С. 66–72.
3. Михеева И. В., Долкова Е. А. Поведенческий надзор Банка России в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». — 2020. — Т. 24. — № 2. — С. 314–334.
4. Соколова Э. Д. Правовое регулирование финансовой деятельности государства и муниципальных образований. — М.: Юриспруденция, 2009. — 264 с.
5. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н. И. Химичева. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2009. — 768 с.
6. Чистюхин В. В. Правовое регулирование финансового контроля за деятельностью некредитных финансовых организаций в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2022. — 251 с.

Материал поступил в редакцию 31 июля 2022 г.

REFERENCES

1. Kuznetsova YuA. Teoreticheskie aspekty issledovaniya povedencheskogo nadzora na finansovom rynke [Theoretical aspects of the study of behavioral supervision in the financial market]. *Financial Markets and Banks*. 2021;2:68-73. (In Russ.).
2. Lauts EB. Povedencheskiy nadzor i sistema bankovskogo regulirovaniya i nadzora [Behavioral supervision and the system of banking regulation and supervision]. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2021;4:66-72. (In Russ.).
3. Mikheeva IV, Dolkova EA. Povedencheskiy nadzor banka Rossii v sfere zashchity prav potrebiteley finansovykh uslug [Behavioural supervision of the bank of russia in protection of financial services consumers' rights]. *RUDN Journal of Law*. 2020;24(2):314-334. (In Russ.).
4. Sokolova ED. Pravovoe regulirovanie finansovoy deyatelnosti gosudarstva i munitsipalnykh obrazovaniy [Legal regulation of financial activities of the state and municipalities]. Moscow: Jurisprudentsiya Publ.; 2009. (In Russ.).
5. Khimicheva NI (ed.). Finansovoe pravo [Financial law]. 4th ed. Moscow: Norma; 2009. (In Russ.).
6. Chistyukhin VV. Pravovoe regulirovanie finansovogo kontrolya za deyatelnostyu nekreditnykh finansovykh organizatsiy v Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk [Legal regulation of financial control over the activities of non-credit financial organizations in the Russian Federation: Doctoral Dissertation]. Moscow; 2022. (In Russ.).

венства, росту дифференциации доходов, так как наиболее негативно влияет на благополучие людей с низким уровнем достатка. В ходе социологических опросов российские граждане не случайно называют высокую инфляцию и низкий уровень доходов в числе самых острых для себя проблем. При высокой инфляции расходы «бедных» растут быстрее».

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.055-065

В. В. Антонченко*

Фашизация государства и права

Аннотация. Благополучие и безопасность личности и общества в немалой степени зависят от государственных режимов, определяющих состояние социальных институтов, экономики и права. Траектории режимных трансформаций в некоторых государствах способны поставить под сомнение возможность достижения качества жизни, соответствующего современным взглядам на социальное процветание. Представление о фашизме как об идеологии и о политическом режиме, навсегда оставшихся в прошлом, вряд ли является обоснованным: при определенных условиях вероятность его возрождения в тех или иных политических и правовых системах не может быть исключена. Знание условий и признаков фашизации общества позволяет своевременно распознать опасные черты в государственной политике и праве. Фашизм может воплощаться во множестве образов и форм, однако в любые времена неизбежны и неотделимы от него свойства крайнего антилиберализма как полного отрицания свободы и прав личности. Имманентно присущи ему приоритет государства над обществом, а общества над человеком, пропаганда ксенофобии, сплочение в ненависти к общему врагу, в качестве которого выступают носители любого несогласия. Изучение генезиса крайне правых форм недемократических политических режимов, требующих для своего существования закрепления в политике и праве ценностей этатизма, ложных идей исключительности и преступных методов насилия, является основой системы противодействия фашизации государства. Элементами этой системы являются: актуализация социальной роли и функции права, высокий уровень правосознания и правовой культуры, либерально-демократические традиции и зрелость гражданского общества, которое обязано настороженно относиться к любому нарастанию насилия, ограничению в правах средств массовой информации, преследованию политического инакомыслия, милитаризации и другим признакам агрессивной идеологии, способной разрушить его цивилизованный облик. Крайним формам недемократических режимов могут противостоять лишь перцепированные обществом социально-политические принципы либерализма и ценности развитой демократии: равноправие граждан и реальное осуществление их прав и свобод, гуманизм и конституционализм, а также общественное осмысление государства как органа, ограниченного в формах и методах осуществления власти целями защиты этих принципов и ценностей.

Ключевые слова: государство; политика; политический режим; право; закон; власть; общество; демократия; авторитаризм; тоталитаризм; фашизм; нацизм; идеология; пропаганда; популизм; политическая демагогия; милитаризм; война.

Для цитирования: Антонченко А. В. Фашизация государства и права // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 9. — С. 55–65. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.055-065.

© Антонченко В. В., 2022

* Антонченко Вадим Викторович, кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Дальневосточной пожарно-спасательной академии — филиала Санкт-Петербургского университета ГПС МЧИ России
пос. Аякс, д. 27, о. Русский, г. Владивосток, Россия, 690922
antovadim@yandex.ru

Fascization of the State and Law

Vadim V. Antonchenko, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Far Eastern Fire and Rescue Academy, branch of the St. Petersburg University of the State Fire-Fighting Service, Ministry of Emergency Situations of Russia
pos. Ajax, d. 27, o. Russky, Vladivostok, Russia, 690922
antovadim@yandex.ru

Abstract. The well-being and security of the individual and society largely depend on state regimes that determine the state of social institutions, economics and law. The trajectories of regime transformations in some states can cast doubt on the possibility of achieving a quality of life that corresponds to modern views on social prosperity. The idea of fascism as an ideology and a political regime that has remained in the past forever is hardly justified: under certain conditions, the probability of its revival in certain political and legal systems cannot be excluded. Knowledge of the conditions and signs of fascization of society makes it possible to recognize dangerous features in public policy and law in a timely manner. Fascism can be embodied in a variety of images and forms, but at any time the properties of extreme anti-liberalism as a complete denial of freedom and individual rights are inevitable and inseparable from it. It is characterized by the priority of the state over society and society over man, propaganda of xenophobia, rallying in hatred of a common enemy that act as the bearers of any disagreement. The study of the genesis of extreme right-wing forms of undemocratic political regimes that require the consolidation of the values of statism, false ideas of exclusivity and criminal methods of violence in politics and law for their existence is the basis of the system of countering the fascization of the state. The elements of this system include actualization of the social role and function of law, a high level of legal awareness and legal culture, liberal democratic traditions and maturity of civil society, which is obliged to be wary of any increase in violence, restriction of the rights of the media, persecution of political dissent, militarization and other signs of aggressive ideology that can destroy its civilized appearance. Extreme forms of undemocratic regimes can be resisted only by the sociopolitical principles of liberalism and the values of developed democracy, which are perceived by society: equality of citizens and the real exercise of their rights and freedoms, humanism and constitutionalism, as well as public understanding of the state as an organ limited in the forms and methods of exercising power to protect these principles and values.

Keywords: state; politics; political regime; law; law; government; society; democracy; authoritarianism; totalitarianism; fascism; Nazism; ideology; propaganda; populism; political demagoguery; militarism; war.

Cite as: Antonchenko VV. *Fashizatsiya gosudarstva i prava* [Fascization of the State and Law]. *Lex russica*. 2022;75(9):55-65. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.055-065. (In Russ., abstract in Eng.).

Одной из основных проблем прошлого столетия и главной его трагедией было закрепление в политике, праве и идеологии некоторых государств идеи превосходства одной человеческой общности над остальными, позволяющей использовать агрессию и крайние формы насилия для достижения своих целей. Говоря о фашизме, имеют в виду, как правило, политические идеологии и соответствующие им политические системы Италии (фашизм) и Германии (национал-социализм), сформировавшиеся после Первой мировой войны на фоне европейского послевоенного кризиса. Однако признаки фашизма имели и некоторые другие авторитарно-националистические политические системы и идеологии: аргентинская политическая идеология, связанная с политикой президента Х. Перона в Аргентине в 1944–1955 гг., фалангизм в Испании в 1933–1975 гг., румынское движение и политическая партия

«Железная гвардия» в 1927–1941 гг., сословное государство (или австрофашизм) в Австрии в 1933–1934 гг., «Бразильское интегралистское действие» 1932–1938 гг., военизированная националистическая организация «Огненные кресты» во Франции 1927–1939 гг., национал-социалистическая партия «Скрещенные стрелы» в Венгрии в 1937–1945 гг., Рексистская партия в Бельгии в 1937–1944 гг., клерикально-корпоративный Национальный союз в Португалии в 1926–1974 гг., движение усташей в Хорватии в 1926–1945 гг., парафашистская политика японского милитаризма в 1920–1945 гг., шахский (до 1979 г.), а затем клерикальный режим в Иране и др.

Актуальность развития научного познания о наиболее общих закономерностях происхождения и функционирования государств с крайне правыми воплощениями недемократических политических режимов состоит в необходи-

мости формирования эффективной системы противодействия этому явлению, создания антифашистской альтернативы, способной предупредить тяжелейшие последствия, неизбежные в государствах, допустивших существование подобной идеологии в социально-политической жизни страны и правовой действительности.

Целью исследования фашизма как идеологии и социально-правовой практики является установление факторов, позволяющих защитить государство от угрозы фашизации. Задачей статьи является обнаружение условий и методов фашизации общества и политико-правовой системы государств с недемократическими политическими режимами.

Понимание того, каким образом рассматриваемая идеология, несмотря на общепризнанность ее преступной, способна подчинить себе право, политику и социальную действительность, достигается через фактический анализ отличительных свойств многочисленных воплощений фашизма, использующий историко-юридический и сравнительно-правовой методы, а также метод государственного и правового моделирования. Стратегия исследования энтропийных социальных систем, социально-исторических процессов и явлений с гуманистических позиций обеспечивается методологическим синтезом.

Термин «фашизм» (итал. *fascismo*, от *fascio* — пучок, связка, объединение), первоначально обладающий не социально-политическим (в отличие, например, от понятий «социализм» и «либерализм»), а символическим содержанием, использовался правыми итальянскими политическими организациями в начале XX в., однако его идеологические корни нисходят к концу XIX в., когда некоторые ученые Европы и Северной Америки, перенеся учение

Ч. Дарвина о естественном отборе на социальные отношения, сформировали лженаучную теорию социального дарвинизма и обеспечили фашизму мировоззренческую основу. Последователи этих идей искали поддержку со стороны науки и культуры путем ложной интерпретации работ Ф. Ницше, Г. Лебона, Р. Вагнера и др.¹

В узком смысле фашизм — это политическое движение Национальной фашистской партии (НФП) в Италии в 1920–1940 гг. под руководством политического и государственного деятеля Италии и лидера Национальной фашистской партии Б. Муссолини². Идеология и практика фашизма сводятся к двум основным постулатам: во-первых, это провозглашение превосходства какой-либо общности (как правило, этноса, нации) над остальными; во-вторых, это присвоение себе права насилия для доказательства указанного превосходства и получения в связи с ним различных выгод. Фашизм, отягощенный идеями биологического и культурного превосходства одного этноса (расы, национальности) над другими, порождает свою более радикальную и экстремистскую форму — нацизм, который выражается в еще более глубоком падении общества и государства в антигуманное неправовое иррациональное состояние³.

Феномен фашизации государства и права справедливо рассматривать прежде всего с точки зрения политического кризиса авторитарной (тоталитарной) системы, подавляющей традиционные институты общества во имя неких, не существующих в реальности, но обоснованных идеологически, высших целей, достижение которых требует не ограниченного правом насилия государства над гражданами и обществом. Фашизация государства — это процесс, движение социума в сторону «закрытого» общества, в котором политическая элита имеет

¹ См.: *Лапуж Ж.* Ариец и его социальная роль. М. : Кучково поле, 2014. 384 с. ; *Zimmermann M.* Wilhelm Marr — The Patriarch of Antisemitism. New York : Oxford University Press, 1986. 190 p. ; *Саркисянц М.* Хьюстон Стюарт Чемберлен — британский провидец, пионер и пророк Третьего рейха // Английские корни немецкого фашизма. От британской к австро-баварской «расе господ» / пер. с нем. М. Некрасова. СПб. : Академический проект, 2003. 400 с. ; *Гурулёв С. А.* Еще раз о расизме, нацизме и их идеологе Розенберге // Вопросы истории. 2006. № 5. С. 62–75 ; *Молер А.* Фашизм как стиль / пер. с фр. А. Барсукова. Новгород : Толерантность, 2007. 56 с.

² *Яхимович З. П.* Происхождение итальянского фашизма и его путь к власти // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2014. № 4 (23). С. 110–118.

³ *Хавкин Б. Л.* Германский национал-социализм и антигитлеровское сопротивление. М. : Scientific Press Ltd, 2017. 377 с. ; Необыкновенный фашизм: криминологическая и уголовно-правовая характеристика / П. В. Головненков, Г. А. Есаков, И. М. Мацкевич [и др.] / под общ. ред. И. М. Мацкевича. М. : Проспект, 2014. 62 с. ; *Эванс Р. Дж.* Третий рейх. Зарождение империи, 1920–1933 / пер. Б. Кобрицова. М. : Астель, 2010. 637 с.

неограниченную власть, а индивиды подвергаются неоправданному и нерациональному давлению государства и его идеологии.

Фашизм (за исключением итальянского фашизма в 1922–1945 гг.) не идентифицирует себя как таковой. Сегодня, когда фашистская идеология запрещена законами многих стран и международным правом в целом, государственная идеология крайне правого толка маскируется под иные движения и может даже сама использовать клише «борьбы с фашизмом» для создания необходимого ей образа. Не называя себя, фашизм при этом не скрывает своей сути, наоборот, он открыто отвергает народовластие, заменяя его властью немногих в сильном государстве, которое, в интересах стабильного развития нации, вправе вмешиваться во все сферы жизнедеятельности общества⁴.

Разновидности фашизма, типы соответствующих им государств и модели правовых систем отличаются обширной вариативностью. Это осложняет своевременную диагностику данного феномена и снижает успешность противодействия ему. Вместе с тем смысловая многофункциональность термина «фашизм» и концептуальный релятивизм в отношении этого явления, доступные ученым, не заслоняют собой его общеупотребительный смысл, связанный с транскультурным феноменом нетерпимости и отрицательными антигуманными коннотациями⁵. Различные воплощения фашизма в разных государствах отличаются лишь степенью усвоения правовой системой и обществом варварских представлений, соответствующих праву силы как типу упорядочения общественных отношений, характерному для низших форм обеспечения сплочения людей.

Идеология фашизма, не признающая моральных и правовых ограничений, если они

противоречат его целям и интересам, является, по существу, мировоззрением воинствующего имморализма⁶. Фашизм, признавая только свои собственные цели и интересы, не допускает каких-либо ограничений для их достижения; противодействие критике или протестам он подавляет насильем, соединенным с дезинформацией, запугиванием любых социальных групп и общностей, а также физическим уничтожением людей, способных к сопротивлению⁷.

Неотъемлемым признаком фашизации государства является имперский дискурс, провозглашаемый верхушкой властной элиты. Идеологи фашизма пытаются выстраивать авторитет движения и свой личный авторитет за счет инкорпорации в программные и пропагандистские материалы цитат известных «властителей дум», как правило, мыслителей прошлого, выражающих идеи крайнего консерватизма, национальной идентичности, сильного государства и «властной руки». Такое обращение к «истории» призвано оправдать ограничение гражданских свобод, государственное насилие, милитаризацию государства. Как показывает практика, политическая демагогия является достаточно эффективным методом воздействия на общественное сознание и обеспечивает сильное влияние на политику.

Одним из существенных признаков фашизации государства и права является корпоративизм, предполагающий построение общества по функциональному принципу⁸. Так, корпоративизм лежал в основе итальянского фашизма, а соединенный с идеей расового превосходства, стал отправной точкой немецкого национал-социализма. Строительство политико-правовой системы Третьего рейха в Германии проходило под девизом «Ein Volk, ein Reich, ein Führer» — «Один народ, один рейх, один

⁴ Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Современный фашизм: новые облики и проявления. М.: Наука и политика, 2017. 328 с.

⁵ Филатов М. И. Нацистские мифы вчера и сегодня. Критика литературно-политических спекуляций нацизма и неонацизма. Алма-Ата: Казахстан, 1979. С. 79; Егоров В. В. Фашистское государство: идеология и практика // Государство и право: теория и практика: материалы I Междунар. науч. конференции. Челябинск: Два комсомольца, 2011. С. 80–82.

⁶ Антонов А. Смирение и воля. Леонтьев и Ницше // Журнал русской культуры. 1995. № 4. С. 157–164; Фулье А. Ницше и имморализм / пер. с фр. А. И. Введенского. М.: URSS, 2006. 323 с.

⁷ Longerich P. Holocaust: The Nazi Persecution and Murder of the Jews. New York: Oxford University Press, 2010. 645 p.

⁸ Кошта Пинту А. Фашизм, корпоративизм и создание авторитарных институтов в диктаторских государствах Европы в межвоенный период // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2014. № 4. С. 70–90.

лидер»⁹. Корпоративные модели фашизма так же, как и сама эта идеология и практика, могут иметь различия в отношениях государства с политическими партиями и бизнесом, однако эта вариативность не отменяет главного: ценность государства и его интересы при фашизме превыше всего.

Одной из предпосылок фашизации идеологии, права и политики является социально-экономическая стратификация общества, концентрация доходов в руках немногочисленного круга людей, лояльных действующей власти, и институционализация неравенства и свехнеравенства.

Развиваясь идеологически, фашизм способен породить еще более чудовищные идеологии и политические системы. Так, заменив в фундаментальном основании своей идеологии нацию на национальность, обосновав превосходство именно по расовому и национальному признаку, фашизм в гитлеровской Германии приобрел еще более уродливую форму национал-социализма, жестко дискриминирующего иные нации и национальные меньшинства¹⁰.

Фашизм, пропагандирующий, что без сильного государства нация погибнет, противостоит прежде всего либеральным ценностям: демократии, свободе, равенству и праву личности на неприкосновенность, считая их проявлениями эгоизма и индивидуализма, подрывающими основы государственности. Так, по словам главного идеолога фашизма Б. Муссолини, фашизм — это компиляция предыдущих моделей государства и одновременно отказ от них: «Если девятнадцатый век был веком социализма, либерализма, демократии, это не означает, что двадцатый век также должен быть веком социализма, либерализма, демократии. Политические доктрины проходят, нации остаются. Мы вольны считать, что это век власти, век стремления к “правым”, фашистский век»¹¹.

Право как нормативно-ценностный регулятор в любой стране является инструментом политической государственной власти, однако право в фашистском государстве — особый феномен, интегрированный в систему политико-государственных отношений, утверждающих

повсеместное господство специфической идеологии юридического этатизма.

Идеология фашистских, как и других тоталитарных, государств доминирует над созданным этими государствами правом и законодательством. Право в этих условиях получает роль, зависимую от власти, никак не ограниченной законом, а властный диктат легитимируется юридическими формами. Конституции в таких государствах служат декорацией, призванной лишь «облагородить» политический «фасад». Законодательные акты принимаются в интересах властной элиты, которая при этом никак не связана ими в своих действиях; правовые нормы, стесняющие собой интересы правящей верхушки, либо с легкостью отменяются, либо просто не выполняются.

Тотальное попрание права, его разрушение, приоритет неформальных норм над правовыми выступают неотъемлемой частью фашистской идеологии, поэтому, говоря о праве в фашистских государствах, необходимо прежде всего понимать, что речь идет исключительно о позитивном праве, обслуживающем данную идеологию и интересы правящих элит. Право на жизнь, здоровье, свободное развитие и иные прирожденные и неотъемлемые права человека и гражданина, которые являются обязательными для каждого цивилизованного государства, фашизмом отрицаются принципиально.

Позитивное право при фашизме не просто обеспечено силой государственного принуждения. Оно трансформирует саму эту силу, которая становится определяющим фактором правовой действительности, меняется само и меняет стоящие за ней силовые институты. В обществе господствует не сила права, а право силы; т.е. право в его цивилизационном понимании теряет свои свойства, а общество, подчиняясь новым этическим представлениям о мироустройстве, утрачивает защитные реакции перед проникновением во всю совокупность форм человеческой деятельности самых примитивных биологических начал, характерных для низших форм социальной организации.

Фашистское «право», несмотря на специфику, является все-таки правом, хотя и со сво-

⁹ Корнева Л. Н. Вождь и «народное сообщество» в Третьем рейхе (по страницам книги Н. Фрая «Государство фюрера») // Ученые записки факультета истории и международных отношений Кемеровского государственного университета. Вып. 2. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2004. С. 56–63.

¹⁰ Нойманн Ф. Л. Бегемот. Структура и практика национал-социализма, 1933–1944 / пер. с англ. В. Ю. Быстрова. СПб. : Владимир Даль, 2015. 591 с.

¹¹ Белоусов Л. С. Муссолини: диктатура и демагогия. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Планета, 2016. 368 с.

ей особой логикой. Фашистская юридическая система формально также призвана защищать права граждан, законность, правопорядок и может делать это вполне добросовестно, если конкретная, как правило, бытовая, ситуация не затрагивает вопросов власти, политики и идеологии. Однако, говоря о существовании так называемой фашистской «законности», не следует забывать, что право этого режима всегда остается правом насилия, нацеленным на бескомпромиссную расправу со всеми инакомыслящими и инакодействующими людьми.

Оправдываемое заботой о благополучии граждан государственное насилие, облеченное в правовую форму, преследует при недемократических режимах узкогрупповые, клановые интересы. Зачастую такое государственное принуждение принимает формы широкого произвола, результатом которого может быть разрушение исторически сложившегося общественного уклада, культуры, экономики, а также физическое уничтожение людей, приобретающее порой массовый характер. «Во имя нации», «во имя народа», «во имя государства» власть без ограничений и колебаний применяет любое насилие, в том числе физические расправы, террор и агрессивную войну.

Насилие (как законодательно установленное, так и неправовое) над политическими противниками, подавление любых форм инакомыслия, юридическая квалификация любого несогласия как государственного преступления, уничтожение независимых средств массовой информации являются характерными признаками любого жесткого авторитаризма и тоталитаризма и имманентно присущи фашистскому режиму. Фашизация государственного режима начинается с запрета инакомыслия и искоренения любой оппозиции. В таком государстве достаточно быстро устанавливается режим, не допускающий многопартийности, принципа разделения властей и свободных выборов, а неприятие демократических свобод и непризнание прав человека носят принципиальный характер. Так, сразу после прихода к власти в Германии Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) в 1933 г. все иные политические партии в стране были официаль-

но запрещены, а для выявления недовольных происходящим в стране была создана тайная полиция — гестапо¹².

При безраздельном (или преимущественном) господстве в обществе идей некой «особенности», дающей право на насилие и агрессию, силовые формы выражения и обеспечения правовых норм и институтов приобретают безусловный приоритет. Насилие и принуждение становятся основным предметом юридической регламентации, а право — главным оружием произвола определенной части общества (властных элит), монопольно сосредоточившей в своих руках политическую и государственную власть.

Говоря о фашизации права, следует всегда помнить, что этот процесс носит репрессивный силовой характер и имеет своей целью насыщение законодательства нормами, направленными на устрашение человека. Особенно это касается всех случаев несогласия гражданина с правилами, действующими в области массовых или просто публичных выступлений, высказываний в прессе или иных СМИ. Дух насилия представляет собой главную идею, которая находится в центре системы права и дает возможность власти не считаться с ею же установленными законами, а в случае необходимости поступать по собственному усмотрению, не заботясь даже о видимости их соблюдения.

Особенностью фашистских режимов является то, что этатизм, существование права как продукта государственной власти, а не высокой цивилизационной ценности, является не только отличительной особенностью государственной идеологии, а внедрен в интеллектуально-духовную жизнь всех социальных слоев и групп. Индоктринирование идеями превосходства и насилия широких масс населения происходит вследствие массового психологического «заражения» как особого способа воздействия на людей, невольно подвергающихся психическим состояниям, проявляемым через передачу определенного эмоционального настроя в массовых сознательных, социальных действиях¹³.

Важную роль в процессе фашизации занимают конспирологические теории, полити-

¹² Корнева Л. Н. Современная немецкая историография о механизме контроля и подавления нацистского государства: гестапо и концентрационные лагеря // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 2. № 3 (59). С. 71–76 ; Paul G., Mallmann K.-M. Die Gestapo im Zweiten Weltkrieg: «Heimatfront» und besetztes Europa. Darmstadt, 2000. 674 S.

¹³ Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М. : Наука, 1971. 351 с.

ческие мифы и доктринерские заблуждения. Так, высшей ценностью германского нацизма были объявлены ложные интересы «арийской» расы, основанные на лженаучной социал-дарвинистской теории расового неравенства¹⁴. Фашизация как процесс, использующий иррациональное начало, нуждается в том, чтобы навязать обществу в качестве доминирующей свою интерпретацию социальной реальности. Поскольку продвижение этих смыслов облегчается посредством инсценирования, визуальных эффектов, постольку фашизация обуславливает соответствующую стилистику и эстетику культа вождей, ритуалов, обрядов, церемоний и массовых сборищ как особого символизма, отражающего первоидеи этатизма, шовинизма и насилия¹⁵.

Потребность в объединяющем общество начале заставляет государства с фашистской политической системой находиться в постоянном поиске противников и борьбе с ними. При этом ярлык врага присваивается любому субъекту (как внутри государства, так и вне его), не согласному с его идеями. Образ врага настолько господствует в информационном пространстве, что первоначальная причина конфликта перестает играть существенную роль: государство становится заложником собственной пропаганды и вынуждено — даже при отсутствии экономической и военной возможности — генерализировать конфликт, расширять его границы в пространстве и времени. Неслучайно возможность благополучного существования немецкой нации германский национал-социализм рассматривал лишь в условиях расово чистого государства, что послужило основой как для антисемитизма, охватившего все сферы общественной и государственной жизни в Германии в 1933–1945 гг., так и для борьбы против любых проявлений демократии, либерализма,

коммунизма и пацифизма, считавшихся преступным инакомыслием¹⁶.

Нацистские идеологи, обосновывая политику расовой дискриминации и геноцида, утверждали, что государство, стремящееся расширить границы и захватить другие территории, обнаруживает лишь «здоровый инстинкт размножения» и это надо только приветствовать; не проявляя свою силу и отказываясь от доминирования, государство обречено на гибель¹⁷. С точки зрения фашистской идеологии даже безотносительно к причинам война — всегда благо; это соревнование, которое обнажает истинные качества человека, она способна открыть в человеке лучшие черты: мужество, героизм, самопожертвование во имя государства, от лица которого выступает властная вертикаль¹⁸. Война, будучи по своему существу крайней формой неправового (внеправового) явления действительности, в фашистском государстве получает этическое и художественное обоснование, историческую аргументацию; романтически возвеличиваясь, предстает перед обществом не только допустимой, но и желательной. Война не просто романтизируется, культу войны придаются черты религии; для обслуживания этого культа государство привлекает значительные пропагандистские силы, а также средства массовой культуры и искусства. Таким образом, фашистский политический режим оказывается неминуемо связан с агрессивной внешней политикой, неизбежно заканчивающейся войной¹⁹.

Демонстративное осуждение фашистской идеологии не является надежной гарантией от рецидива фашизации политики и права — противостоять фашизму возможно, лишь разрушая базовые условия его зарождения как авторитарного (тоталитарного) политического режима. Эффективной преградой для фашизации госу-

¹⁴ Хавкин Б. Л. Фашизм и нацизм как системы ложных единств // Новое прошлое (The New Past). 2021. № 4. С. 196–212.

¹⁵ Поцелуев С. П. «Символическая политика»: К истории концепта // Символическая политика: сборник науч. трудов / РАН. ИНИОН; отв. ред. О. Ю. Малинова. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М., 2012. С. 17–53.

¹⁶ Нестерова Т. П. Концепция фашизма в выступлениях Джузеппе Боттаи // Уральский вестник международных исследований. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2006. Вып. 6. С. 176–190.

¹⁷ Хаусхофер К. О геополитике: Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. С. 353–370; Гюнтер Г. Ф. К. Избранные работы по расологии. М.: Белые альвы, 2005. 576 с.; Манн М. Фашисты. Социология фашистских движений / под ред. А. Р. Дюкова. М.: Пятый Рим; Фонд «Историческая память», 2019. 592 с.

¹⁸ Koschorke A. Adolf Hitlers Mein Kampf. Zur Poetik des Nationalsozialismus. Berlin: Matthes & Seitz, 2016. 93 S.

¹⁹ Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / под ред. И. А. Ледях и И. И. Лукашука. М., 1995. 263 с.

дарства может стать существование законодательства и правоприменительной практики, реально направленных на борьбу с экстремизмом и любыми видами политического радикализма. Особую настороженность государство и его правовая система должны соблюдать в отношении любых форм национализма и шовинизма, пропаганды крайних форм политического участия, распространения мессианских концепций и идей, в том числе использующих псевдоисторические примеры государственного и национального строительства, мифы и фальсификации, нарушающие принципы разумности, справедливости, историчности и беспристрастности и направленные на манипулирование современным массовым сознанием²⁰.

Любые идеи о социальном, национальном, расовом, религиозном и ином превосходстве одних групп людей над другими должны получать политическую и правовую оценку и незамедлительную реакцию со стороны общества. Правовые идеи, лежащие в основе юридической системы, приобретают в борьбе с фашизмом решающее значение: если первостепенное

значение они придают ценности всемогущего государства, допускающего во имя провозглашенных целей неограниченное насилие и правовой произвол, то это создает риски правового обоснования идеологии, неизбежно влекущей за собой угрозу человеку, безопасности и благополучию общества.

Государство и право не только всегда обуславливали существование друг друга, но и являлись в известной степени антагонистами. Демократическое государство существует в определенном противоборстве с правом; право такого государства — это мощный антитоталитарный фактор. Истинный смысл и историческое предназначение права — в его отказе от юридического позитивизма, обслуживающего какую бы то ни было идеологию, в провозглашении естественных прав человека высшей ценностью для государства и общества²¹. Истинное величие современного государства — в реальном осуществлении провозглашаемых деклараций о высшей ценности человека, его прав и свобод, в отказе от политики, связанной с произволом власти.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Право: время новых подходов // Государство и право. — 1991. — № 2. — С. 2–11.
2. Антонов А. Смирение и воля. Леонтьев и Ницше // Журнал русской культуры. — 1995. — № 4. — С. 157–164.
3. Антонченко В. В. Право и общественные интересы // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2022. — Т. 24. — № 1. — С. 174–183.
4. Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Современный фашизм: новые облики и проявления. — М. : Наука и политика, 2017. — 328 с.
5. Белоусов Л. С. Муссолини: диктатура и демагогия. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Планета, 2016. — 368 с.
6. Гурулёв С. А. Еще раз о расизме, нацизме и их идеологе Розенберге // Вопросы истории. — 2006. — № 5. — С. 62–75.
7. Гюнтер Г. Ф. К. Избранные работы по расологии. — М. : Белые альвы, 2005. — 576 с.
8. Егоров В. В. Фашистское государство: идеология и практика // Государство и право: теория и практика : материалы I Междунар. науч. конференции. — Челябинск : Два комсомольца, 2011. — С. 80–82.
9. Елисеева О. И. Игры памяти. Проблема исторической достоверности в «Записках» Е. Р. Дашковой // Историческое обозрение. — 2013. — Вып. 14. — С. 50–57.

²⁰ Елисеева О. И. Игры памяти. Проблема исторической достоверности в «Записках» Е. Р. Дашковой // Историческое обозрение. 2013. Вып. 14. С. 50–57 ; Жукова О. Г. Великая Отечественная война: от мифа к легенде // Высшее образование для XXI века. X Международная конференция. Круглый стол «Мифы и история». М. : МосГУ, 2013. 154 с.

²¹ Алексеев С. С. Право: время новых подходов // Государство и право. 1991. № 2. С. 2–11 ; Антонченко В. В. Право и общественные интересы // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24. № 1. С. 174–183 ; Огурцов А. П. Философия науки эпохи Просвещения. М. : Институт философии РАН, 1993. 213 с.

10. Жукова О. Г. Великая Отечественная война: от мифа к легенде // Высшее образование для XXI века. X Международная конференция. Круглый стол «Мифы и история». — М. : МосГУ, 2013. — 154 с.
11. Корнева Л. Н. Вождь и «народное сообщество» в Третьем рейхе (по страницам книги Н. Фрая «Государство фюрера») // Ученые записки факультета истории и международных отношений Кемеровского государственного университета. Вып. 2. — Кемерово : Кузбассвузиздат, 2004. — С. 56–63.
12. Корнева Л. Н. Современная немецкая историография о механизме контроля и подавления нацистского государства: гестапо и концентрационные лагеря // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2014. — Т. 2. — № 3 (59). — С. 71–76.
13. Кошта Пинту А. Фашизм, корпоративизм и создание авторитарных институтов в диктаторских государствах Европы в межвоенный период // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. — 2014. — № 4. — С. 70–90.
14. Лапуж Ж. Ариец и его социальная роль. — М. : Кучково поле, 2014. — 384 с.
15. Манн М. Фашисты. Социология фашистских движений / под ред. А. Р. Дюкова. — М. : Пятый Рим ; Фонд «Историческая память», 2019. — 592 с.
16. Молер А. Фашизм как стиль / пер. с фр. А. Барсукова. — Новгород : Толерантность, 2007. — 56 с.
17. Необыкновенный фашизм: криминологическая и уголовно-правовая характеристика / П. В. Головников, Г. А. Есаков, И. М. Мацкевич [и др.] ; под общ. ред. И. М. Мацкевича. — М. : Проспект, 2014. — 62 с.
18. Нестерова Т. П. Концепция фашизма в выступлениях Джузеппе Боттаи // Уральский вестник международных исследований. — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2006. — Вып. 6. — С. 176–190.
19. Нойманн Ф. Л. Бегемот. Структура и практика национал-социализма, 1933–1944 / пер. с англ. В. Ю. Быстрова. — СПб. : Владимир Даль, 2015. — 591 с.
20. Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / под ред. И. А. Ледях и И. И. Лукашука. — М., 1995. — 263 с.
21. Огурцов А. П. Философия науки эпохи Просвещения. — М. : Институт философии РАН, 1993. — 213 с.
22. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. — М. : Наука, 1971. — 351 с.
23. Поцелуев С. П. «Символическая политика» : К истории концепта // Символическая политика : сборник науч. трудов / РАН. ИНИОН. отв. ред. О. Ю. Малинова. Вып. 1 : Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. — М., 2012. — С. 17–53.
24. Саркисянц М. Хьюстон Стюарт Чемберлен — британский провидец, пионер и пророк Третьего рейха // Английские корни немецкого фашизма. От британской к австро-баварской «расе господ» : пер. с нем. — СПб. : Академический проект, 2003. — 400 с.
25. Филатов М. И. Нацистские мифы вчера и сегодня. Критика литературно-политических спекуляций нацизма и неонацизма. — Алма-Ата : Казахстан, 1979.
26. Фулье А. Ницше и имморализм / пер. с фр. А. И. Введенского. — М. : URSS, 2006. — 323 с.
27. Хавкин Б. Л. Германский национал-социализм и антигитлеровское сопротивление. — М. : Scientific Press Ltd, 2017. — 377 с.
28. Хавкин Б. Л. Фашизм и нацизм как системы ложных единств // Новое прошлое (The New Past). — 2021. — № 4. — С. 196–212.
29. Хаусхофер К. О геополитике : Работы разных лет. — М. : Мысль, 2001.
30. Эванс Р. Дж. Третий рейх. Зарождение империи, 1920–1933 / пер. Б. Кобрицова. — М. : Астрель, 2010. — 637 с.
31. Яхимович З. П. Происхождение итальянского фашизма и его путь к власти // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. — 2014. — № 4 (23). — С. 110–118.
32. Koschorke A. Adolf Hitlers Mein Kampf. Zur Poetik des Nationalsozialismus. — Berlin : Matthes & Seitz, 2016. — 93 S.
33. Longerich P. Holocaust: The Nazi Persecution and Murder of the Jews. — New York : Oxford University Press, 2010. — 645 p.
34. Zimmermann M. Wilhelm Marr — The Patriarch of Antisemitism. — New York : Oxford University Press, 1986. — 190 p.
35. Paul G., Mallmann K.-M. Die Gestapo im Zweiten Weltkrieg: «Heimatfront» und besetztes Europa. — Darmstadt, 2000. — 674 S.

Материал поступил в редакцию 18 мая 2022 г.

REFERENCES

1. Alekseev SS. Pravo: vremya novykh podkhodov [Law: time for new approaches]. *Soviet State and Law*. 1991;2:2-11. (In Russ.).
2. Antonov A. Smirenje i volya. Leontev i Nitsche [Humility and will. Leontiev and Nietzsche]. *Journal of Russian Culture*. 1995;4:157-164. (In Russ.).
3. Antonchenko VV. Pravo i obshchestvennye interesy [Law and public interests]. *Pacific RIM: Economics, Politics, Law*. 2022;24(1):174-183. (In Russ.).
4. Bagdasaryan VE. Sulakshin SS. Sovremennyy fashizm: novye obliki i proyavleniya [Modern fascism: new forms and manifestations]. Moscow: Nauka i politika; 2017. (In Russ.).
5. Belousov LS. Mussolini: diktatura i demagogiya [Mussolini: Dictatorship and demagogy]. 2nd ed. Moscow: Planeta Publ.; 2016. (In Russ.).
6. Gurulev SA. Eshche raz o rasizme, natsizme i ikh ideologe Rozenberge [Once again about racism, Nazism and their ideologue Rosenberg]. *Voprosy istorii*. 2006;5:62-75. (In Russ.).
7. Gunther GFK. Izbrannye raboty po rasologii [Selected works on racology]. Moscow: Belye Alvy Publ.; 2005. (In Russ.).
8. Egorov VV. Fashistskoe gosudarstvo: ideologiya i praktika [The Fascist State: ideology and practice]. State and Law: Theory and Practice: Proceedings of the 1st International Scientific Conference. Chelyabinsk: Dva komsomoltsa; 2011. (In Russ.).
9. Eliseeva OI. Iгры pamyati. Problema istoricheskoy dostovernosti v «Zapiskakh» E.R. Dashkovoy [Memory games. The problem of historical authenticity in the «Notes» of E.R. Dashkova]. *Istoricheskoe obozrenie*. 2013;14:50-57. (In Russ.).
10. Zhukova OG. Velikaya Otechestvennaya voyna: ot mifa k legende [The Great Patriotic War: From Myth to Legend]. Higher education for the 21st century. 10th International Conference. Round table «Myths and History». Moscow: Moscow State University Publ.; 2013. (In Russ.).
11. Korneva LN. Vozhd i «narodnoe soobshchestvo» v Tretem reykh (po stranitsam knigi N. Fraya «Gosudarstvo fyurera») [The leader and the «people's Community» in the Third Reich (based on the pages of N. Fry's book «The Fuhrer's State»)]. Proceedings of the Faculty of History and International Relations of Kemerovo State University. Issue 2. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ.; 2004. (In Russ.).
12. Korneva LN. Sovremennaya nemetskaya istoriografiya o mekhanizme kontrolya i podavleniya natsistskogo gosudarstva: gestapo i kontsentratsionnye lagerya [Modern German historiography on the mechanism for control and suppression of the nazi state: gestapo and nazi concentration camps]. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2014;2-3(59):71-76. (In Russ.).
13. Costa Pinto A. Fashizm, korporativizm i sozdanie avtoritarnykh institutov v diktatorskikh gosudarstvakh Evropy v mezhoennyi period [Fascism, corporatism and the creation of authoritarian institutions in the dictatorial States of Europe in the interwar period]. *Bereginya. 777. Sova: Obshchestvo. Politika. Ekonomika*. 2014;4:70-90. (In Russ.).
14. Lapuzh Zh. Ariets i ego sotsialnaya rol [The Aryan and his social role]. Moscow: Kuchkovo pole Publ.; 2014. (In Russ.).
15. Mann M. Fashisty. Sotsiologiya fashistskikh dvizheniy [Fascists. Sociology of fascist movements]. Dyukov AR (ed.). Moscow: Pyatyi Rim; Historical Memory Foundation; 2019. (In Russ.).
16. Moler A. Fashizm kak stil [Fascism as a style]. Novgorod: Tolerantnost Publ.; 2007. (In Russ.).
17. Golovnenkov PV, Esakov GA, Matskevich IM. Neobyknoennyy fashizm: kriminologicheskaya i ugolovno-pravovaya kharakteristika [Extraordinary fascism: criminological and criminal-legal characteristics]. Moscow: Prospect Publ.; 2014. (In Russ.).
18. Nesterova TP. Kontsepsiya fashizma v vystupleniyakh Dzhuzeppe Bottai [The concept of fascism in the speeches of Giuseppe Bottai]. *Ural Bulletin of International Studies. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University*. 2006;6:176-190. (In Russ.).
19. Neumann FL. Begemot. Struktura i praktika natsional-sotsializma 1933–1944 [Behemoth. The Structure and Practice of National Socialism 1933–1944]. St. Petersburg: Vladimir Dal Publ.; 2015. (In Russ.).
20. Ledyakh IA, Lukashuk II (eds). Nyurnbergskiy protsess: pravo protiv voyny i fashizma [The Nuremberg trial: the right against war and fascism]. Moscow; 1995. (In Russ.).
21. Ogurtsov AP. Filosofiya nauki epokhi Prosveshcheniya [Philosophy of science of the Enlightenment]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Publ.; 1993. (In Russ.).

22. Parygin BD. Osnovy sotsialno-psikhologicheskoy teorii [Fundamentals of socio-psychological theory]. Moscow: Nauka Publ.; 1971. (In Russ.).
23. Potseluev SP. «Simvolicheskaya politika»: K istorii kontsepta [«Symbolic politics»: The History of the Concept]. Symbolic politics: Collection of Research Papers. Russian Academy of Sciences. In: Malinova OYu. (ed.). Issue 1: Constructing ideas about the past as a power resource. Moscow, 2012. (In Russ.).
24. Sarkisyants M. Khyuston Styuart Chemberlen — britanskiy providets, pioner i prorok Tretego reykh [Houston Stewart Chamberlain — British visionary, pioneer and prophet of the Third Reich]. In: The English roots of German fascism. From the British to the Austro-Bavarian «master race». St. Petersburg: Academic Project Publ.; 2003. (In Russ.).
25. Filatov MI. Natsistskie mify vchera i segodnya. Kritika literaturno-politicheskikh spekulyatsiy natsizma i neonatsizma [Nazi myths of yesterday and today. Criticism of literary and political speculations of Nazism and neo-Nazism]. Alma-Ata: Kazakhstan; 1979. (In Russ.).
26. Fulier A. Nitszhe i immoralizm [Nietzsche and Immoralism]. Moscow: URSS; 2006. (In Russ.).
27. Khavkin BL. Germanskiy natsional-sotsializm i antigitlerovskoe soprotivlenie [German National Socialism and anti-Hitler resistance]. Moscow: Scientific Press Ltd; 2017. (In Russ.).
28. Khavkin BL. Fashizm i natsizm kak sistemy lozhnykh edinstv [Fascism and Nazism as systems of false Unities]. *The New Past*. 2021;4:196-212. (In Russ.).
29. Haushofer K. O geopolitike: Raboty raznykh let [About geopolitics: Works of different years]. Moscow: Mysl Publ.; 2001. (In Russ.).
30. Evans R. J. Tretiy reykh. Zarozhdenie imperii, 1920–1933 [The Third Reich. The Birth of the Empire, 1920–1933]. Moscow: Astrel Publ.; 2010. (In Russ.).
31. Yakhimovich ZP. Proiskhozhdenie italyanskogo fashizma i ego put k vlasti [The origin of Italian fascism and its path to power]. *Bereginya*. 777. *Sova: Obshchestvo. Politika. Economka*. 2014;4(23):110-118.
32. Koschorke A. Adolf Hitlers Mein Kampf. Zur Poetik des Nationalsozialismus. Berlin: Matthes & Seitz; 2016.
33. Longerich P. Holocaust: The Nazi Persecution and Murder of the Jews. New York: Oxford University Press; 2010.
34. Zimmermann M. Wilhelm Marr — The Patriarch of Antisemitism. New York: Oxford University Press; 1986.
35. Paul G, Mallmann KM. Die Gestapo im Zweiten Weltkrieg: «Heimatfront» und besetztes Europa. Darmstadt; 2000.

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.066-078

С. Н. Гаврилов*

Машиночтение права и пространственные построения в живописи: поиск методологии машинного правовосприятия

Аннотация. Внедрение информационных технологий (information technology, IT) в правовой сфере, в частности обеспечение функций машиночтения (machine reading) и машиноисполнения (machine execution) права, требует не только переосмысления таких явлений, как право и закон, на философском уровне, но и получения результатов прикладного характера, дающих возможность воплотить «в цифре» теоретические наработки. Все это влечет необходимость выработки методологии восприятия права, адекватной для решения задач цифровой трансформации (digital transformation).

В статье предлагаются авторские определения понятий «машиночтение права» и «машиноисполнение права» и дается ряд комментариев к ним.

С целью выработки методологии, дающей подходы к решению задач машиночтения и машиноисполнения права, на основе исследований академика Б. В. Раушенбаха о пространственных построениях в живописи автор обращается к практикам описания мастерами древней и средневековой живописи реальной действительности и к особенностям применения ими для этого художественных приемов. Отдельные приемы приводятся в статье.

Автор приходит к выводу о том, что при разработке методологии машиночтения права и построении теоретических и утилитарных моделей машинного восприятия права следует не только основываться на механизмах рационального познания правовой действительности, но и, подобно древним мастерам, стремиться воспринимать и передавать информацию об объекте одновременно на рациональном (понятийном) и иррациональном (интуитивном, чувственном) уровнях, а само право, как явление многомерное, необходимо рассматривать в нескольких измерениях. В контексте процессов цифровой трансформации правоведы должны идти к постановке проблемы правовосприятия и системному ее изучению с учетом фактора многомерности правовой реальности и самого права, притом исследуя проблему на междисциплинарной основе и не стремясь намеренно ограничиваться рамками какой-либо одной конкретной теории правопонимания.

Ключевые слова: цифровая трансформация; искусственный интеллект; машиночтение права; машиноисполнение права; правопонимание; интегративное понимание права; компрехендный подход; пространственные построения в живописи.

Для цитирования: Гаврилов С. Н. Машиночтение права и пространственные построения в живописи: поиск методологии машинного правовосприятия // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 9. — С. 66–78. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.066-078.

© Гаврилов С. Н., 2022

* Гаврилов Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент, руководитель Центра внедрения и эксплуатации Комплексной информационной системы адвокатуры России Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации пер. Сивцев Вражек, д. 43, г. Москва, Россия, 119002 gavrilov@fparf.ru

Machine Reading of Law and Spatial Constructions in Painting: Search for the Methodology of Machine Perception of Law

Sergey N. Gavrilo, Cand. Sci. (Law), Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Center for the Implementation and Operation of the Integrated Information System, Russian Bar, Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation
per. Sivtsev Vrazhek, d. 43, Moscow, Russia, 119002
gavrilo@fparf.ru

Abstract. Introduction of information technology (IT) in the legal sphere, in particular, providing the functions of machine reading and machine execution of law, requires not only rethinking of such phenomena as law and a statute at the philosophical level, but also obtaining applied results that make it possible to implement theoretical developments in a digital form. All this entails the need to develop a methodology for the perception of law that is adequate for solving the problems of digital transformation. The author provides the definitions of the concepts of «machine reading of law» and «machine execution of law» and gives a number of comments on them. In order to develop a methodology that provides approaches to solving the problems of machine reading and machine law, based on the research of academician B.V. Rauschenbach on spatial constructions in painting the author refers to the practices of describing the reality by the masters of ancient and medieval painting and to the peculiarities of their use of artistic techniques. Some techniques are given in the paper. The author comes to the conclusion that when developing the methodology of machine reading of law and constructing theoretical and utilitarian models of machine perception of law, one should not only rely on the mechanisms of rational cognition of legal reality, but also, like the ancient masters, strive to perceive and transmit information about an object simultaneously on rational (conceptual) and irrational (intuitive, sensual) the law itself, as a multidimensional phenomenon, must be considered in several dimensions. In the context of the processes of digital transformation, legal scholars should go to the formulation of the problem of legal perception and its systematic study, taking into account the factor of the multidimensionality of legal reality and the law itself, moreover, exploring the problem on an interdisciplinary basis and not deliberately seeking to be limited to the framework of any one specific theory of legal understanding.

Keywords: digital transformation; artificial intelligence; machine reading of law; machine execution of law; legal understanding; integrative understanding of law; comprehensive approach; spatial constructions in painting.

Cite as: Gavrilo SN. Mashinochtienie prava i prostranstvennyye postroeniya v zhivopisi: poisk metodologii mashinnogo pravovospriyatiya [Machine Reading of Law and Spatial Constructions in Painting: Search for the Methodology of Machine Perception of Law]. *Lex russica*. 2022;75(9):66-78. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.066-078. (In Russ., abstract in Eng.).

Когда нематематик слышит о четырехмерном,
его охватывает мистическое чувство,
подобное чувству, возбужденному
театральными привидениями.

А. Эйнштейн

1. К постановке проблемы. Внедрение информационных технологий (information technology, IT) в правовой сфере, и в частности обеспечение функций машиночтения (machine reading) и машиноисполнения (machine execution) права, требует не только переосмысления на философском уровне таких явлений, как право и закон, но и получения результатов прикладного характера, дающих возможность

воплотить «в цифре» теоретические наработки. Все это влечет необходимость выработки *методологии восприятия права*, адекватной для решения задач цифровой трансформации (digital transformation).

В числе известных подходов (теорий) правопонимания появился так называемый *комплексный подход*¹, авторы которого (С. И. Захарцев, В. П. Сальников) сравнивают

¹ По мнению М. Ю. Спирина, «комплексный (комплексный; «всеохватывающий») подход в понимании права — методологический прием, в соответствии с которым все сосуществующие (comprehendo)

предпринимаемые учеными попытки «полного понимания права как противоречивого, сложнейшего социального явления» с описанием лишь одной из 57 граней бриллианта, тогда как остальные 56 «упускаются из виду»².

На круглом столе «Интегративное понимание права», проводившемся 13 февраля 2017 г. в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации³, идея этого образа была поддержана участниками обсуждения (С. Н. Бабурин, А. А. Головина), а сам он был даже развит: предложено рассматривать право не с позиции граней бриллианта, а его (бриллианта) агрегатного состояния — твердого (право воплощено в четкой системе формально закрепленных норм) или газообразного (правовые нормы могут содержаться и в законе, и в судебном решении, и в абстрактных принципах свободы, равенства, справедливости и т.п.)⁴.

Такой *образный* подход в попытке найти верную методологию для решения вопроса правопонимания, при всем том что любые сравнения условны и страдают неточностью, представляется нам весьма полезным, а понятия «образ» и «образность» в рассматриваемом контексте могут носить не только некий переносный смысл. При внедрении ИТ, решении задач развития искусственного интеллекта (artificial intelligence, AI) и построения универсального искусственного интеллекта (artificial general intelligence, AGI), в частности реализации функ-

ций машинотечения (машиноисполнения) права, невозможно ограничиваться обработкой *данных*⁵, полученных лишь на *понятийном* (рациональном) уровне — уровне *право-понимания*. Обозначенная задача требует учета фактора метафизичности права, принятия во внимание *иррационального* (в частности, *интуитивного* и *чувственного*) уровня восприятия права человеком и *машинной*⁶, притом само *право*, как явление многомерное, необходимо рассматривать в нескольких измерениях.

Таким образом, извечный вопрос о *право-понимании*, в том числе и под влиянием темы цифровой трансформации, перерастает в вопрос о некоем едином процессе *правовосприятия*, включающем *правовую интуицию* (*предчувствие* права), *право-чувствие* и, наконец, традиционное *право-понимание*.

В качестве опыта нахождения методологического подхода к названным уровням *правовосприятия* в контексте цифровой трансформации мы предлагаем другое, нежели «право как бриллиант», сравнение, основанное не только на некоем, пусть и удачном, образе, дающем представление о проблеме, а на самом физиологическом процессе зрительного восприятия человеком действительности. Речь идет, с одной стороны, о попытках описания мастерами древней и средневековой живописи пространства и об особенностях применения ими для этого художественных приемов⁷, а с другой — о выработке методологии, дающей подходы к

типы понимания права имеют равновеликую ценность, при этом ни один из них не может быть признан единственно верным или главенствующим, также принципиально невозможна интеграция типов правопонимания, поскольку в этом случае совмещенные типы понимания права теряют свою идентичность» (Спиринов М. Ю. Глоссарий // URL: https://urlife.pro/wp-content/uploads/2017/10/otp_glossary.pdf (дата обращения: 17.04.2022)).

² Захарцев С. И., Сальников В. П. Что есть компрекендная теория права? // Юридическая наука. 2016. № 3. С. 6.

³ Сидоренко А. И., Ибрагимов Ю. Э. Интегративное понимание права // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 33–45.

⁴ Сидоренко А. И., Ибрагимов Ю. Э. Указ. соч. С. 44.

⁵ «Данные — информация, представленная в виде, пригодном для обработки автоматическими средствами при возможном участии человека» (п. 1 приложения № 1 ГОСТ 15971-90 «Системы обработки информации. Термины и определения» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200015664> (дата обращения: 29.12.2021)).

⁶ «Машина — совокупность технических средств, предназначенных в процессе их целенаправленного применения для достижения установленных результатов» (ст. А.10 (приложение А) ГОСТ Р 43.0.2-2006 «Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Термины и определения» // URL: <http://gost.ru> (дата обращения: 29.12.2021)).

⁷ Прежде всего имеется в виду известная работа академика Б. В. Раушенбаха (см.: Раушенбах Б. В. Пространственные построения в живописи: Очерк основных методов. М.: Наука, 1980). По данной тематике известны работы, посвященные обратной перспективе (П. Флоренский), перспективе как «сим-

решению задачи машиночтения (машиноисполнения).

2. Машиночтение и машиноисполнение права: сущностный аспект. Прежде чем обра-

титься непосредственно к описанию предлагаемого нами подхода, следует определиться с самими понятиями «*машиночтение*» и «*машиноисполнение права*» (см. табл. 1 и табл. 2).

Таблица 1

Машиночтение права

Машиночтение права (в собственном, широком смысле)	Машиночтение права (в узком смысле, то есть машиночтение закона)
Обработка (в том числе восприятие, перевод, изложение) <i>машиной</i> (при возможном участии человека) <i>данных о знаках различных знаковых систем, которые охарактеризовывают онтологию права, закона и иных значимых регуляторов общественных отношений и с помощью которых описывается (в которых отражается) правовая, а также связанная с ней реальность</i> , включая виртуальную (в том числе содержание актов машиночтения)	Обработка (в том числе восприятие, перевод, изложение) <i>машиной</i> (при возможном участии человека) <i>данных о знаках различных знаковых систем, которые охарактеризовывают онтологию права, закона и иных значимых регуляторов общественных отношений и с помощью которых описывается (в которых отражается) сущность предписаний норм права и/или иных норм, значимых для регулирования общественных отношений, содержащихся в акте машиночтения</i>

Таблица 2

Машиноисполнение права

Машиноисполнение права (в собственном, широком смысле)	Машиноисполнение права (в узком смысле, то есть машиноисполнение закона)
<p>а) <i>проверка машиной</i> (при возможном участии человека) <i>соответствия данных о знаках различных знаковых систем, которые отражают конкретные факты правовой, а также связанной с ней реальности, включая виртуальную, данным о знаках различных знаковых систем, которые описывают (отражают) предписания права, и/или соответствия данным о знаках определенных знаковых систем, которые описывают (отражают) предписания норм права и/или предписания иных норм, значимых для регулирования общественных отношений, содержащихся в акте машиночтения;</i></p> <p>б) <i>непосредственное исполнение машиной</i> (при возможном участии человека) <i>предписаний права или исполнение предписаний норм права и/или иных норм, значимых для регулирования общественных отношений, содержащихся в акте машиночтения</i></p>	<p>а) <i>проверка машиной</i> (при возможном участии человека) <i>соответствия данных о знаках различных знаковых систем, которые отражают конкретные факты правовой, а также связанной с ней реальности, включая виртуальную, данным о знаках различных знаковых систем, которые описывают (отражают) предписания норм права и/или предписания иных норм, значимых для регулирования общественных отношений, содержащихся в акте машиночтения;</i></p> <p>б) <i>исполнение машиной</i> (при возможном участии человека) <i>предписаний норм права и/или иных норм, значимых для регулирования общественных отношений, содержащихся в акте машиночтения</i></p>

волической форме» (Э. Панофски), языку живописного произведения (Л. Ф. Жегин), семиотике иконы (Б. А. Успенский), линейной перспективе в искусстве и зрительном восприятии реального пространства (А. В. Бакушинский). Имеется обширный список специальной литературы, посвященной более общим вопросам зрительного восприятия: проблемам психофизики восприятия пространства (Ф. Кликс), искусству и визуальному восприятию (Р. Арнхейм), динамике зрительного восприятия (В. А. Барабанщиков), психологии пространственного восприятия (А. И. Миракян), функциональной структуре перцептивных процессов (Б. М. Величковский), взаимодействию работы глаза и мозга (Р. Л. Грегори), информационному подходу к изучению представления и обработки зрительных образов (Д. Марр), соотношению чувственного и рационального при изучении восприятия движения (А. И. Миракян, В. И. Панов) и др.

Ряд комментариев к предложенным определениям:

1. Право рассматривается нами в контексте юридического подхода к правопониманию. С точки зрения исследуемой проблематики в самом общем виде право видится в парадигме *культура — право — закон*. В таком случае *культура* содержит некий *extractum* (лат.) основных ценностей определенного социума (нации), которые требуют охранения *правом* и должны быть защищаемы *законом* как адекватно *воплощенным правом*, при этом сама культура находится в контексте парадигмы *традиция (премодерн) — модерн — постмодерн (постпостмодерн)*.

2. Если основываться на том послыше, что «все есть текст», а «внетекстовой реальности вообще не существует» (Ж. Деррида)⁸, то верно и утверждение «все есть знак», и даже сам человек. «Ибо, если каждая мысль — это знак, а жизнь представляет собой цепь мыслей, то связанные друг с другом, эти факты доказывают, что человек есть знак...» (Ч. С. Пирс)⁹. Представляется, что тематику машиночитаемого права необходимо рассматривать в контексте семиотической парадигмы со знаками различных знаковых систем, включая знаки, официально определенные законодателем (например,

знаки естественного — человекочитаемого — языка), с помощью которых в *актах машиночтения*¹⁰ фиксируются *нормы права*¹¹ и/или иные нормы, значимые для регулирования общественных отношений¹².

Однако знаки фиксируют не только нормы права и/или иные значимые регуляторы общественных отношений, но и право как часть культуры во всех его (права) проявлениях, и всю правовую¹³, а также связанную с ней реальность, включая виртуальную. Реальность познается, ощущается (чувствуется) посредством как рациональных, так и иррациональных механизмов восприятия, при этом и сам разум является носителем иррационального¹⁴.

Именно знаки различных знаковых систем и охарактеризовывают онтологию права и иных значимых регуляторов общественных отношений.

Когда речь идет о «данных о знаках официально *определенных* законодателем знаковых систем», под определенными подразумеваются знаковые системы, с помощью которых в актах машиночтения фиксируются нормы права и/или нормы иных значимых регуляторов общественных отношений (в настоящее время это естественный — человекочитаемый — язык).

⁸ В разных интерпретациях данный тезис поддерживается и другими авторами: «всякий текст есть междутекст по отношению к другому тексту» (Р. Барт), «все элементы культуры есть текст» (Ю. Н. Караулов), а сама культура в целом «может рассматриваться как сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию “текстов в тексте”» (Ю. М. Лотман) и т.п.

⁹ Цит. по: Бенвенист Э. Общая лингвистика // URL: <https://classes.ru/grammar/167.Benvenist-common-linguistics/source/worddocuments/v.htm> (дата обращения: 17.12.2021).

¹⁰ Под *актами машиночтения* понимаются акты (документы), оформленные в соответствии с установленным порядком, содержащие нормы права (нормы иных значимых регуляторов общественных отношений) и составляющие предмет машиночтения.

¹¹ *Норма права* рассматривается здесь в традиционном понимании, как «общеобязательное формально определенное правило поведения, установленное и обеспеченное обществом и государством, закрепленное и опубликованное в официальных актах, направленное на регулирование общественных отношений путем определения прав и обязанностей их участников» (С. С. Алексеев).

¹² С учетом роста значимости для нормативного регулирования таких, например, видов норм, как технические и этические, а также тесной связи соответствующих норм с правовыми, полагаем необходимым отнести соответствующие регуляторы к объектам машиночтения и машиноисполнения (далее — иные значимые регуляторы общественных отношений).

¹³ Как справедливо отмечает Ю. А. Веденеев, «правовая реальность — сложное явление, соединяющее в себе языковые, культурно-исторические и политические практики производства и воспроизводства права. Это совокупность правовых идей и понятий, правовых ценностей и ориентаций, обеспечивающих процесс социального общения» (Веденеев Ю. А. Правовая реальность: онтология и эпистемология // Lex russica. 2015. № 5. С. 7).

¹⁴ Гегель утверждал: «...то, что мы называем рациональным, принадлежит на самом деле области рассудка, а то, что мы называем иррациональным, есть скорее начало и след разумности...» (Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук : в 3 т. М., 1974. Т. 1 : Наука логики. С. 416–417).

3. *Обработка данных о знаках* включает в себя ряд функций (этапов). В определении перечислены лишь некоторые из них (восприятие, перевод, изложение). Так, *восприятие* данных возможно рассматривать как обнаружение и различение (*перцептивная функция*), идентификацию и опознание (*опознавательная функция*). Указанные процессы по-разному трактуются наукой и являются не вполне изученными. Поэтому перечисленные нами в предложенном определении этапы *процесса восприятия* весьма условны и дают скорее лишь некое направление для дальнейшего уточнения сущности и особенностей указанных функций применительно к процессам машиночтения.

Как уже было отмечено выше, представляется очевидным, что при условии постановки задачи машиночтения (машиноисполнения) права невозможно ограничиваться информацией лишь на *понятийном* (рациональном) уровне, что требует учета *интуитивного* и *чувственного* (иррационального) уровней восприятия.

В литературе предлагается термин «*машинное восприятие*», которое определяется как «способность системы получать и интерпретировать данные из внешнего мира аналогично тому, как люди используют чувства»¹⁵. Соглашаясь с авторами в части необходимости использования машиной «чувственного» восприятия, полагаем, что термин «*интерпретация*» (лат. *interpretatio* — «разъяснение, истолкование») не дает исчерпывающего описания всех уровней (стадий) восприятия.

4. Под *онтологией права*¹⁶, *закона* и *иных значимых регуляторов общественных отношений* подразумевается, в частности, совокуп-

ность свойств, характеризующих соответствующие регуляторы в различных контекстах и с позиции существующих представлений о них — как в их историческом развитии, так и в актуальном состоянии.

Иными словами, это *данные*, которые отражают «все о праве», «все о законе» и «все об иных значимых регуляторах» в историческом измерении, динамическом состоянии с позиции различных областей знания, закрепленные в реальности совокупностью знаков различных знаковых систем. Это реализация подхода, присутствующего философскому представлению о праве и иных значимых регуляторах, сориентированному «на изучение самой жизни в ее многообразных социальных фактах, включая в том числе и мнения, и идеалы, и законы — весь опыт во всем его многообразии, включая как чувственное, так и интуитивное восприятие»¹⁷.

5. В контексте парадигмы юридического типа правопонимания возникает вопрос о потенциальной способности машины воспринимать все, связанное не только с *законом* (например, чтение текста закона), но и с *правом*. В случае признания для машины такой перспективы в качестве реальной, означающей, в сущности, возможность создания универсального искусственного интеллекта (AGI), определяемого еще как *сильный* (strong), способного решать фактически любые задачи, относящиеся к категории интеллектуальных, следует сделать вывод о том, что машина будет обладать свойством восприятия правовых и связанных с ними явлений реальности на уровне *правовой интуиции* (*пред-чувствия права*)¹⁸, *правочувствия*¹⁹ и *правопонимания*.

¹⁵ Бегишев И. Р., Хисамова З. И. Искусственный интеллект и робототехника: глоссарий понятий. М. : Проспект, 2021. С. 21.

¹⁶ Согласно Концепции развития технологий машиночитаемого права, утвержденной Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 15.09.2021 № 31), онтология машиночитаемого права — это «описание на формальном языке множества объектов (сфер применения машиночитаемого права, субъектов правоотношений, сделок и т.д.) в области права и связей между ними» (см.: URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/792d50ea6a6f3a9c75f95494c253ab99/31_15092021.pdf (дата обращения: 29.12.2021)). Полагаем, что наряду с «*объектами*» и «*связями между ними*», в онтологию должны входить и *процессы*, происходящие при осуществлении таких связей, которые фиксируются (отражаются) в реальности в виде знаков различных знаковых систем.

¹⁷ Лазарев В. В. Интегративное восприятие права // Избранное последнего десятилетия. М. : Норма, 2020. С. 96.

¹⁸ Это некая способность *под(над)сознательно* отличить правовое от неправового, это некое «чутье к правовому».

¹⁹ Это способность воспринимать правовые явления с помощью органов чувств (как пример чувственного познания реальности), но это и нечто большее. М. В. Пименова отмечает: «Чувство в русском... — это и

Достижимость способностей машины такого уровня — вопрос дискуссионный. В таком случае она будет обладать компетенциями законодателя, не только верно «чувствующего» право, но и адекватно воплощающего его в законе, то есть даже превосходить в этом отношении реально проявляющиеся ныне возможности человека.

6. В части функции *машиноисполнения права* (в широком смысле) машина, в случае наличия у нее потенциала AGI, должна будет обладать способностью (при возможном участии человека) непосредственно исполнять предписания не просто *закона* (нормативных правовых актов), но самого *права*. Гипотетически допустим, что неправовой закон машина будет как минимум маркировать, а в своем максимуме — прямо исполнять не просто *законное*, но именно *правовое* предписание.

Данный вариант развития событий возможно считать неким замятинско-оруэлловским сюжетом, а любые рассуждения по этому поводу — лишенным оснований фантазированием. Однако поскольку стремление к созданию AGI — не домыслы фантастов, а научно-практическая задача, которая ставится вполне определенно²⁰, необходимо прорабатывать такую перспективу развития технологий.

3. О корректности выработки методологии машинного восприятия права с использованием знания о применении художественных приемов в древней и средневековой живописи. Предлагаемое нами сравнение (с одной стороны, подход к восприятию права на интуитивном, чувственном, понятийном уровне, с другой — применение художественных приемов в древней и средневековой живописи) может показаться неуместным. Однако данное сравнение, по нашему мнению, является вполне корректным не только в смысле обозначения самого подхода к праву как объекту исследования в его общем — познавательном — контексте (включая фактор междисциплинарности и использование методов, методологий различных областей знания), но и в смысле рассмотрения процессов восприятия

проявлений права как специфического объекта в сугубо физиологическом (для человека) и технологическом (для машины) контексте, что особенно важно для обеспечения функций машиночтения и машиноисполнения.

Обоснованность предлагаемого сравнения подтверждается, в частности, следующим. Академик Б. В. Раушенбах, занимавшийся вопросами стыковки космических аппаратов и зрительно-умственного восприятия²¹ этих процессов человеком, свои выводы, касающиеся физиолого-технологического аспекта, соотносил с процессами восприятия и передачи объективного пространства в живописи (иконописи). И это было не просто некое образное сравнение разнопорядковых явлений. Ученый рассматривал эти два процесса как единый процесс зрительного восприятия человеком отдельных фрагментов реального мира.

Ставя под сомнение корректность приводимого нами сравнения, возможно утверждать, что само изображение на плоскости включает в процесс восприятия лишь зрение, тогда как право *предчувствуется* — интуитивно, *ощущается* — всечувственно и *осознается* — понятийно, а зрение задействовано лишь при чтении (например, текста нормативного правового акта).

Это не совсем так. Поскольку человек большую часть информации о мире получает посредством зрения, то неудивительно, что многое из того, как оно (право) воплощается в реальной действительности, мы именно *видим* в буквальном смысле слова. То же самое касается и машины: технологии машинного зрения (*machine vision, MV*), обеспечивающие реализацию отдельных функций правоприменения (например, дорожные и уличные камеры), хотя и являются пока весьма упрощенным подобием человеческого зрения, применяются достаточно активно уже сейчас. И нет сомнений, что данные технологии будут развиваться.

Но здесь важно другое. *Увиденное* есть лишь стимул для того, чтобы вызвать в нас (в *человеке*) или в *машине* (sic!) соответствующие чувства, эмоции и т.п., в частности пробудить

состояние, и восприятие, и ощущение, и характер, и сознание, и эмоции, и этика» (Языковые основы русской ментальности : учеб. пособие / В. В. Колесов, М. В. Пименова. 5-е изд., стер. М. : Наука, 2017. С. 82).

²⁰ Другой вопрос — потенциальная возможность решения такой задачи, а главное — *целесообразность* (sic!) самой ее постановки.

²¹ «Зрительное восприятие является сложным процессом, в основе которого лежит согласованная работа глаза и мозга. В результате этой работы возникает видимый образ созерцаемого предмета...» (Раушенбах Б. В. Пространственные построения в живописи. С. 52).

то, что называется *чувством справедливости*, *чувством правды*, что в конечном счете, собственно, и можно назвать *чувством права* в некоем субъективном представлении о таковом, заставляя сопоставить наши (человека) или машины представления о *правовом* и *неправовом* с реально происходящим — *увиденным (про-чувствованным)*. Работа глаза и мозга не ограничивается получением информации о лишь *увиденном*, она не останавливается на этом: в эту работу включаются одновременно и интуиция, и чувства, и радио-механизмы познания.

То же и в живописи: само изображение (пейзаж, портрет и т.п.) является лишь стимулом для воспроизведения в сознании и под-сознании соответствующей части реального мира (природы, человека и т.п.). Мозг (посредством подключения интуиции и чувств, а также с использованием рационального аппарата) *дорисовывает* то, что в его представлении и есть объективная реальность, применительно к фрагменту «действительности», изображенному художником, мозг дополняет существующую в сознании реципиента «реальность», вызывая к тому же комплекс ассоциаций, эмоций, образов, воспоминаний и т.п. Одна из задач искусства, вероятно, в этом и состоит — вызвать эти самые эмоции, образы, ощущения и т.п.

Существует и обратная связь, когда полученная не с помощью зрения информация также стремится быть восполненной мозгом в недостающих фрагментах и может вызывать у реципиента определенные, в том числе и *визуализированные*, образы.

Объект воспринимается посредством *образов*, а не только *понятий*, когда та или иная информация, неважно какими органами чувств воспринятая, и не имеет значения, по каким каналам поступившая, вызывая определенные ассоциации (эмоции, ощущения, воспоминания и т.п.), дорисовывает в сознании реципиента «действительность», пусть и субъективно представляемую, как правило, неполную, иска-

женную, иногда кардинально противоречащую объективной действительности, но неизменно стремящуюся посредством работы мозга (интуиции, чувств, сознания) быть заполненной данными о ней. А с учетом задач машиночтения (машиноисполнения) права аналогичные процессы должны быть симулированы с помощью ИТ для машины.

Таким образом, знание того, как и с помощью каких художественных средств описания объективной действительности на полотне (или божественных образов на иконе) добивались древние мастера того, чтобы вызвать у зрителя определенные ассоциации, чувства, эмоции, может быть бесполезно для выработки методологии правопонимания, адекватной для реализации функций машиночтения и машиноисполнения права.

4. Понятие vs образ: в поиске методологии машинного восприятия права. В рамках дискуссии о правопонимании представителям интегративного подхода ставится в вину то, что ими так и не выработано понятия права²². В этой связи необходимо дать ответ на вопрос о том, является ли достаточным условием для реализации функций машиночтения и машиноисполнения права выработка лишь только адекватного *определения права*, то есть описания права на понятийном уровне.

Если исходить из того, что «особая природа нашего рассудка состоит в том, что он мыслит все дискурсивно, то есть посредством понятий»²³, а «современное понятие образуется путем устранения образности из образного понятия»²⁴ и, следовательно, понятие — «это своеобразная схема реальности, *лишенная* (выделено мной. — С. Г.) многих качеств и признаков самой реальности»²⁵, то, во всяком случае, для решения задач машиночтения (машиноисполнения) права попытка найти некое обобщающее, исчерпывающее определение права, по нашему мнению, априори не приведет к ожидаемому результату.

²² См., например: *Черданцев А. Ф.* Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 8.

²³ *Кант И.* Сочинения : в 6 т. М. : Мысль, 1963. Т. 4. Ч. 1. С. 155.

²⁴ В. В. Колесов объясняет: «Например, признак скорости в каждом случае имел (в Древней Руси. — С. Г.) видовое отличие, можно было сказать *борзый конь*, *быстра реченька*, *ясный сокол*, *скора ящерка* и т.д., но невозможны комбинации типа *скорая реченька*, *ясная ящерка*, *быстрый сокол* и т.п. Устойчивые сочетания двух слов представляли собой *образное понятие*, эквивалентное современному понятию «скорость»» (*Колесов В. В.* Основы концептологии. СПб., 2019. С. 497).

²⁵ *Колесов В. В.* Основы концептологии. С. 497.

Речь идет об утрате определенных признаков реальности, а значит, о потере части данных о реальности.

Здесь необходимо не просто *понятие*, и даже не *образное понятие*, а адекватное (достоверное, полное и актуальное для определенных исторических периодов и современности) описание права как объекта с помощью всего многообразия знаков (данных о знаках), воспринимаемых *интуитивно (пред-чувственно)*²⁶, *чувственно* и осознанных на *понятийном* уровне.

Есть два пути, говорит русист, специалист в области русской ментальности В. В. Колесов, — *логико-терминологический* и *образно-символический*, которые ведут в первом случае к однозначности с его «поверхностным знанием», а во втором — к многозначности несводимых к общему виду значений — «глубинному смыслу». В отличие от языков западных, утверждает автор, русский выбрал второй путь²⁷. В свою очередь, язык стремится вести по «своему пути» и его (языка) носителей.

Полагаем, что идти лишь по *логико-терминологическому, рациональному*, если угодно — «безобразному»²⁸ пути познания и пытаться найти только лишь в *определениях права* то, «что оно и есть» для решения задачи машинотечения (машиноисполнения) права, — мало-перспективно.

В попытке обозначить продуктивный методологический подход к решению проблемы правосприятия в контексте машинотечения (машиноисполнения) права на *образном* как раз и следует остановиться особо.

5. Применение художественных приемов в древней и средневековой живописи. Весьма часто эклектичность икон (когда совмещаются элементы прямой²⁹, обратной³⁰ перспективы и аксонометрии³¹) или, например, наивная геометричность древнеегипетских рисунков³² объясняется тем, что древние иконописцы и художники просто не знали законов прямой перспективы.

В действительности это не так. По выводу Б. В. Раушенбаха, данный вид перспективы был известен, но задачей живописи было «в какой-то мере бесстрастное сообщение некоторой объективной (или считавшейся объективной) информации»³³, это была попытка сообщения «зрителю максимума информации об изображаемом предмете, даже за счет нарушения правильности перспективы»³⁴. Древний художник пытался передать и видимую, и объективную геометрию одновременно.

Учитывая, что тип обратноперефективных построений является наиболее бросающейся

²⁶ Небезынтересно в этом отношении мнение об интуитивном выдающихся русских философов: «Дискурсивное мышление есть царство середины, никогда не начало и не конец. Концы и начала всегда взяты в интуиции» (*Бердяев Н. А.* Смысл творчества. Париж, 1985. С. 64); «Мы ничего бы не знали. Если бы все не предчувствовали» (*Розанов В. В.* Последние листья. М., 2000. С. 24).

²⁷ *Колесов В. В.* Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. С. 413.

²⁸ Обратим внимание: здесь при смене ударения присутствует некая *jeu de mots* (фр.) — «игра слов», весьма символическая.

²⁹ Изображение объекта с позиции неподвижной точки зрения и имеющее единую точку схождения на линии горизонта; объект как бы уменьшается по мере отдаления от реципиента.

³⁰ Обратная перспектива отличается от линейной тем, что отображает объект таким образом, что он уменьшается по мере приближения к реципиенту, давая возможность видеть объект одновременно с нескольких точек зрения.

³¹ Аксонометрией называется система построения перспективы, в которой «сохраняется свойство параллельности прямых линий» (*Раушенбах Б. В.* Пространственные построения в живописи. С. 56).

³² «Геометрической основой пространственных построений древнеегипетского искусства, — отмечает автор, — были математически обоснованные чертежные методы; эти методы свободно трансформировались, не меняя своего существа. Древнеегипетские художники вовсе не стремились к рисунку (передаче перцептивного пространства), а совершенно сознательно предпочитали изображать объективное пространство...» (*Раушенбах Б. В.* Пространственные построения в живописи. С. 41).

³³ *Раушенбах Б. В.* Пространственные построения в живописи. С. 40.

³⁴ *Раушенбах Б. В.* Пространственные построения в живописи. С. 127.

По мнению автора, «снисходительные интонации по отношению к средневековому художнику» неуместны, а, например, «в произведениях Феофана Грека, Андрея Рублева, Дионисия и близких им художников логически безупречные композиции на тему «Успение» вызывают и сейчас, — утверждает выдающийся физик, — ощущение математически строгого построения своей внутренней непротиворечивостью» (*Раушенбах Б. В.* Пространственные построения в живописи. С. 155).

в глаза особенностью иконописи, приведем некоторые из объяснений причин использования обратной перспективы древними иконописцами.

В частности, это причины, основанные на физиологической особенности зрительного восприятия: на близком расстоянии предметы видятся именно в обратной перспективе (В. Б. Раушенбах); «точка зрения подвижна» (Л. Ф. Жегин); «человеческое зрение обладает фактической бинокулярностью» (А. В. Бакушинский) и др.

Другое объяснение: иконописец стремится одновременно и дать «тебе смотреть на икону» (это обеспечивает *прямая, линейная перспектива*), и дать «иконе (sic!) смотреть на тебя», и это есть некая «перспектива общения», когда лучи сходятся не «от зрителя», а «к зрителю» (И. К. Языкова); икона писана как бы с точки зрения визави, который мыслится помещенным в глубину иконы (О. Вульф, Б. А. Успенский).

Распространены мнения о том, что с помощью обратной перспективы подчеркивается особость, ирреальность и сакральность изображаемого на иконе, что обратная перспектива применяется с целью повысить уровень информативности об объекте (объект виден с разных сторон (ракурсов) одновременно) и др.

В более поздние исторические периоды мастера эпохи Возрождения, подчеркивающие изображение глубины (длинные коридоры, уходящие вдаль ряды колонн и т.п.), тем самым «воспитали зрителя», приучив его к линейной перспективе как единственно правильной, что и привело к ее фетишизации, «особенно вредной»³⁵. Б. В. Раушенбах, говоря об ошибочности оценки средневекового искусства как несовершенного и наивного, отмечал, что таковая приводит либо к неоправданной его апологетике, либо к принижению его достижений³⁶.

Нечто аналогичное, по нашему мнению, происходит и в области правопонимания. Наряду с фетишизацией какого-либо одного из подходов правопонимания в лагере его сторонников, в

другом наблюдается недооценка значимости такого подхода.

В древней живописи (иконописи) присутствует стремление показать объективную картину фрагмента действительности не только как некоего видимого глазом пространства (части реального), ограниченного размерами изображенного на полотне (и это, в том числе), но и вызвать определенные ассоциации, чувства, эмоции и т.п., позволяющие ощутить изображаемую действительность в наибольшей полноте, включая задачу по передаче особых *духовных* смыслов.

Выделим лишь несколько из использованных древними художниками и иконописцами приемов:

- а) изображение каждого из объектов с позиции определенных только для них (объектов) точек зрения³⁷;
- б) использование чертежных методов (условные повороты плоскостей проекций, сечение и развертка объекта, сдвиги, разномасштабность объектов, знаковый характер изображения и др.);
- в) использование различных способов изображения отдельных предметов и фигур (причем часто одновременно) и в прямой, и в обратной перспективе, и в аксонометрии (ортогональной проекции), а также в «жесткой перцептивной системе перспективы»³⁸;
- г) стремление «поместить» зрителя в контекст, сделав его участником изображаемого на полотне, и тем самым построить некое единое диалогическое пространство;
- д) попытка передачи «четырёхмерности пространства»³⁹, то есть изображения объекта как существующего не в традиционных *трех*, а в *четырёх* измерениях.

Таким образом, наблюдается стремление древних мастеров к передаче максимума информации об объекте как на рациональном (*понятийном*), так и на иррациональном (*интуитивном, чувственном*) уровнях с включением зрителя в диалог. Притом предполага-

³⁵ Раушенбах Б. В. Пространственные построения в живописи. С. 65, 79.

³⁶ Раушенбах Б. В. Пространственные построения в живописи. С. 79.

³⁷ Отдельные предметы и фигуры изображены каждый с определенной (своей) точки зрения, в отличие от традиционно принятого приема, когда все изображенное на полотне демонстрируется лишь с одной — и единственной — точки зрения.

³⁸ Показано Б. В. Раушенбахом на примере пейзажной живописи Сезанна (Раушенбах Б. В. Пространственные построения в живописи. С. 215–232).

³⁹ Здесь важны размышления Б. В. Раушенбаха о том, что если традиционно *четвертое измерение пространства* понимается как *время* (в парадигме «пространство — время», по Г. Минковскому. — С. Г.), то «здесь

ется, что сам объект находится в некоей многомерности.

6. Цифровая трансформация: в поиске многомерности права. Полагаем, что при разработке методологии машиночтения права и построении теоретических и утилитарных моделей машинного восприятия права следует не только основываться на механизмах рационального познания правовой действительности, но и, подобно практикам древнего художника, стремиться воспринимать и передавать информацию об объекте одновременно на иррациональном (интуитивном, чувственном) и рациональном (понятийном) уровнях.

Необходимо учитывать то, что право, как явление социокультурное, само являясь многомерным, живет в нескольких измерениях. Полагаем, что многомерность прежде всего и отражается в интуитивном и чувственном, а стремление использовать интуитивное и чувственное есть способ ощутить эту самую многомерность.

Необходимо отметить, что тема многомерности, которая весьма часто воспринимается лишь как удел фантастов (А. Азимов, А. Кларк, Ф. Пол, Г. Уэллс и др.), живописцев (Г. Аполлинер, Х. Грис, Ж. Метценже, П. Пикассо и др.) или оккультистов и эзотериков (*nomen illis legio* (лат.) — «имя им — легион»), была предметом внимания выдающихся представителей физики и математики (Р. О. Бартини, Д. Беннетт, Д. Бобылев, В. Вебер, Д. Данн, Б. Риман, Ч. Хинтон, А. Эйнштейн и др.) и приобретает все большую актуальность.

Подобно тому как «дальнейший прогресс человеческого познания будет связан с овладением понятием объективной размерности мира» (Р. О. Бартини), качественный шаг в познании правовых явлений, по нашему мнению, связан с осознанием и изучением их многомерности. В контексте процессов цифровой трансформа-

ции правоведы должны идти к постановке проблемы правосприятия и системному ее изучению с учетом фактора многомерности правовой реальности и самого права, при этом исследуя проблему на междисциплинарной основе и не стремясь намеренно ограничиваться рамками какой-либо одной конкретной теории правосопимания. Данную тематику следует рассматривать, учитывая различные подходы и всевозможные достижения классической и современной философско-правовой мысли (методологии классической и постклассической науки), и делать это нужно на основе «междисциплинарного синтеза естественно-научного, гуманитарного, социального знания» (Е. Н. Яркова). Цифровая трансформация в этом отношении является триггером данного процесса. И в то же время она даст дополнительный инструментарий для изучения данной проблематики.

Если древние иконописцы путем одновременного сочетания прямой (линейной), обратной перспективы и законов аксонометрии в высочайших образцах уровня Рублева и в иных примерах попроще могли или как минимум пытались передать на плоскости иконной доски многомерность пространства и «триипостасность Божественного»⁴⁰, то мы применительно к праву как к *многомерному* явлению нередко считаем возможным ограничиваться лишь трехмерной или даже двухмерной логикой, помещая право в контекст какой-либо одной конкретной теории.

Авторы близкого нам компрехендного подхода к познанию права утверждают, что «как только количество определений права достигнет критической массы, оно перерастет в качество, в результате чего мы получим понимание права на уже совершенно новом уровне, может быть, удивительном для нас всех»⁴¹.

Полагая, что количество определений само по себе вряд ли даст новое качество, а право-

рассматривается случай, когда существуют четыре пространственные координаты, а время (если его тоже интерпретировать как некую координату) будет уже пятой». И поскольку «переход к трем измерениям дает новое качество — объем, поэтому и обращение к четырехмерному пространству должно дать следующую, не обладающую для нас наглядностью, четвертую ступень в качественно усложняющемся ряду...» (Раушенбах Б. В. Пространственные построения в живописи. С. 150). Кстати, развертка «древнерусского пространства», данная на основе формы складня 1412 г. Б. А. Рыбаковым, такова: «широта — высота — глубина — длина» (Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове : в 5 кн. Кн. 4 : Мудрость слова. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011. С. 346).

⁴⁰ Это стремление «выразить одновременность в Боге монады и триады» (Раушенбах Б. В. О логике триединности // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 166–169).

⁴¹ Захарцев С. И., Сальников В. П. Компрехендная теория познания права // Мониторинг правоприменения. 2019. № 4 (33). С. 4.

восприятие лишь в *понятийной* парадигме для функции машиночтения права малоперспективно, предположим, что корректно скомплектованные в некую структуру (модель) достаточные с точки зрения количественной и различные по своим видам данные о праве и правовой реальности как объекте машиночтения действительно позволят не только качественно приблизиться к рациональному пониманию права, но и получить способность интуитивно *предчувствовать* и чувственно

ощущать право конкретного социума. Повторим: именно это и необходимо для обеспечения функции машиночтения и машиноисполнения права (в широком смысле).

Предложенное нами не содержит претензии на нахождение единственно возможного подхода к выработке методологии машиночтения права, это лишь попытка обозначить один из путей поиска способов восприятия права в новой для него — *цифровой* — реальности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бегишев И. Р., Хисамова З. И.* Искусственный интеллект и робототехника : глоссарий понятий. — М., 2021. — 64 с.
2. *Бердяев Н. А.* Смысл творчества. — Париж, 1985. — 678 с.
3. *Веденеев Ю. А.* Правовая реальность: онтология и эпистемология // *Lex russica*. — 2015. — № 5. — С. 7–22.
4. *Гегель Г. Ф.* Энциклопедия философских наук : в 3 т. — Т. 1 : Наука логики. — М., 1974. — 452 с.
5. *Захарцев С. И., Сальников В. П.* Компреденная теория познания права // Мониторинг правоприменения. — 2019. — № 4 (33). — С. 4–13.
6. *Захарцев С. И., Сальников В. П.* Что есть компреденная теория права? // *Юридическая наука*. — 2016. — № 3. — С. 5–9.
7. *Кант И.* Сочинения : в 6 т. Т. 4. Ч. 1. — М., 1963. — 543 с.
8. *Колесов В. В.* Древняя Русь: наследие в слове : в 5 кн. — Кн. 4 : Мудрость слова. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011. — 480 с.
9. *Колесов В. В.* Русская ментальность в языке и тексте. — СПб., 2007. — 619 с.
10. *Колесов В. В.* Основы концептологии. — СПб., 2019. — 776 с.
11. *Кузнецова Е. А.* Информационные технологии в эпоху постмодерна : автореф. дис. ... канд. филос. наук. — СПб., 2005. — 24 с.
12. *Лазарев В. В.* Интегративное восприятие права // *Избранное последнего десятилетия*. — М., 2020. — С. 93–107.
13. *Раушенбах Б. В.* О логике триединности // *Вопросы философии*. — 1990. — № 11. — С. 166–169.
14. *Раушенбах Б. В.* Пространственные построения в живописи: Очерк основных методов. — М., 1980. — 288 с.
15. *Розанов В. В.* Последние листья. — М., 2000. — 384 с.
16. *Сидоренко А. И., Ибрагимова Ю. Э.* Интегративное понимание права // *Журнал российского права*. — 2017. — № 7. — С. 33–45.
17. *Спирин М. Ю.* Глоссарий // URL: https://urlife.pro/wp-content/uploads/2017/10/otp_glossary.pdf (дата обращения: 17.04.2022).
18. *Черданцев А. Ф.* Интегративное недопонимание права // *Журнал российского права*. — 2016. — № 10. — С. 5–15.
19. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика // URL: <https://classes.ru/grammar/167.Benvenist-common-linguistics/source/worddocuments/v.htm> (дата обращения: 17.04.2022).
20. *Языковые основы русской ментальности : учеб. пособие / В. В. Колесов, М. В. Пименова.* — 5-е изд., стер. — М., 2017. — 136 с.

Материал поступил в редакцию 19 июня 2022 г.

REFERENCES

1. Begishev IR, Hisamova ZI. *Iskusstvennyy intellekt i robototekhnika: glossariy ponyatiy* [Artificial intelligence and robotics: a glossary of concepts]. Moscow; 2021. (In Russ.).
2. Berdyaev NA. *Smysl tvorchestva* [The meaning of creativity]. Paris; 1985. (In Russ.).
3. Vedeneev YuA. *Pravovaya realnost: ontologiya i epistemologiya* [Legal reality: Ontology and epistemology]. *Lex russica*. 2015;5. (In Russ.).
4. Hegel GF. *Entsiklopediya filosofskikh nauk: v 3 t. T. 1: Nauka logiki* [Encyclopedia of Philosophical Sciences: in 3 vols. Vol. 1: The Science of Logic]. Moscow; 1974. (In Russ.).
5. Zakhartsev SI, Salnikov VP. *Komprekhendnaya teoriya poznaniya prava* [Theory of comprehend learns the law]. *Monitoring Pravoprimeneniya*. 2019;4(33):4-13. (In Russ.).
6. Zakhartsev SI, Salnikov VP. *Chto est komprekhendnaya teoriya prava?* [What is a comprehensive theory of law?]. *Legal Science*. 2016;3:5-9. (In Russ.).
7. Kant I. *Sochineniya: v 6 t.* [Essays: in 6 vols. Vol. 4. Part 1. Moscow; 1963. (In Russ.).
8. Kolesov VV. *Drevnyaya Rus: nasledie v slove: v 5 kn. Kn. 4: Mudrost slova* [Ancient Rus: heritage in the word: in 5 books. Book 4: The Wisdom of the Word]. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University Publ.; 2011. (In Russ.).
9. Kolesov VV. *Russkaya mentalnost v yazyke i tekste* [Russian mentality in language and text]. St. Petersburg; 2007. (In Russ.).
10. Kolesov V. V. *Osnovy kontseptologii* [Fundamentals of conceptology]. St. Petersburg; 2019. (In Russ.).
11. Kuznetsova EA. *Informatsionnye tekhnologii v epokhu postmoderna: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Information technologies in the postmodern era: Cand. Sci. (Philosophy)]. St. Petersburg; 2005. (In Russ.).
12. Lazarev VV. *Integrativnoe vospriyatie prava* [Integrative perception of law]. In: Lazarev VV. *Selected works of the last decade*. Moscow; 2020. (In Russ.).
13. Rauschenbach BV. *O logike triedinosti* [On the logic of the triune]. *Voprosy filosofii*. 1990;11:166-169. (In Russ.).
14. Rauschenbach BV. *Prostranstvennye postroeniya v zhivopisi: Ocherk osnovnykh metodov* [Spatial constructions in painting: An outline of the main methods]. Moscow; 1980. (In Russ.).
15. Rozanov VV. *Poslednie listya* [The last leaves]. Moscow; 2000. (In Russ.).
16. Sidorenko AI, Ibragimova YuE. *Integrativnoe ponimanie prava* [Integrative understanding of law]. *Journal of Russian Law*. 2017;7:33-45. (In Russ.).
17. Spirin MYu. *Glossary*. Available at: https://urlife.pro/wp-content/uploads/2017/10/otp_glossary.pdf (Accessed: 17.04.2022).
18. Cherdantsev AF. *Integrativnoe nedoponimanie prava* [Integrative misunderstanding of law]. *Journal of Russian Law*. 2016;10:5-15. (In Russ.).
19. Benvenist E. *General Linguistics*. Available at: <https://classes.ru/grammar/167.Benvenist-common-linguistics/source/worddocuments/v.htm> (Accessed: 17.04.2022).
20. Kolesov VV, Pimenova MV. *Yazykovye osnovy russkoy mentalnosti* [Linguistic foundations of the Russian mentality: studies. manual]. 5th ed. Moscow; 2017. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.079-093

А. А. Завгородняя*

Интересы в системе общеправовых ценностей и принципов права

Аннотация. Принципам всегда уделялось и уделяется немалое внимание в литературе, а их значимость описана не раз учеными в разные исторические и политические периоды. В доктрине права мы наблюдаем диаметрально противоположные теории и концепции рассмотрения принципов в системе права в зависимости от теорий правопонимания. Неоднозначное отношение к принципам объясняется их глубокой природой, многогранностью и многоаспектностью. Так, на протяжении длительного времени в отечественной правовой доктрине за принципами закреплялась роль технических средств, с помощью которых осуществляется построение правовой нормы. Сегодня отмечается актуальность переосмысления роли принципов, которая объясняется происходящими в социуме изменениями, появлением и проникновением в сферу регулирования права «неюридических регуляторов».

Целью статьи является исследование интересов в системе общеправовых ценностей и принципов права. Отмечается, что объектами принципов являются ценности, мировоззрение, а не субъективное поведение индивида.

В статье подчеркнута, что в праве принципы составляют определенную иерархию, основанную на объективных критериях. Роль принципов права — внедрение ценности, закрепленной принципами, в правовую действительность. Делается вывод о том, что через общие принципы определяется основное предназначение права, которое выступает особым социальным регулятором, а определенность является его отличительной особенностью как регулятора отношений. Сами же принципы в праве должны выражать общие интересы и служить критериями оценивания правотворчества. Система правовых принципов должна соответствовать интересам социума, в то же время не являясь собственно нормами права. Делается вывод, что в нормах права принципы должны находить реализацию в конвенциональной форме посредством социально-правового дискурса.

Ключевые слова: право; интерес; принципы права; источники права; идеи; конвенциональные формы; ценности; нормы; формы права; дискурс.

Для цитирования: Завгородняя А. А. Интересы в системе общеправовых ценностей и принципов права // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 9. — С. 79–93. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.079-093.

Interests in the System of General Legal Values and Principles of Law

Anastasiya A. Zavgorodnyaya, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Donbass Law Academy
ul. Lebedinskogo, d. 9, Donetsk, Donetsk People's Republic, 283049
nastacija@mail.ru

Abstract. Principles have always been given considerable attention in the literature, and in different historical and political periods scholars have repeatedly highlighted their significance. The legal doctrine shows diametrically opposite theories and concepts considering these principles in the system of law, depending on the theories of legal understanding. Ambiguity in relation to the principles is explained by their deep nature, versatility and multi-aspect. Thus, for a long time in the domestic legal doctrine, the role of technical means by which the construction of a legal norm is carried out was assigned to the principles. The author notes the relevance of rethinking the role

© Завгородняя А. А., 2022

* Завгородняя Анастасия Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Донбасской юридической академии
ул. Лебединского, д. 9, г. Донецк, Донецкая Народная Республика, 283049
nastacija@mail.ru

of principles, which is explained by the ongoing changes in society, the emergence and penetration of «non-legal regulators» into the sphere of regulation of law. The purpose of the paper is to study interests in the system of general legal values and principles of law. It is noted that the object of the principles are values, mindset, but not the subjective behavior of the individual.

The paper considers that principles in law constitute a certain hierarchy based on objective criteria. The role of the principles of law lies in the «introduction» of the value fixed by the principles into legal reality. The author concludes that the main purpose of law is determined through general principles and law acts as a special social regulator, and certainty is its distinctive feature as a regulator of relations. The principles in law themselves should express common interests and act as criteria for evaluating law-making. The system of legal principles should correspond to the interests of society, but at the same time this system does not belong to the norms of law themselves. It is concluded that in the norms of law, the principles should be implemented in a conventional form through social and legal discourse.

Keywords: law; interest; principles of law; sources of law; ideas; conventional forms; values; norms; forms of law; discourse.

Cite as: Zavgorodnyaya AA. Interesy v sisteme obshchepравovykh tsennostey i printsipov prav [Interests in the System of General Legal Values and Principles of Law]. *Lex russica*. 2022;75(9):79-93. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.079-093. (In Russ., abstract in Eng.).

В правовой доктрине осмысление принципов права традиционно вызывало значительный интерес. Долгое время в отечественной юриспруденции признавалась роль принципов как технических средств конструирования норм и сигнализации законодателю о пробелах. Однако необходимость повышения эффективности правового регулирования и кризис правовой методологии, который не преодолен, обращают исследования представителей доктрины теории права к поиску аксиологических и смысловых регулятивных инструментов, среди которых социальные ценности и правовые принципы. Г. В. Лейбниц говорит о принципах высокой ценностной значимости, которые в своей основе имеют не ложное воображение или ошибочное видение, а научный анализ явлений действительности и их всестороннее осмысление. Принципы общественного бытия являются достаточно определенными, четкими, объективно отражающими потребности и интересы человека, а их несоблюдение может иметь крайне негативные последствия¹.

Как отмечается в ряде источников, на сегодняшний день актуальность переосмысления роли принципов в праве обусловлена трансформациями в социально-нормативной системе регуляции, «вызванными широким проникновением в сферу действия права неюридических регуляторов»², а также тем, что

в современном динамично развивающемся, глобализированном обществе нормы права в позитивистском понимании (как регуляторы) перестают эффективно выполнять свою роль, поскольку не отвечают социальным запросам. В связи с этим обратим внимание на развитие различных правовых квазирегуляторов, например концепций, методик, директив, рекомендаций, резолюций, именуемых «мягким правом». Как указывает В. И. Червонюк, современная трансформация концептов понимания структуры социальных регуляторов объективно требует ответов на принципиально важные вопросы: в состав права входят только нормы или они являются частью иного явления? воспринимаются ли нормы права в правоприменительной деятельности как единственное правовое основание для принятия решений? Искусственная динамика законотворческой деятельности, влияющая на прирост вторичного законодательства, своеобразная нормотворческая дискреция, в частности и в вопросах усиления государственного принуждения, усугубляет энтропию в правовой и социальной сферах, создает препятствия для построения устойчивого и предсказуемого порядка, сохранения баланса между потребностями разных социальных групп, частными и публичными интересами, оказывает негативное воздействие на состояние регулятивного уровня правовой

¹ Лейбниц Г. В. Сочинения : в 4 т. М., 1984. Т. 2. С. 129, 131.

² Червонюк В. И. Принципы права в структуре правовых регуляторов: методологические подходы к пониманию принципов права в дискурсе отечественной юриспруденции // Государство и право. 2021. № 10. С. 89. URL: <http://gospravo-journal.ru/s102694520017265-2-1/+&cd=4&hl=uk&ct=clnk&gl=ua> (дата обращения: 10.07.2022).

системы, соблюдение режима правопорядка, надлежащую реализацию (действенность) прав и свобод человека и гражданина³.

Следует согласиться с позицией А. А. Соколовой, которая в качестве научной гипотезы выдвигает предположение о том, что все этапы процесса формирования права должны строиться на логических основаниях, отражающих прогрессивные правовые идеи и лучшие образцы сложившейся правообразовательной практики, демонстрирующие эффективные результаты организации социально-правовой реальности⁴. Появление новых идей и направлений в теории и правовой доктрине должно вызвать сдвиги в мировоззрении, что будет способствовать формированию дискурсивных правовых парадигм, в которых волевой работой общества и государства будут утверждаться и фиксироваться специфические конвенциональные системы ценностей и принципов, определяющие структурное единство и сущность права.

Итак, принципами пронизана вся нормативная система, однако их рационализация является ограниченной по той причине, что их объектом является не поведение, а ценности, мировоззрение. Функциональное значение принципов заключается в том, что они позволяют переводить трудно вербализуемые намерения, формирующие мировоззрение, в правовую сферу. Принципы и ценности в гораздо

большей степени отражают мировоззренческую установку той или иной правовой парадигмы по сравнению с нормами⁵.

Традиционно отечественная юриспруденция видела в принципах идеи⁶ и нормы права⁷. Если анализировать принципы права как идеи, то они являются некоей абстракцией, которая концентрирует «дух» права, но одновременно является не общеобязательной (не нормативной), в связи с чем не может выполнить функцию правового регулятора⁸. Подобный взгляд позволяет отдельным авторам сделать вывод о том, что принципы права не оказывают регулятивное или охранительное воздействие на поведение⁹. Однако такое понимание не соответствует сущности новой среды функционирования права, реальности, в которую вовлечены все носители прав и обязанностей, регулирование поведения которых вне цивилизующего воздействия принципов оказывается невозможным¹⁰. Если даже и воспринимать принципы права как идеи, отображающие его «дух», смысл, то в современной доктрине нет понимания того, как идеи, которые, безусловно, оказывают регулирующее воздействие, соотносятся с нормативными предписаниями, сложно оценить взаимодействие с иными правовыми регуляторами, а частности с нормами. В доктрине права также поднимаются важные вопросы соотношения первичности принципов и норм права, их соотношения с источниками

³ Червонюк В. И. Указ. соч. С. 90.

⁴ Соколова А. А. Принципы правообразования: проблемы правовой институционализации // Принципы права: проблемы теории и практики : материалы XI Международной научно-практической конференции : в 2 ч. М. : РГУП, 2017. Ч. 1. С. 102.

⁵ Войничанис Е. А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости М. : Юриспруденция, 2013. С. 104.

⁶ Юридический энциклопедический словарь / под ред. А. В. Малько. 2-е изд. М., 2021. С. 121 ; Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019. Т. 1. С. 44 ; Теория государства и права : учебник для акад. бакалавриата / В. В. Лазарев, С. В. Липень. 5-е изд., испр. и доп. М., 2019. С. 127 ; Радько Т. Н., Лазарев В. В., Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник для бакалавров. М., 2019. С. 74 ; Арбитражный процесс : учебник для студ. юрид. вузов и ф-тов / под ред. М. К. Треушников. 7-е изд., перераб. М., 2020. С. 54.

⁷ Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2007. С. 661, 662 ; Кузнецова О. А. Нормы-принципы российского гражданского права. М., 2006. С. 47 ; Чернов А. К. Принцип равенства: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003. С. 6, 22 ; Комиссарова Е. Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства. Тюмень, 2001. С. 59 ; Гражданское право : учеб. : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2021. Т. 1. С. 22–24 ; Смирнов Д. А. Нетипичные нормативно-правовые предписания в системе трудового права. М., 2015. С. 44.

⁸ Червонюк В. И. Указ. соч. С. 90.

⁹ Бошно С. В. Теория государства и права : учебник. 3-е изд., перераб. М., 2018. С. 111, 112.

¹⁰ Червонюк В. И. Указ. соч. С. 91.

и/или формами права, целями в праве и другими явлениями¹¹.

Принципы как нормы определяются через наделение их характеристикой общей нормы, с большей степенью обязательности¹². И. П. Кожокар указывает, что принципами являются нормы права наибольшего, аморфного содержания. Они являются самыми крайними абстракциями в праве, охватывая большую предметную сферу отраслевого правового регулирования¹³.

О. А. Кузнецова, понимая под нормами принципами текстуальное их закрепление в законодательстве, подчеркивает их актуальность для правоприменительной практики. Признавая также принципы-идеи, О. А. Кузнецова отмечает, что они законодательно не сформулированы¹⁴.

Представление о принципах как виде норм права критиковал В. П. Грибанов, указывая, что отождествлять правовой принцип с правовой нормой — то же самое, что отрицать существование принципов вообще и признать только нормы права с общим или более определенным содержанием. Определяя различия между нормами и принципами, В. П. Грибанов отмечает, что нормы права устанавливают правила поведения, являясь содержанием отрасли или института, а правовые принципы отражают сущность и социальную природу права, соотносятся как «буква» и «дух» закона¹⁵.

Таким образом, вопрос о сущности и роли принципов в системе социальной регуляции перекликается с вопросом о степени обобщения социальных закономерностей, потому необходимо переосмыслить их происхождение. Так, «каждая правовая система стремится выразить определенное восприятие мира и

отражает определенный способ понимания справедливости и эффективного воздействия на социальные отношения»¹⁶. Е. В. Скурко одним из важных признаков принципов признает их взаимосвязь с моральными ценностями и обобщающими правилами, существующими в правовом сознании и мышлении, которые позволяют определить границы и формы перехода: общественных отношений — в правовые отношения, фактов и событий — в юридические факты и субъективные права¹⁷. Поддержим позицию А. И. Клименко, в соответствии с которой принципами является абстрактное требование руководствоваться в своих оценках и действиях правовой ценностью. Согласимся также с позицией А. И. Клименко и других исследователей, которые различают понятия «правовой принцип» и «принцип права». Можно указать и на еще более специальные юридические, законодательные принципы в зависимости от их места и способа формализации, однако не все ценности и принципы правового значения формализуются, становятся правовыми принципами в связи с соотношением права и закона¹⁸, эту «погрешность» следует определить как предмет отдельного исследования.

Правовая ценность является конвенциональной ценностью, продуктом согласования интересов различных социальных факторов в процессе правового дискурса, поскольку формируется, наряду с принципами в современном обществе, путем взаимных уступок в контексте социальных противоречий¹⁹. Однако сложно признать однозначным для установления сути принципов и их корреляции с общими интересами положение о том, что система «конвенциональных принципов и ценностей» формируется с позиций «классовой теории как

¹¹ *Гарашко А. Ю.* Соотношение норм права и принципов права в правовой системе: первичность происхождения // *Advances in Law Studies*. 2021. Т. 8. № 4.

¹² *Мальцев Г. В.* Указ. соч. С. 661, 662 ; *Кузнецова О. А.* Указ. соч. С. 47.

¹³ *Кожокар И. П.* Технично-юридические дефекты в российском праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. С. 217.

¹⁴ *Кузнецова О. А.* Указ. соч. С. 43, 44.

¹⁵ *Грибанов В. П.* Принципы осуществления гражданских прав // *Осуществление и защита гражданских прав*. М., 2000. С. 215.

¹⁶ *David R.* The Methods of Unification // *American Journal of Comparative Law*. 1968. No. 16. P. 14.

¹⁷ *Скурко Е. В.* Принципы права. М. : Ось-89, 2008. С. 26.

¹⁸ *Клименко А. И.* Правовые ценности и принципы как содержательное основание законодательства современного государства // *Юридическая техника*. 2020. № 14. С. 167. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-tsennosti-i-printsipy-kak-soderzhatelnoe-osnovanie-zakonodatelstva-sovremennogo-gosudarstva> (дата обращения: 10.07.2022).

¹⁹ *Клименко А. И.* Указ. соч. С. 167.

дискурсивная форма классовой борьбы»²⁰. Классы как социальные группы возможно выделять в зависимости от интересов, объединяющих индивидов, поэтому критерия «объект интереса» будет достаточно, поскольку социальная структура общества с очевидностью не ограничивается экономическим социальным расслоением. Интерес будет идентифицировать группу и определять цели и средства получения благ, которые детерминируют социально-правовые дискурсы, порождающие «конвенциональные принципы и ценности».

В правовой системе принципы занимают место между общесоциальными интересами, именуемыми в праве публичными, и идеологией, которая выступает источником формирования принципов, дискуссией в системе «человек — общество — государство» (по сути, той конвенциональной правовой волей, которая становится основополагающей в государстве с развитым гражданским обществом). На генезис принципов оказывают влияние морально-этические нормы общества. Так, признание приоритета общечеловеческих интересов в наибольшей мере повлияло на правовую систему²¹. Некоторые правовые принципы появляются в результате имущественного (экономического) оборота, политических, информационных отношений, отразившись в общесоциальных функциях права.

Исследуя сущность принципов с позиции социальных оснований права, В. Г. Мальцев указывает на то, что они отражают социальные закономерности и правила, объективные, устойчивые и повторяющиеся связи в социуме. Познание принципа — это познание естественных для социума законов. Познание закономерностей развития социума и человека является установлением объективных общественных принципов. Здесь и заложен первичный источник нормативности общественных принципов, которые нельзя выдумать и иерархическую ценностную значимость которых нельзя недооценивать. Один из важнейших тезисов в этом контексте, высказанных В. Г. Мальцевым, состоит в том, что каждая специфическая сфера деятельности нуждается в отборе ценностей и

построении на этой основе иерархии принципов, а несоблюдение иерархичности и ценностной структуры приводит к деформированию системы и выходу ее из строя²².

То есть если рассматривать принципы как закономерности функционирования социальной системы, то применительно к праву они должны учитывать среду функционирования и не должны избираться с точки зрения набора принципов и их иерархии. С целью недопущения усмотрения законодателя в выборе принципов необходимо установление детерминанты ценности принципов. Зачастую эту функцию выполняет Конституция. И если относительно иерархии принципов, закрепленных в Конституции и отраслевых нормативных актах, вопрос не стоит, то неоднозначными являются место и роль общепризнанных принципов и норм международного права, содержащихся в международных договорах, ратифицированных Российской Федерацией. Как указывает В. Г. Мальцев, в иерархии они выше юридических норм, установленных законодательством, но ставить их выше конституционных принципов оснований нет²³.

Все объективно выведенные из закономерностей функционирования общества принципы находятся в системном единстве, а нарушение или подмена значения одного из них либо нескольких приводит к искажению внутренних связей через регулирующее воздействие системы по отношению к среде. Такое положение приводит к дисбалансу законодательному, дисбалансу правовой системы и впоследствии может негативно влиять на социальные явления, приводя к их дестабилизации и неравновесию, к неэффективности правового регулирования. Поскольку регулирующее воздействие должно отражать концептуальные закономерности в социуме, легитимность структуры, дифференциация и иерархия принципов исключительно важны в правовой системе. Их объективная иерархичность в системе общественных ценностей и позволяет традиционно говорить о базовых (основополагающих, фундаментальных) принципах права (к которым порой относят свойства права) и правовых принципах (общеправовых, межотраслевых, отраслевых).

²⁰ Клименко А. И. Указ. соч. С. 168.

²¹ Колодий А. Ф. Социальная справедливость и ее проявление через отношения равенства и неравенства: теория, уроки государственно-административного социализма, перспективы : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.02. М., 1992. С. 71.

²² Мальцев Г. В. Указ. соч. С. 665.

²³ Мальцев Г. В., Указ. соч. С. 666.

Принимая за основу такую сущность принципов, их источники, обратимся к их взаимосвязи с нормами. Как правило, исследователи, определяя принципы, акцентируют внимание на закреплении, выражении их в норме права. Это осуществляется, по сути, по усмотрению законодателя, по различным подразумеваемым причинам, но с рациональной точки зрения — для правоприменения. Однако каким бы в итоге ни стал нормативный акт либо акт применения права, уполномоченный субъект, как указывает В. Г. Мальцев, по своим мотивам апеллирует к ценностным, общим закономерностям, выражающим нравственные нормы в данном обществе, либо прикрывается ими, чтобы продемонстрировать, что усмотрение либо решение продиктовано высокими принципами и нравственно аргументировано²⁴.

Согласимся с аргументами, что закрепление принципов в нормах зависит от степени их обобщения и, соответственно, иерархии, поэтому нормативному отражению подлежат те, которые имеют конкретное юридическое содержание: конституционные и международные принципы права, межотраслевые и отраслевые принципы права²⁵.

Нормативный характер принципов как имманентных метанорм социальной системы имеет и морально-этическое (нравственное), и рациональное происхождение. Принципы являются условно обязательными для правообразования, процесса создания и концептуализации норм права²⁶, хотя и могут по усмотрению законодателя или правоприменителя не учитываться в системе и иерархии, а также позволяют проводить корректировку законодательных норм через конституционные²⁷. Поскольку источником нормативности принципов является не право, а сама социальная реальность, соответствие интересов социальных и правовых (традиционно называемых законными) позволяет оценивать равновесие между социальной и правовой реальностью. Поэтому их обязательность (детерминирующая формальную

обязательность) продиктована объективной социальной закономерностью: познанной, еще не познанной или не учтенной в правосознании и/или идеологии. В соответствии с позицией Конституционного Суда РФ, обязательность базовых принципов права, обладающих высшей степенью нормативной обобщенности, основывается на приоритете над другими правовыми установлениями²⁸.

Говоря о принципах, следует различать индивидуальную нормативность и обязательность и публичную (общественную) (право позволяет нормативности стать обязательной для всех, в определенных случаях принудительно). Индивид всегда свободен в усмотрении действий, однако в иных, кроме права, социальных регуляторах наступают лишь нравственные последствия, если он к ним вообще восприимчив. Брать за основу тот тезис, что поведение всех индивидов будет ограничено их нравственной свободой при реализации своих интересов, очевидно, было бы ошибочным. Однако и не учитывать тот факт, что нравственная свобода не может быть одной из основ социального регулирования, было бы другой крайностью, в таком случае право утратило бы свою инструментальную регулятивную и социальную ценность. Эти дихотомические особенности социокультурной действительности и то, что индивид по своей социальной природе в состоянии противостояния интересов склонен к консенсусу или компромиссу, в крайнем случае — к конформизму, а также к определенности (что и склоняет индивидов к нравственному взаимодействию), в правовом механизме позволило индивидам и их общностям иметь гарантируемую меру и способы достижения справедливости и определенности, а также справедливую степень ограничения свободы социального действия. Так, закономерности функционирования социума, в которых проявлены социальные интересы, являются основой правогенеза. Среди форм возникновения права описанные выше закономерности в первую

²⁴ Мальцев В. Г. Указ. соч. С. 667.

²⁵ Тарасов И. П. Принципы права: дескриптивные абстракции или руководящие организационные начала // Государство и право: теория и практика: материалы Международной заочной научной конференции (г. Челябинск, апрель 2011 г.) / под общ. ред. Г. Д. Ахметовой. Челябинск: Два комсомольца, 2011. С. 27–30.

²⁶ Тарасов И. П. Указ. соч. С. 29.

²⁷ Гаджиев Г. А. Предмет конституционной экономики // Очерки конституционной экономики. 23 октября 2009 г.: сборник статей / отв. ред. Г. А. Гаджиев. М.: Юстицинформ, 2009. С. 71.

²⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.1993 № 1-П // Российская газета. 13.04.1993. № 70.

очередь влияют на правообразование, отражаясь на мировоззренческом уровне, а затем в идеологическом элементе правовой системы, правотворчестве, и должны быть отражены в законотворческой деятельности. Поэтому согласимся с тезисом, высказанным И. П. Тарасовым, что «принципы права, так же как и максимы морального поведения, относятся к логическому классу метанорм, только это метанормы, которые применяются не индивидом или частным лицом, а государством и должностными лицами»²⁹.

Сформированные в обществе и отраженные в правовом сознании принципы обычно передают содержание публичных интересов фундаментального и специального, юридически значимого характера, объектом которых являются ценности (блага) разного характера. Если на дальнейших этапах правообразования данные принципы отражают приоритетные фундаментальные нравственные закономерности социального взаимодействия (например, справедливость как определенный способ социальной кооперации и взаимного уравнивания интересов, дистрибутивная или уравнивающая справедливость), то принятые нормы права обладают характеристикой общепризнанности, исполнимости, а право становится органичным и эффективным регулятором. Законодательство будет неэффективным, если в нем не будут учтены необходимые правообразующие факторы. К ним относят и доктринальные правовые идеи, связанные с правообразовательным процессом³⁰, и необходимость единообразного нормативного урегулирования отношений, касающихся разработки концепции будущего правового документа и его последующей социализации³¹.

Своеобразно суть принципов права сформулирована В. В. Ершовым, который рассматривает их как самостоятельные основополагающие формы российского права, определяющие его

сущность и обеспечивающие баланс российского права, взаимосвязь и целостность его элементов. Если сложно назвать однозначным категориальное отнесение принципов к формам права, то следует поддержать идею необходимости обеспечения баланса и того, что принципы российского права должны зависеть не от субъективного усмотрения законодателя, а от объективно существующих и изменяющихся общественных отношений³².

В. В. Кулаков относит принципы права к самостоятельной форме права, отличной от нормативных судебных прецедентов, нормативных правовых актов и нормативных договоров, которые имеют несколько иное назначение — организацию правового регулирования³³.

В контексте принципов как источников права сложно признать однозначной позицию А. В. Смирновой, состоящую в том, что принципы служат критерием соответствия позитивного законодательства праву как государственной воле общества³⁴. Термин «государственная воля общества» является некорректным, совмещающим в себе дихотомические явления: государство либо обеспечит и выразит нормативно публичный интерес, либо будет руководствоваться иными интересами, например интересами определенной группы, не совпадающими с публичными, вследствие чего система и иерархия принципов не будут действительными.

Примечательные концептуальные положения в отношении формирования источников права через социальные факторы, потребности и ценности представил А. Ю. Калинин. Исследуя правообразовательный процесс, автор выделяет внутренние источники права как способность общества к нормативному воспроизведению своей ценностной системы (идеальное отражение потребностей общества в нормах права). Волевая работа общества (его отдельных социальных групп) по утверждению своей ценностной системы является искусственным

²⁹ Тарасов И. П. Указ. соч. С. 29.

³⁰ Соколова А. А. Социальные аспекты правообразования. Минск, 2003. С. 88 ; Трофимов В. В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект / под ред. Н. А. Придворова. Саратов, 2009 ; Калинин А. Ю. Методологические основы изучения процессов формирования права в России. М., 2009.

³¹ Смирнова А. В. Принципы права в системе источников современного российского права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 63.

³² Ершов В. В. Правовая природа принципов российского права: теоретические и практические аспекты // Российский судья. 2009. № 5. С. 13–18.

³³ Кулаков В. В. Принципы семейного права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 17.

³⁴ Смирнова А. В. Указ. соч. С. 7.

ценностным отбором. Влияние политических, экономических и социальных факторов на воспроизводство ценностей в нормативном поведении является естественным ценностным отбором. Их сочетание и составляет механизм работы внутреннего источника права как составной части правообразования³⁵.

Соответствующая неоднозначность в рамках исследования источников права может быть разрешена посредством концепции правообразования, которая позволяет выделять истоки (правообразующие факторы), источники (воля субъекта правообразования) и формы права³⁶. Кроме того, невзирая на то, что принцип — абстрактное положение, он имеет свое, пусть и обобщенное, содержание, поэтому, отображаясь в формальных источниках права, лишь приобретает свою форму, но формой права не является. Принципы есть само право в одном из его проявлений, в данном случае на уровне идеологическом, то есть в правопонимании, правосознании, правовой культуре, правовой доктрине, а также на уровне правообразования.

В. В. Ершовым отстаивается и позиция, согласно которой принципы определены не как начала или идеи, а как средства правового регулирования общественных отношений, объективно существующие элементы системы права. В то же время исследователь признает за ними роль путевода, «дорожной карты» для правотворческих органов, которые в процессе своей деятельности их конкретизируют и вырабатывают нормы права³⁷.

В связи с изложенным следует отметить, что описанная выше неоднозначность в доктрине права в отношении принципов связана с их сложной природой и многозначностью воздействия через идеологическую составляющую правовой системы, и лишь кажущееся противоречие может быть преодолено, если кроме

аксиологических, волевых, идеологических характеристик принять во внимание инструментальную роль этих правовых явлений в рамках механизма правового регулирования. Учитывая то, что средства правового регулирования являются инструментами воздействия права, которые применяются с целью достижения определенных результатов при решении стоящих перед обществом и государством социальных задач и проблем³⁸, можно заключить, что и отрицать регулирующее воздействие принципов нет оснований, однако осуществляется оно не всегда непосредственно, а зачастую опосредованно, через иные специальные средства, которые созданы на основе принципа. Одновременно и свойства начал, идей имманентны принципам в праве, поскольку они, являясь конвенциональными явлениями, оказывают правообразующее воздействие, а соответственно, в последующем и влияние через действие права в рамках механизма правового регулирования.

Достаточно распространено также аксиологическое понимание принципов, но значимым в дискурсе о принципах в праве является определение характеристики принципов, в которых, как было отмечено выше, объективируются публичные интересы как интерсубъективные, социокультурные продукты и их объекты социально-ценностного значения. Односторонний и противоречивый характер идеалистического или утилитарно-психологического подхода к природе ценностей может быть преодолен в рамках социокультурного подхода, в котором ценности по отношению к индивидуальному сознанию и деятельности имеют объективный характер, являясь продуктом жизнедеятельности социальных групп и общностей³⁹.

Поскольку объектом интереса в праве является конвенциональная правовая ценность, их статус приобретают различные материальные и

³⁵ Калинин А. Ю. Правообразование в России: понятийно-категориальный и структурно-функциональный состав (историко-теоретическое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2010. С. 83. URL: <https://www.dissercat.com/content/pravoobrazovanie-v-Rossii-ponyatiino-kategorialnyi-i-strukturno-funktsionalnyi-sostav-istori+&cd=9&hl=uk&ct=clnk&gl=ua> (дата обращения: 10.07.2022).

³⁶ Спирин М. Ю. Соотношение истока права, источника права и формы права с позиции волевой концепции правообразования // Закон. 2018. Апрель. С. 23.

³⁷ Ершов В. В. Современные теоретические и практические проблемы правопонимания, правотворчества и правоприменения // Российское правосудие. 2016. № 9 (125). С. 15.

³⁸ Сапун В. А., Турбова Я. В. Инструментальная природа права и правовые средства как элементы юридической техники // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3. С. 180.

³⁹ Кузнецова Е. Г. Диагностика ценностей подростков как фактор развития взаимодействия семьи и школы : дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2012. С. 42–43.

идеальные объекты и явления. Правовые ценности лежат в основе права и правопорядка, выступают идеальным обоснованием норм права, закрепляются в правовых нормах и охраняются ими, раскрывают цель права и его институтов⁴⁰. Однако существенным критерием построения иерархии принципов в праве является степень обобщения посредством принципа определенной ценности в праве. А. Пеценик указывает на «ценностные принципы» (ценность, которую заключают принципы, состоит в создании критериев оценки) и различия принципов и ценностей: первые определяют обязательность, а вторые — лучшее⁴¹. В этом отношении «ценностные» (либо общесоциальные) принципы определяют конвенциональное должное, правовые принципы — ценностную рациональность в реализации общих интересов, а принципы права — целерациональность, сущее в праве, нормативное и формально обязательное. В этой системе также существуют бесспорно важные феномены, которые однозначно отнести к указанным группам сложно. Речь идет о правовой определенности и пропорциональности.

В. В. Ершов приходит к выводу, что «теоретически дискуссионно, а практически контрпродуктивно относить “правовую определенность” к принципам права». На этом основании ученый считает, что понятие «принцип правовой определенности», выработанное ЕСПЧ, небесспорно⁴². В отношении определенности права М. В. Пресняков считает, что как таковой ее не существует, по сути своей она является свойством, качеством или признаком чего-либо⁴³. Правовая определенность балансирует между основными конституционными принципами, являясь результатом их взаимодействия, а также взаимоограничения; по сравнению с принципами права правовую определенность нельзя применить непосредственным образом. Выражая общесоциальную сущность права, справедливость также является его неотъемлемым и обязательным свойством, выступая при

этом одним из основных принципов права⁴⁴. Представляется, что указанные свойства права отражают его разные стороны. Справедливость имеет телеологические свойства, а определенность — инструментальные.

Безусловно, существует определенная иерархия принципов, в соответствии с которой можно выделить базовые принципы, к которым относятся как предлагаемая М. В. Пресняковым справедливость, так и правовая определенность. Е. В. Дробышева считает, что принцип правовой определенности служит основой для ряда других принципов, имеет свои границы и может быть ограничен справедливостью⁴⁵. Справедливость как межсубъектная конвенциональная ценность, отражающая всеобщий интерес, имея свои формы, средства достижения и критерии оценки, не должна уничтожаться в угоду определенности, формальности, законности.

В любом социуме с развитым гражданским обществом справедливость в получении и распределении различных благ на основаниях нравственной свободы является наивысшей ценностью межличностного характера, отражающей общесоциальный смысл права. Право становится закономерным последствием самоорганизации социума как системы синергетического характера. Социуму как неравновесной системе присущи свойства самоорганизации и саморазвития, независимо от внешних факторов. Из любого состояния неравновесия социум выходит в процессе самоорганизации, вырабатывая правила взаимодействия в результате социальной коммуникации. Одной из закономерностей функционирования синергетических систем является способность к кооперации, согласованность взаимодействия, в результате которой вырабатываются способы распределения благ и управления. Одним из этих правил становится справедливость как уровень согласия относительно принципов, по которым происходит взаимодействие в социуме. Эти принципы могут стихийно или произвольно изменяться,

⁴⁰ Пономаренко Е. И. Структура правового интереса: теоретико-правовой аспект // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2017. Т. 17, № 4. С. 111.

⁴¹ Peczenik A. On Law and Reason. Springer, 2008. P. 61.

⁴² Ершов В. В. «Принцип правовой определенности» или правовая категория «определенность права»? // Российское правосудие. 2016. № 1s. С. 99.

⁴³ Пресняков М. В. Правовая определенность как качество права // Гражданин и право. 2012. № 10. С. 23.

⁴⁴ Дробышева Е. В. Конституционно-правовое регулирование изменения состава субъектов Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2009. С. 86.

⁴⁵ Дробышева Е. В. Указ. соч. С. 88.

но конкретное понимание справедливости зависит от того, какие правила (привычки, устои) установились в данном сообществе.

Но именно право как один из социальных регуляторов имеет свойство определенности, а отсюда и формальной определенности, обязательности, последовательности, предсказуемости. Благодаря этому свойству справедливость, какой бы она ни была принята эволюционно, из должного способна трансформироваться в существе. Поэтому уравновешенное сочетание в праве как социальном регуляторе таких ценностей, как справедливость и его свойство определенности, является отражением общих интересов, что, собственно, и стало причиной возникновения права как такового и ею остается.

Любая несбалансированность этих ценностей в позитивном праве приводит к накоплению энтропии в социуме, правовым аномиям, непризнанию установленных нормативных предписаний, в такой ситуации правопорядок поддерживается посредством принуждения. При наличии страха принуждения у значительной части общества объективно сложно оценить и степень реального принятия (легитимности) действующего правопорядка, и сам паттерн легитимации, однако, основываясь на понимании синергетических закономерностей, это (непринятие, но соблюдение) можно с большой вероятностью предполагать. Насильственный образ совмещения системных потребностей с легитимными образами приводит к деградации системы⁴⁶, а людей — к желанию уничтожить системное единство и его управление⁴⁷.

В отношении иерархии принципов в праве еще раз отметим, что, определяя ее, не следует недооценивать разделение категорий «принципы права» и «правовые принципы». Основополагающие закономерности социального взаимодействия, описанные выше, и другие, отражающие значение человека (гуманизм, равенство, свобода и т.д.), являются теми, в которых отражено предназначение права. Соответствующие ценности, охраняемые правом (экономические, политические, нравственные, идеологические ценности, которые порой называют общесоциальными принципами в пра-

ве и которые с точки зрения функционального подхода являются сформированными общими интересами на основах принятой в конкретном обществе формы справедливости), как правило, конституционализируются на уровне законодательства отдельных государств, а также закрепляются на международном уровне с регулятивной, охранительной целью. При нормативно-правовом регулировании отдельных отношений основные идеи, положенные в его основу, порождают уже специальные инструменты достижения справедливости, становятся правовыми (специальными юридическими) принципами. Они изменчивы, зависят и от *устоев* общества на момент развития, и от динамики отношений. Независимо от типа принципов в праве они являются формой выражения публичных (общих) интересов, а их взаимодействием между собой и соотношением с частными интересами обуславливается поиск средств оценки их справедливого соотношения, посредством чего транслируется телеологическое значение права.

Оценивая соотношение интересов на предмет их справедливости, можно говорить о бессодержательных принципах инструментального характера, одним из которых является принцип пропорциональности (соразмерности, взвешивания), позволяющий оценивать правомерность приоритета как между базовыми принципами права, так и между базовыми и правовыми принципами, а также в правоприменительной ситуации контекстуально оценить правильность выбора приоритета одного из них для обеспечения защиты частного интереса. Подобная иерархия позволяет в дискурсе определить цель высшего характера, ради которой осуществляется приоритет одного из интересов. Подобная гипотеза позволяет выделить справедливость на каждом уровне принципов не как удовлетворение потребности, а как ее определенную меру с учетом дискурса. Чаще в правоведении принято говорить о таком типе дискурса как о мотивировке и обосновании ограничения осуществления субъективного права, находящегося в конкурентном соотношении с публичным или другим частным интересом.

⁴⁶ Скиперских А. В. Легитимация и делегитимация постсоветских политических режимов : монография. Елец, 2006. С. 113.

⁴⁷ Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Структуры и институты. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 129–131.

Для выявления задействованных интересов и возможностей их справедливой реализации в определенном соотношении, правового регулирования определенных отношений и оценки реализации существует общий интерес интерпретационного значения, по сути, базовая потребность в самом дискурсе. Он должен быть обеспечен на уровне правотворчества. Как справедливо указывает Г. Т. Чернобель, применительно к законотворческому процессу можно говорить о правовой мотивации как о его особой логической стадии, детерминирующей содержание правовых нормативов, поскольку любую целесообразную волю необходимо обосновать и указать мотивационные факторы. Без такого логического, последовательного, гласного основания функционирование законодательства не будет эффективным. На этом этапе важным является выявление общественного мнения через проведение всенародных правовых опросов как одной из форм внепарламентского обсуждения законопроектов, через разработку специальных методических рекомендаций по применению апробированных способов, приемов по выявлению мотивации и, как следствие, необходимости. Мотивация в данном случае должна быть рассмотрена не как причина, а как обоснование, на базе которого и выстраиваются законодательные ограничения и соответствующие приоритеты⁴⁸.

Особого научного внимания в таком правовом дискурсе заслуживает критерий ограничения одного из принципов в праве как основания ограничения в реализации интереса и осуществлении субъективного права, на обеспечение которых этот принцип направлен по своему предназначению. Критерием этого ограничения является конкурирующий в определенной юридической ситуации иной интерес; законодатель либо правоприменитель должен в зависимости от обстоятельств определить приоритет одного из них. Установление конкурирующих, противостоящих интересов и соответствующих им принципов в такой ситуации является первоочередным, что позволит выявить цель большей значимости, для достижения которой устанавливается ограничение. Международное правовое сообщество разработало и апробировало соответствующий инструментарий,

который позволяет достичь справедливого баланса интересов при условии обоснования достижения цели, которая имеет общую и наибольшую значимость. Принцип соблюдения пропорциональности или соразмерности публичных и частных интересов, их баланса либо взвешивания за последние десятилетия был синтезирован из судебной практики и возымел фундаментальное ценностное значение. Императив пропорциональности соотношения используемых мер и цели ограничения состоит в том, чтобы приоритетом одной ценности не уничтожалась другая⁴⁹. В свою очередь, с точки зрения реализации охранительной функции права должна идти речь о достаточно определенных правилах применения усмотрения суда, а соответствующие инструменты пропорциональности должны быть предсказуемыми и поддающимися переосмыслению.

Принципы права представляют собой объективные установленные закономерности взаимодействия индивидов, сформированные в рамках аксиологического уровня самоорганизации системы общества на основе нравственной свободы как оптимальной общей конвенциональной ценности, выражающей справедливость как интерессубъективное явление социокультурной реальности. В зависимости от степени обобщения и значимости социокультурных ценностей (благ), входящих в содержание принципов, в праве они составляют определенную иерархию, основанную на объективных критериях. Важнейшие ценностные (общие) принципы социального взаимодействия для динамичного и равновесного развития общества должны найти в праве свои средства реализации, по отношению к которым правовые принципы являются некими средствами. Целью общих принципов права является имплементация ценности в правовую действительность. Именно общие принципы отражают предназначение права как особого социального регулятора, а определенность права отражает его особенность (специфичность) по сравнению с другими регуляторами.

Принципы в праве выражают публичные (общие) интересы и должны быть критериями любой формы правотворчества. Содержанием таких общесоциальных публичных интересов

⁴⁸ Чернобель Г. Т. Правовые принципы как идеологическая парадигма // Журнал российского права. 2010. С. 85. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-printsipy-kak-ideologicheskaya-paradigma> (дата обращения: 10.07.2022).

⁴⁹ Avila H. B. Theory of legal principles. Springer, 2007. P. 111, 115.

являются конвенциональные блага и ценности, они же определяют содержание правообразующей воли, которая является источником права. В этой связи принципы права и правовые принципы являются одной из форм существования и реализации публичных интересов. В принципах интересы выступают закономерностями, возникшими в результате социального взаимодействия, которые в последующем усовершенствуются в рамках правообразовательного процесса.

Принципы как явление высокой степени абстракции имеют свое содержание, а отображаясь в формальных источниках права, приобретают свою форму существования и реализации через конкретизацию средств, но формой права не являются. Принципы есть само право в одном из его проявлений, в данном случае на уровне идеологическом, то есть в правовом понимании, правосознании, правовой культуре, правовой доктрине, а также на уровне правообразования. В этой форме право осуществляется, влияя на содержание правовых норм, правовых статусов, правовых отношений, правовых режимов, правовых процедур.

Принципам в праве имманентны свойства начал, идей, поскольку они, являясь конвенциональными явлениями, оказывают правообразующее воздействие, а соответственно, в последующем и влияние через действие права

в рамках механизма правового регулирования. Принципы не осуществляют регулирование отношений, однако воздействуют на них через иные специальные средства, которые созданы на основе принципа, а также непосредственно — в ходе интерпретационной деятельности правоприменителя.

Поскольку система правовых (юридических) принципов отражает наиболее общие и важные для социума сформулированные интересы, они нормами не являются, но в нормах права должны иметь пути своей реализации в той конвенциональной форме, которой удалось достичь в социально-правовом дискурсе. Правовая модель принципов должна соответствовать социальным потребностям и интересам, поэтому она не статична. Независимо от степени обобщения принципа, конкретизации его содержания в нормативных предписаниях любой из них в определенном соотношении предлагает разновариантный инструментарий регулирующего воздействия. Каждое из этих соотношений следует оценивать с позиции правильности лишь в конкретной ситуации, поэтому в системе принципов отдельное место занимают интерпретационные принципы (принципы правового дискурса), позволяющие определить обоснованность приоритета одного из публичных интересов, которые объективированы в конкретном принципе.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арбитражный процесс : учебник для студ. юрид. вузов и ф-тов / под ред. М. К. Треушникова. — 7-е изд., перераб. — М., 2020. — 672 с.
2. Бошно С. В. Теория государства и права : учебник. — 3-е изд., перераб. — М., 2018. — 489 с.
3. Войничанис Е. А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости. — М. : Юриспруденция, 2013. — 552 с.
4. Гаджиев Г. А. Предмет конституционной экономики // Очерки конституционной экономики. 23 октября 2009 г. / отв. ред. Г. А. Гаджиев. — М. : Юстицинформ, 2009. — С. 37–91.
5. Гарашко А. Ю. Соотношение норм права и принципов права в правовой системе: первичность происхождения // *Advances in Law Studies*. — 2021. — Т. 8. — № 4. — С. 6–10.
6. Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2021. — 736 с.
7. Гражданское право : учебник : в 4 т. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2019. — 720 с.
8. Грибанов В. П. Принципы осуществления гражданских прав // Осуществление и защита гражданских прав. — М., 2000. — 410 с.
9. Дробышева Е. В. Конституционно-правовое регулирование изменения состава субъектов Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2009. — 206 с.
10. Ершов В. В. Правовая природа принципов российского права: теоретические и практические аспекты // *Российский судья*. — 2009. — № 5. — С. 13–18.
11. Ершов В. В. «Принцип правовой определенности» или правовая категория «определенность права»? // *Российское правосудие*. — 2016. — № 1s. — С. 80–100.

12. Ершов В. В. Современные теоретические и практические проблемы правопонимания, правотворчества и правоприменения // Российское правосудие. — 2016. — № 9 (125). — С. 14–17.
13. Калинин А. Ю. Правообразование в России: понятийно-категориальный и структурно-функциональный состав (историко-теоретическое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 2010. — 23 с.
14. Клименко А. И. Правовые ценности и принципы как содержательное основание законодательства современного государства // Юридическая техника. — 2020. — № 14. — С. 167–169.
15. Кожочарь И. П. Техничко-юридические дефекты в российском праве : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2020. — 414 с.
16. Колодий А. Ф. Социальная справедливость и ее проявление через отношения равенства и неравенства: теория, уроки государственно-административного социализма, перспективы : дис. ... д-ра филос. наук. — М., 1992. — 407 с.
17. Комиссарова Е. Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства. — Тюмень, 2001. — 215 с.
18. Кузнецова Е. Г. Диагностика ценностей подростков как фактор развития взаимодействия семьи и школы : дис. ... канд. пед. наук. — Оренбург, 2012. — 294 с.
19. Кузнецова О. А. Нормы-принципы российского гражданского права. — М. : Статут, 2006. — 269 с.
20. Кулаков В. В. Принципы семейного права // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 5. — С. 16–19.
21. Лейбниц Г. В. Сочинения : в 4 т. Т. 2. — М., 1984. — 734 с.
22. Мальцев Г. В. Социальные основания права. — М. : Норма, 2007. — 800 с.
23. Пономаренко Е. И. Структура правового интереса: теоретико-правовой аспект // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». — 2017. — Т. 17. — № 4. — С. 111–121.
24. Пресняков М. В. Правовая определенность как качество права // Гражданин и право. — 2012. — № 10. — С. 20–35.
25. Радько Т. Н., Лазарев В. В., Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник для бакалавров. — М., 2019. — 562 с.
26. Сапун В. А., Турбова Я. В. Инструментальная природа права и правовые средства как элементы юридической техники // Ленинградский юридический журнал. — 2010. — № 3. — С. 178–187.
27. Скиперских А. В. Легитимация и делегитимация постсоветских политических режимов : монография. — Елец, 2006. — 142 с.
28. Скурко Е. В. Принципы права. — М. : Ось-89, 2008. — 189 с.
29. Смирнов Д. А. Нетипичные нормативно-правовые предписания в системе трудового права. — М., 2015. — 153 с.
30. Смирнова А. В. Принципы права в системе источников современного российского права : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2020. — 188 с.
31. Соколова А. А. Принципы правообразования: проблемы правовой институционализации // Принципы права: проблемы теории и практики : материалы XI Международной научно-практической конференции : в 2 ч. Ч. 1. — М. : РГУП, 2017. — С. 90–101.
32. Спирин М. Ю. Соотношение истока права, источника права и формы права с позиции волевой концепции правообразования // Закон. — 2018. — Апрель. — С. 23–28.
33. Тарасов И. П. Принципы права: дескриптивные абстракции или руководящие организационные начала // Государство и право: теория и практика : материалы Международной заочной научной конференции (г. Челябинск, апрель 2011 г.) / под общ. ред. Г. Д. Ахметовой. — Челябинск : Два комсомольца, 2011. — С. 28–30.
34. Теория государства и права : учебник для акад. бакалавриата / В. В. Лазарев, С. В. Липень. — 5-е изд., испр. и доп. — М., 2019. — 432 с.
35. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Структуры и институты. — 1993. — Т. 1. — Вып. 2. — С. 123–136.
36. Червонюк В. И. Принципы права в структуре правовых регуляторов: методологические подходы к пониманию принципов права в дискурсе отечественной юриспруденции // Государство и право. — 2021. — № 10. — С. 86–96.
37. Чернобель Г. Т. Правовые принципы как идеологическая парадигма // Журнал российского права. — 2010. — № 1. — С. 84–94.
38. Чернов А. К. Принцип равенства: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Самара, 2003. — 31 с.
39. Юридический энциклопедический словарь / под ред. А. В. Малько. — 2-е изд. — М., 2021. — 1129 с.
40. David R. The Methods of Unification // American Journal of Comparative Law. — 1968. — No. 16. — P. 12–16.
41. Peczenik A. On Law and Reason. — Springer, 2008. — 188 p.

Материал поступил в редакцию 10 июля 2022 г.

REFERENCES

1. Treushnikova MK, editor. Arbitrazhnyy protsess: uchebnik dlya stud. yurid. vuzov i f-tov [Arbitration procedure: A textbook for law students]. 7th ed., rev. Moscow; 2020. (In Russ.).
2. Boshno SV. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik [Theory of State and law: A textbook]. 3rd ed., rev. Moscow; 2018. (In Russ.).
3. Voynikanis EA. Pravo intellektualnoy sobstvennosti v tsifrovuyu epokhu: paradigma balansa i gibkosti [Intellectual property law in the Digital age: A paradigm of balance and flexibility]. Moscow: Yurisprudentsiya Publ.; 2013. (In Russ.).
4. Gadzhiev GA. Predmet konstitutsionnoy ekonomiki [The subject of constitutional economics]. In: Gadzhiev GA, editor. Ocherki konstitutsionnoy ekonomiki. 23 oktyabrya 2009 g. [Essays on Constitutional Economics. October 23, 2009]. Moscow: Yustitsinform Publ.; 2009. (In Russ.).
5. Garashko AYu. Sootnoshenie norm prava i printsipov prava v pravovoy sisteme: pervichnost proiskhozhdeniya [Correlation of legal norms and principles of law in the legal system: Primacy of origin]. *Advances in Law Studies*. 2021;8(4):6-10. (In Russ.).
6. Sergeev AP, editor. Grazhdanskoe pravo: uchebnik [Civil law: A textbook]. In 3 vols. Vol. 1. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow; 2021. (In Russ.).
7. Sukhanov EA, editor. Grazhdanskoe pravo: uchebnik [Civil Law: A textbook]. In 4 vols. Vol. 1. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow; 2019. (In Russ.).
8. Gribanov VP. Printsipy osushchestvleniya grazhdanskikh prav [Principles of civil rights implementation]. In: Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav [Exercise and protection of civil rights]. Moscow; 2000. (In Russ.).
9. Drobysheva EV. Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie izmeneniya sostava subektov Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk [Constitutional and legal regulation of changes in the composition of the constituent entities of the Russian Federation. Cand. Sci. (Law) Thesis]. Chelyabinsk; 2009. (In Russ.).
10. Ershov VV. Pravovaya priroda printsipov rossiyskogo prava: teoreticheskie i prakticheskie aspekty [Legal nature of the principles of Russian law: Theoretical and practical aspects]. *Rossiyskiy sudya [Russian judge]*. 2009;5:13-18. (In Russ.).
11. Ershov VV. «Printsip pravovoy opredelennosti» ili pravovaya kategoriya «opredelennost prava»? [«The principle of legal certainty» or the legal category «certainty of law»?]. *Rossiyskoe pravosudie [Russian justice]*. 2016;1s:80-100. (In Russ.).
12. Ershov VV. Sovremennye teoreticheskie i prakticheskie problemy pravoponimaniya, pravotvorchestva i pravoprimeneniya [Modern theoretical and practical problems of legal understanding, law-making and law enforcement]. *Rossiyskoe pravosudie [Russian justice]*. 2016;9(125):14-17. (In Russ.).
13. Kalinin AYu. Pravoobrazovanie v Rossii: ponyatiyno-kategorialnyy i strukturno-funktionalnyy sostav (istoriko-teoreticheskoe issledovanie): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Law formation in Russia: Conceptual Categorical and Structural functional composition (historical and theoretical research). Author's abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation]. St. Petersburg; 2010. (In Russ.).
14. Klimenko AI. Pravovye tsennosti i printsipy kak sodержatelnoe osnovanie zakonodatelstva sovremennogo gosudarstva [Legal values and principles as the substantive basis of the legislation of the modern state]. *Yuridicheskaya tekhnika [Legal writing]*. 2020;14:167-169. (In Russ.).
15. Kozhokar IP. Tekhniko-yuridicheskie defekty v rossiyskom prave: dis. ... d-ra yurid. nauk [Technical and legal defects in Russian law. Dr. Sci. (Law) Dissertation]. Moscow; 2020. (In Russ.).
16. Kolodiy AF. Sotsialnaya spravedlivost i ee proyavlenie cherez otnosheniya ravenstva i neravenstva: teoriya, uroki gosudarstvenno-administrativnogo sotsializma, perspektivy: dis. ... d-ra filos. nauk [Social justice and its manifestation through the relations of equality and inequality: Theory, lessons of state-administrative socialism, prospects. Dr. Sci. (Philosophy) Dissertation]. Moscow; 1992. (In Russ.).
17. Komisarova EG. Printsipy v prave i osnovnye nachala grazhdanskogo zakonodatelstva [Principles in law and the basic principles of civil legislation]. Tyumen; 2001. (In Russ.).
18. Kuznetsova EV. Diagnostika tsennostey podrostkov kak faktor razvitiya vzaimodeystviya semi i shkoly: dis. ... kand. ped. nauk [Diagnostics of adolescent values as a factor in the development of interaction between family and school. Cand. Sci. (Pedagogical Sciences) Thesis]. Orenburg; 2012. (In Russ.).
19. Kuznetsova OA. Normy-printsipy rossiyskogo grazhdanskogo prava [Norms and principles of Russian civil law]. Moscow; 2006. (In Russ.).

20. Kulakov VV. Printsipy semeynogo prava [Principles of family law]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 2017;5:16-19. (In Russ.).
21. Leybtits GV. Sochineniya: v 4 t. [Works in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow; 1984. (In Russ.).
22. Maltsev GV. Sotsialnye osnovaniya prava [Social foundations of law]. Moscow: Norma Publ.; 2007. (In Russ.).
23. Ponomarenko EI. Struktura pravovogo interesa: teoretiko-pravovoy aspekt [Structure of legal interest: theoretical and legal aspect]. *Vestnik YuUrGU. Seriya «Pravo» [Bulletin of the South Ural State University. Series «Law»]*. 2017;17(4):111-121. (In Russ.).
24. Presnyakov MV. Pravovaya opredelennost kak kachestvo prava [Legal certainty as a quality of law]. *Grazhdanin i pravo [Citizen and law]*. 2012;10:20-35. (In Russ.).
25. Radko TN, Lazarev VV, Morozova LA. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya bakalavrov [Theory of state and law: A textbook for Bachelor degree students]. Moscow; 2019. (In Russ.).
26. Sapun VA, Turbova YaV. Instrumentalnaya priroda prava i pravovye sredstva kak elementy yuridicheskoy tekhniki [The instrumental nature of law and legal means as elements of legal technique]. *Leningradskiy yuridicheskij zhurnal [Leningrad Law Journal]*. 2010;3:178-187. (In Russ.).
27. Skiperskikh AV. Legitimatsiya i delegitimatsiya postsovetских politicheskikh rezhimov: monografiya [Legitimation and delegitimization of post-Soviet political regimes: A monograph]. Elets; 2006. (In Russ.).
28. Skurko EV. Printsipy prava [Principles of law]. Moscow: Os-89 Publ.; 2008. (In Russ.).
29. Smirnov DA. Netipichnye normativno-pravovye predpisaniya v sisteme trudovogo prava [Atypical legal regulations in the system of labor law]. Moscow; 2015. (In Russ.).
30. Smirnova AV. Printsipy prava v sisteme istochnikov sovremennogo rossiyskogo prava: dis. ... kand. yurid. nauk [Principles of law in the system of sources of modern Russian law. Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2020. (In Russ.).
31. Sokolova AA. Printsipy pravoobrazovaniya: problemy pravovoy institutsionalizatsii [Principles of law formation: Problems of legal institutionalization]. Printsipy prava: problemy teorii i praktiki. Materialy XI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 2 ch. [Principles of law: Problems of theory and practice. Proceedings of the 11th International Scientific and Practical Conference. In two parts]. Part 1. Moscow: RGUP Publ.; 2017. Pp. 90–101. (In Russ.).
32. Spirin MYu. Sootnoshenie istoka prava, istochnika prava i formy prava s pozitsii volevoy kontseptsii pravoobrazovaniya [The correlation of the source of law, the source of law and the form of law from the position of the volitional concept of law formation]. *Zakon [Law]*. 2018;April:23-28. (In Russ.).
33. Tarasov IP. Printsipy prava: deskriptivnye abstraksii ili rukovodyashchie organizatsionnye nachala [Principles of law: descriptive abstractions or guiding organizational principles]. In: Akhmetov GD, editor. Gosudarstvo i pravo: teoriya i praktika: materialy mezhdunar. zaoch. nauch. konferentsii (g. Chelyabinsk, aprel 2011 g.) [State and Law: Theory and practice. Proceedings of the International Scientific Conference (Chelyabinsk, April 2011)]. Chelyabinsk: Dva komsomoltsa Publ.; 2011. Pp. 28–30. (In Russ.).
34. Lazarev VV, Lipen SV. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya akad. bakalavriata [Theory of state and law: A textbook for academies. Bachelor's degree]. 5th ed., rev. and suppl. Moscow; 2019. (In Russ.).
35. Habermas J. Otnosheniya mezhdru sistemoy i zhiznennym mirom v usloviyakh pozdnego kapitalizma [The relationship between the system and the life world in the conditions of late capitalism]. Teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsialnykh institutov i sistem. Struktury i instituty [Theory and history of economic and social institutions and systems. Structures and institutions]. 1993;1(2):123-136. (In Russ.).
36. Chervonyuk VI. Printsipy prava v strukture pravovykh regulyatorov: metodologicheskie podkhody k ponimaniyu printsipov prava v diskurse otechestvennoy yurisprudentsii [Principles of law in the structure of legal regulators: Methodological approaches to understanding the principles of law in domestic jurisprudence discourse]. *Gosudarstvo i Pravo [State and Law]*. 2021;10:86-96. (In Russ.).
37. Chernobel GT. Pravovye printsipy kak ideologicheskaya paradigma [Legal principles as an ideological paradigm]. *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian law]*. 2010;1:84-94. (In Russ.).
38. Chernov AK. Printsip ravenstva: teoretiko-pravovoy analiz: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [The principle of equality: Theoretical and legal analysis. Author's abstract of Cand. Sci. (Law) Thesis]. Samara; 2003. (In Russ.).
39. Malko AV, editor. Yuridicheskij entsiklopedicheskiy slovar [Legal encyclopedic dictionary]. 2nd ed. Moscow; 2021. (In Russ.).
40. David R. The Methods of Unification. *American Journal of Comparative Law*. 1968;16:12-16.
41. Peczenik A. On Law and Reason. Springer, 2008.

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.094-107

М. А. Куликов*

Технологии манипулирования целями в правовом регулировании: актуальные вопросы теории и практики

Аннотация. Манипулятивные технологии получили широкое распространение в различных сферах и активно используются в процессе правового регулирования общественных отношений. Игнорирование данной формы правового воздействия на социальные процессы представителями как теории права, так и отраслевых юридических наук может привести не только к необъективному пониманию отдельных этапов механизма правового регулирования, но и к очевидному нивелированию социальной обусловленности той юридической техники, которая используется в правотворческом, правореализационном и правоинтерпретационном процессах. Основное внимание в статье уделено понятию и признакам манипулирования как родового понятия, специфическим образом проявляющего себя в процессе правового воздействия на общественные отношения. Предлагаются авторские определения манипулирования и технологий манипулирования юридическими целями в правовом регулировании, а также сформированная концепция технологий манипулирования юридическими целями, которая включает в себя шесть групп ключевых приемов и способов, посредством которых субъект манипулятивного воздействия: а) формулирует и объективизирует юридические цели; б) использует уже существующие юридические цели, координируя поведение участников правоотношений в своих интересах; в) стимулирует объект управления к достижению поставленной цели посредством использования соответствующих юридических средств; г) ограничивает активность объекта управления, идущую вразрез с планами субъекта манипулирования. Аргументируется позиция, согласно которой манипулирование юридическими целями является правомерным поведением, распространенным способом осуществления публичной власти, социально обусловленной практикой правового регулирования и той правовой реальностью, которая стала закономерным этапом развития общественных отношений. Обосновывается тезис, что все технологии манипулирования юридическими целями опираются на правомерные стремления участников правоотношений, приводя тем не менее к реализации интересов субъекта манипулятивного воздействия за счет и в ущерб интересам объекта манипуляций. Несмотря на законность технологий манипулирования юридическими целями, они могут существенно снизить эффективность механизма правового регулирования за счет создания дисбаланса в сосуществовании интересов личности, общества и государства.

Ключевые слова: манипулирование юридическими целями; технологии манипулирования; юридическая цель; механизм правового регулирования; правовое воздействие; юридическое средство; интерес; правоотношение.

Для цитирования: Куликов М. А. Технологии манипулирования целями в правовом регулировании: актуальные вопросы теории и практики // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 9. — С. 94–107. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.094-107.

© Куликов М. А., 2022

* Куликов Михаил Алексеевич, кандидат юридических наук, заместитель руководителя международного бюро по кибербезопасности «Киберпол», докторант МГИМО МИД России
просп. Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454
Mikhail.a.kulikov@mail.ru

Goals Manipulation Technologies in Legal Regulation: Topical Issues of Theory and Practice

Mikhail A. Kulikov, Cand. Sci. (Law), Deputy Head of the International Cybersecurity Bureau «Cyberpol», Doctoral Candidate, MGIMO University
prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454
Mikhail.a.kulikov@mail.ru

Abstract. Manipulative technologies have become widespread in various fields and are used in the process of legal regulation of public relations. The fact that representatives the theory of law and branch legal sciences ignore this form of legal influence on social processes can lead not only to a biased understanding of certain stages of the mechanism of legal regulation, but also to an obvious leveling of the social conditionality of the legal technique used in law-making, law-realization and law interpretation processes. The paper gives the main focus to the concept and signs of manipulation as a generic concept that manifests itself in a specific way in the process of legal influence on public relations. The author proposes his definition of manipulation and technologies of manipulation of legal goals in legal regulation. The concept of technologies for manipulating legal goals is being formed. It includes six groups of key techniques and methods by which the subject of manipulative influence: a) formulates and objectifies legal goals; b) uses already existing legal goals, coordinating the behavior of participants in legal relations in their own interests; c) stimulates the management object to achieve the set goal through the use of appropriate legal means; d) restricts the activity of the management object that runs counter to the plans of the subject of manipulation. The paper argues the according to which manipulation of legal goals is legitimate behavior, a common way of exercising public power, socially conditioned practice of legal regulation and the legal reality, which is a natural stage in the development of public relations. It is proved that all technologies of manipulation of legal goals are based on legitimate aspirations of participants in legal relations, nevertheless leading to the realization of the interests of the subject of manipulative influence at the expense and to the detriment of the interests of the object of manipulation. Despite the legality of technologies for manipulating legal goals, they can significantly reduce the effectiveness of the mechanism of legal regulation by creating an imbalance in the coexistence of the interests of the individual, society and the state.

Keywords: manipulation of legal goals; manipulation technologies; legal goal; mechanism of legal regulation, legal impact, legal means, interest, legal relationship.

Cite as: Kulikov MA. Tekhnologii manipulirovaniya tselyami v pravovom regulirovanii: aktualnye voprosy teorii i praktiki [Goals Manipulation Technologies in Legal Regulation: Topical Issues of Theory and Practice]. *Lex russica*. 2022;75(9):94-107. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.094-107. (In Russ., abstract in Eng.)

Введение

Современная правовая жизнь с убедительностью свидетельствует о том, что возникновением и развитием новых социальных, политических, экономических, юридических и иных институтов и реалий обусловлены коренные изменения в правовом регулировании общественных отношений. Необходимо признать, что распространение манипулятивных технологий уже давно вышло за рамки их использования лишь в СМИ, политике, маркетинге и многих других сферах и в настоящее время общество столкнулось с *новой реальностью* — все возрастающим манипулированием юридическими целями и средствами для придания большей эффективности и социальной обусловленности правовому регулированию.

Фокусируясь на манипулировании юридическими целями, следует подчеркнуть, что данная

форма воздействия на общественные отношения заняла прочное место в правотворческом, правоприменительном и правореализационном процессах, не остается в стороне от использования манипулятивных технологий и формирование правовой доктрины, равно как и инструментарий правового воспитания и обучения.

Сказанное объясняет как актуальность детального исследования технологий манипулирования юридическими целями, так и опасность игнорирования сложившихся тенденций в механизме правового регулирования, существенным образом затрагивающих его потенциал, эффективность и социальную обусловленность.

Сущность манипулирования и его признаки

Несмотря на то, что манипулирование в правовом регулировании, за исключением отдель-

ных научных работ¹, находится в стороне от традиционных исследовательских интересов, можно выделить ключевые признаки манипулирования, которые остаются неизменными вне зависимости от сферы, в которой применяются данные способы воздействия на общественные отношения. Так, под манипулированием традиционно понимают форму духовного воздействия, скрытого господства, управления людьми, осуществляемого ненасильственным образом²; скрытое принуждение, программирование мыслей, намерений, чувств, отношений, установок, поведения³; скрытое применение власти, идущее вразрез с предполагаемой волей другого⁴, и т.д.

Предлагаем исходить из того, что **манипулирование** — это осуществляемое при помощи скрытой тактики или стратегии воздействие на поведение *объекта управления*, при котором он на основе имеющейся информации добровольно принимает решение, запланированное *субъектом управления*, вопреки своим истинным потребностям и интересам.

Считаем целесообразным выделять следующие ключевые *признаки* манипулирования в сфере правового регулирования.

1. Манипулирование — это разновидность *управления*, субъект-объектные отношения, складывающиеся в определенном социокультурном поле.

2. Манипулирование предполагает *скрытое* воздействие субъекта на объект, при котором истинные цели субъекта (манипулятора) объекту (манипулируемому) неизвестны. Как справедливо подчеркивает Г. Шиллер, «для достижения успеха манипуляция должна оставаться незаметной. Успех манипуляции гарантирован, когда манипулируемый верит, что все происходящее естественно и неизбежно»⁵.

3. Манипулирование предполагает приоритетное удовлетворение интересов манипулятора, полностью либо частично *игнорируя потребности и интересы* самого объекта управления.

4. Манипулирование — это такой вид воздействия на поведение объекта, который требует от субъекта особых, *специфических навыков*, мастерства, знаний, владения ситуацией, умения использовать различные ресурсы (правовые, политические, финансовые, информационные и др.) для реализации своих целей⁶.

В отмеченной связи очень важным является то, что манипулирование предполагает использование лишь *социально обусловленных, востребованных средств воздействия на поведение субъекта общественных отношений* и не должно вызвать противодействия с его стороны.

Понятие технологий манипулирования целями в правовом регулировании

Говоря о технологиях манипулирования целями в правовом регулировании, считаем обоснованным исходить из понимания правового регулирования как упорядочивающего, координирующего воздействия на общественные отношения, осуществляемого всей совокупностью юридических средств, направленных на максимально полное удовлетворение интересов субъектов права.

Посредством правового регулирования достигаются *юридические цели*, представляющие собой созданные или санкционированные (одобренные) государством модели определенного социального состояния, процесса или явления, к реализации которых при помощи

¹ См.: Субочев В. В. Политико-правовое манипулирование как основа управления обществом в эпоху постправды // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 29–43; Малько А. В., Субочев В. В. Политико-правовое манипулирование как психологический феномен и научная категория // Психология и право. 2021. Т. 11. № 1. С. 163–180; Subochev V. V. The Illusion of Sovereignty or State-Making Devices of the Globalizing World // MGIMO Review of International Relations. 2019. Т. 12. № 4. С. 266–275.

² См.: Бессонов Б. Н. Идеология духовного подавления. М., 1971. С. 64.

³ Massa L. Fake news and Media manipulation: Italian and European remedies (January 1, 2022) // URL: <https://ssrn.com/abstract=4022555>, <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4022555> (дата обращения: 01.06.2022); Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М., 1980. С. 34.

⁴ Goodin R. E. Manipulatory Politics. New York, 1982. P. 14; Sirazetdinova M., Stoletov A., Lukmanova R. Manipulation, Individuation, and the Self // Cogito. 2021. 13 (4). P. 103–123. URL: <https://ssrn.com/abstract=4008697> (дата обращения: 01.06.2022).

⁵ Шиллер Г. Указ. соч. С. 35.

юридических средств стремятся участники правоотношений.

Исходя из сказанного, под **технологиями манипулирования целями в правовом регулировании** мы будем понимать совокупность приемов и способов постановки и использования юридических целей, посредством достижения которых объект управления (манипулируемый) добровольно осуществляет действия, направленные на удовлетворение интересов субъекта управления (манипулятора), вопреки своим истинным потребностям и интересам, полагая, что данная форма поведения является оптимальной или единственно возможной в сложившейся ситуации.

Технологии манипулирования юридическими целями представляют собой *приемы и способы*, посредством которых субъект манипулятивного воздействия:

- а) *формулирует* юридические цели и формально закрепляет, *объективизирует* последние, доводя их до сведения участников правоотношений, в соответствующем поведении которых он заинтересован;
- б) *использует* уже существующие юридические цели в своих интересах, координируя соответствующим образом поведение контрагентов. В данном случае можно говорить о том, что манипулирование юридической целью заключается отчасти и в том, что она используется в качестве юридического средства, направленного на удовлетворение интереса субъекта управления;
- в) *мотивирует, стимулирует* объект управления к достижению поставленной цели, к использованию соответствующих юридических средств;
- г) *ограничивает* активность объекта управления, идущую вразрез с планами субъекта манипулирования.

Технологии манипулирования юридическими целями могут использоваться как в процессе

правотворчества и реализации права, так и в правоинтерпретационной и иной формально правомерной деятельности субъекта манипулирования.

В этой связи полагаем, что манипулирование юридическими целями (равно как и средствами) тесно связано как с *юридической техникой*, под которой традиционно понимается совокупность правил и инструментов ведения юридической работы и составления юридических документов⁷, так и с *юридической технологией*. При этом следует оговориться, что современная правовая доктрина не демонстрирует четкой дифференциации между юридической техникой и юридической технологией, несмотря на то что серьезные попытки разграничить указанные категории предпринимались неоднократно⁸.

Так, Н. А. Власенко подчеркивает, что юридическая технология — это порядок применения и использования методов и приемов по подготовке и принятию юридического решения⁹, специально оговаривая, что если «юридическая технология отвечает на вопрос: как делать, в какой последовательности осуществлять те или иные юридические операции, то юридическая техника отвечает на вопрос: с помощью каких приемов, каких средств должны осуществляться те или иные технологические действия»¹⁰.

М. Л. Давыдова под юридической техникой понимает систему средств, используемых как при составлении правовых актов, так и при осуществлении иной юридической деятельности¹¹. Вместе с тем анализ данного подхода позволяет сделать вывод о том, что любая система средств, *используемая* в осуществлении юридической деятельности, также должна предполагать (и уже предполагает) ответ на вопрос о том, *как делать*, как данные средства применять (и каким образом они уже применяются) на практике, что непосредственно затрагивает сферу юридической технологии.

⁶ См.: Шейнов В. П. Манипулирование и защита от манипуляций. СПб., 2022. С. 8–9.

⁷ См.: Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. М., 2011. С. 87–89.

⁸ См.: Карташов В. Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 16–23 ; Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград, 2009 ; Юридическая техника : учеб. пособие / под ред. Т. Я. Хабриевой, Н. А. Власенко. М., 2009 ; Юридическая техника : учебник / В. М. Баранов, М. В. Баранова, Т. В. Губаева [и др.]. М., 2021 ; Юридическая техника : учебник / В. М. Баранов, М. В. Баранова, В. Б. Исаков [и др.]. М., 2018 и др.

⁹ Юридическая техника : учеб. пособие / под ред. Т. Я. Хабриевой, Н. А. Власенко. С. 25.

¹⁰ Юридическая техника : учеб. пособие / под ред. Т. Я. Хабриевой, Н. А. Власенко. С. 26.

¹¹ См.: Давыдова М. Л. Указ. соч. С. 50.

Отмеченная дилемма порождает научные дискуссии относительно того, является ли юридическая технология элементом юридической техники¹² (ведь юридическое средство вне его использования не имеет смысла, теряет свою природу как средства) или же, наоборот, юридическая технология включает в себя не только юридическую технику, но и юридическую тактику и стратегию¹³.

В любом случае юридическая техника предполагает определенные средства и приемы своего *осуществления*, правила ведения конкретной юридической *деятельности*, что позволяет говорить не просто о тесной связи юридической техники и технологии¹⁴, но о диалектическом их сосуществовании в правовой жизни общества.

Подчеркнем, что технологии манипулирования юридическими целями (равно как и юридическими средствами) являются *неотъемлемым элементом как юридической техники* в целом, так и любой из ее разновидностей (правотворческой, правореализационной, правоинтерпретационной и т.д.).

Манипулирование юридическими целями и средствами — деятельность *правомерная*, непосредственно влияющая на все этапы (стадии) процесса правового регулирования и их эффективность, в связи с чем игнорирование данной активности в процессе исследования юридической техники (равно как и технологии) считаем неоправданным, снижающим прикладную ценность подобного анализа.

При анализе технологий манипулирования юридическими целями в процессе правового регулирования предлагается исходить из того, что данную правомерную активность участников правоотношений необходимо *отличать от злоупотребления правом*, тем более от его противоправных форм, прямо предусмотренных действующим законодательством (ст. 10 ГК РФ). В отмеченной связи мы солидаризируемся с позицией А. А. Малиновского, согласно которой злоупотребление правом может являться как правомерным, так и противоправным поведением. Классификационным

основанием для данного деления предлагается юридический критерий причиненного вреда. Если причинение вреда участникам общественных отношений противозаконно, то это — противоправное злоупотребление правом, в иных случаях — правомерное, что позволяет говорить о том, что само злоупотребление правом не является разновидностью исключительно противоправного либо только правомерного поведения¹⁵.

Таким образом, если манипулирование юридическими целями и средствами представляет собой *правомерную* форму поведения субъекта, то злоупотребление правом может заключаться как в *правомерной*, так и в *противоправной* активности управомоченного лица. Помимо сказанного, если злоупотребление правом преследует основную цель в виде *причинения вреда другому лицу*, то манипулирование юридическими целями осуществляется ради реализации *собственных правомерных интересов* субъекта манипулятивного воздействия посредством соответствующего поведения *его контрагентов*. Причинение вреда при манипулировании юридическими целями не является изначальной целью субъекта манипулирования, а представляет собой лишь «*побочный продукт*», косвенные, но неизбежные последствия манипулирования.

Безусловно, *манипуляции бывают и противоправными*. Яркий пример тому можно найти в ст. 185.3 УК РФ «Манипулирование рынком», в которой манипулирование рынком определяется как «умышленное распространение через средства массовой информации... *заведомо ложных* (здесь и далее выделено мной. — М. К.) сведений или совершение операций с финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами либо иные умышленные действия, *запрещенные законодательством*... если в результате таких *незаконных действий* цена, спрос, предложение или объем торгов финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами отклонились от уровня или поддерживались на уровне, существенно отличающемся от того уровня, который

¹² См., например: Алексеев С. С. Общая теория права : курс : в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 268.

¹³ См.: Карташов В. Н. Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу о соотношении) // Проблемы юридической техники / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 19.

¹⁴ См.: Исаева Л. А., Ибрагимова Э. А. Соотношение юридической техники и юридической технологии // Право и государство: теория и практика. 2020. № 5. С. 59–60.

¹⁵ См.: Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 10.

сформировался бы без учета указанных выше *незаконных действий*, и такие действия причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству...». Однако подобное манипулирование представляет собой целый ряд *незаконных действий субъекта*, прямо запрещенных под угрозой наказания и *не являющихся* манипулированием ни юридическими целями, ни юридическими средствами.

Сказанное позволяет прийти к *выводу*, что манипулирование как *вид управленческой деятельности* может быть как законной, так и противоправной активностью, представляя собой конкретное правонарушение, *однако* манипулирование исключительно с использованием юридического инструментария, и юридических целей в частности, является во всех случаях *правомерной* формой поведения субъекта правоотношения.

Таким образом, манипулирование юридическими целями является одним из способов, приемов, используемых в процессе правового регулирования (при этом предмет правового регулирования рассматривается уже, нежели предмет правового воздействия, под которым традиционно понимают комплексный процесс влияния права на жизнь социума в целом).

Исследование технологий манипулирования целями в процессе правового регулирования полагаем целесообразным осуществлять исходя из обозначенных ранее двух возможных *форм* подобного манипулирования: а) установления заведомо манипулятивных юридических целей; б) использования социально обусловленных, отражающих потребности и интересы участников правоотношения целей в интересах субъекта управления (манипулятора).

Манипулирование юридическими целями посредством использования сложившихся социальных реалий

Первая группа приемов и способов манипулирования юридическими целями связана с *использованием факторов и обстоятельств*

сложившейся социальной реальности в интересах субъекта управления (манипулятора). Речь идет о том, что существующие или складывающиеся определенным образом обстоятельства *произвольно* трактуются, интерпретируются субъектом манипулятивного воздействия, что позволяет ему данное *заведомо* искаженное или субъективное их видение положить в основу процесса целеполагания в правовом регулировании.

Этот способ уместен, логично объясним, весьма распространен и, в принципе, вполне естественен для любого субъекта управления. Каждый имеет право на свое собственное видение и интерпретацию любых событий или процессов действительности, что и объясняет атрибутивность первой группы способов манипулирования субъект-объектному управленческому процессу.

Интересующий нас аспект заключается в том, что оценка происходящих событий, *интерпретация* складывающихся политических, экономических, социокультурных и иных факторов и обстоятельств зачастую ложится в основу постановки манипулятивных целей, которые якобы обусловлены сложившейся ситуацией, но на самом деле служат удовлетворению интересов субъекта манипулятивного воздействия в ущерб интересам его объектов.

Наиболее ярким примером сказанному может служить манипулирование юридическими целями в многочисленных нормативных документах коллективного Запада, предусматривающих введение очередных пакетов санкций против России¹⁶.

Сущность данной технологии манипулирования юридическими целями заключается в том, что формирование из России образа врага, агрессора, угрожающего жизненно важным интересам «истинных демократий» и «культурному наследию цивилизованных стран», позволяет оправдывать введение тех санкций и реализацию как политических, так и социально-экономических мер, которые на самом деле не только не соответствуют истинным интересам населения этих государств, но и наносят им не-

¹⁶ См., например: Commission Implementing Regulation (EU) 2022/595 of 11 April 2022 // Official Journal of the European Union. 12.04.2022. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32022R0595> (дата обращения: 20.05.2022) ; Council Regulation (EU) 2022/576 of 8 April 2022 amending Regulation (EU) No. 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // Official Journal of the European Union. 08.04.2022. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32022R0576> (дата обращения: 20.05.2022) ; Ukraine/Russia-Related sanctions program. Department of the treasury of the USA // URL: <https://home.treasury>.

поправимый вред. Корыстные интересы узкой группы влиятельных западных политиков, заинтересованных в ослаблении России, привели к необходимости проведения Россией специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г., которая, в свою очередь, выступила тем фоном, который и стал активно использоваться для разжигания антироссийской истерии и оправдывать любые юридические цели, направленные на «сдерживание российской агрессии» или, другими словами, на дискредитацию России и препятствование ее развитию.

Анализ очередных пакетов антироссийских санкций позволяет с уверенностью заключить, что их целью выступает именно сдерживание развития России, ведь военную операцию, проводимую на Украине, они остановить не могут и по своей сути на это не направлены, так как принимаются параллельно с отправкой очередных партий вооружения украинским националистам. Налицо манипулирование юридическими целями, заключающееся в следующем: а) провозглашается *одна* цель (прекращение военной операции на Украине и якобы защита ее мирного населения), а на самом деле преследуется *иная* (ослабление России, сдерживание ее экономического и иного потенциала, обеспечение доминирования коллективного Запада в международных отношениях); б) проведение вынужденной и навязанной России специальной военной операции на Украине используется как *предлог* для усиления агрессивной антироссийской экономической, социально-культурной и информационной политики.

Манипулирование юридическими целями как формирование программы действий

Отмеченная выше стратегия тесно связана и предполагает *вторую группу* приемов и способов манипулирования юридическими целями, заключающуюся в *заведомо искаженном*

формулировании актуальной для субъекта управления повестки. Суть данной технологии манипулирования заключается в искусственном создании актуальных для участников правоотношения угроз, которые оправдывают цели субъекта манипулятивного воздействия, в формулировании его «особой миссии» и иных действиях, направленных на создание той реальности, в которую будет верить объект манипуляций и которая легитимизирует поставленные цели, сделает их не только объяснимыми, но и желанными.

Современные информационные технологии создают все возможности для эффективной реализации сказанного. К примеру, Стратегия кибербезопасности США прямо закрепляет такие цели, как «расширение американского влияния в мире», «борьба со стратегическими противниками», «сдерживание агрессии недружественных стран», «сохранение мира посредством силы», «сохранение американского образа жизни»¹⁷, намеренно гипертрофируя те угрозы национальной безопасности и интересам государства, которые оправдывают и объясняют нормативное закрепление обозначенных выше и многих других целей. Более того, нагнетание ситуации и интерпретация событий через призму непосредственной угрозы национальным интересам привели к редактированию отдельных положений отмеченной Стратегии и ужесточению мер, направленных на достижение приобретающих все большую актуальность целей¹⁸.

В данной связи О. А. Мельникова справедливо подчеркивает, что в Интернете в настоящее время преобладает контент, который соответствует интересам лишь одной страны, «наиболее доступной во многих случаях оказывается информация, соответствующая политическим интересам США»¹⁹.

Нагнетание ситуации, создание социальных мифов, конструирование заведомо искаженной реальности — это те инструменты, которые по-

gov/system/files/126/ukraine_overview_of_sanctions.pdf (дата обращения: 20.05.2022) ; Fact sheet: United States, G7 and EU Impose Severe and Immediate Costs on Russia. April 06, 2022 // URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/04/06/fact-sheet-united-states-g7-and-eu-impose-severe-and-immediate-costs-on-russia/> (дата обращения: 20.05.2022).

¹⁷ National Cyber Strategy of the USA. September 2018 // URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (дата обращения: 25.05.2022).

¹⁸ Executive Order on Improving the Nation's Cybersecurity. May 12, 2021 // URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/05/12/executive-order-on-improving-the-nations-cybersecurity/> (дата обращения: 25.05.2022).

¹⁹ Мельникова О. А. Манипуляция общественным мнением и глобальная кибербезопасность. М., 2021. С. 103.

зволяют манипулировать юридическими целями при проведении миротворческих операций, создании международных организаций, введении «общепризнанных» глобальных стандартов и осуществлении иных действий, которые зачастую достигают таких масштабов, что позволяют говорить о конструировании «марионеточных государств» и внедрении в повседневный оборот таких терминов, как *state-making devices* или *state-making activities* (инструменты по созданию государств)²⁰.

Вместе с тем отметим, что подобная технология используется не только на международном уровне: в процессе правотворчества, реализации и толкования права на различных уровнях публичной власти, на локальном уровне также не только учитывается, но и *конструируется* та реальность, те псевдособытия, которые позволяют не только формулировать соответствующие юридические цели, но и эффективно мотивировать объект управления к их достижению.

Манипулирование юридическими целями посредством информационной поддержки

Изложенное выше объясняет широкое распространение *третьей группы* способов и приемов манипулирования юридическими целями, заключающихся в создании соответствующего информационного фона вокруг предпринимаемой правовой активности.

Так, определенные способы подачи информации способствуют тому, чтобы адресат воспринял содержание сообщения так, как это нужно манипулятору. К примеру, обилие несистематизированной информации затрудняет для адресата поиск истинного смысла

правовых предписаний; подача информации небольшими частями не позволяет эффективно ее использовать; особое сочетание тем помогает форсировать нужные, заранее запланированные выводы; момент подачи информации повышает вероятность ее соответствия тому эмоционально-психологическому настрою, который присущ в конкретный период времени участникам правоотношения и т.д.²¹

На опасность указанной технологии верно указал В. В. Субочев, подчеркнув, что «стремление создать благоприятный имидж власти, желание не столько решить проблему, сколько использовать запросы населения для реализации уже заготовленных сценариев развития приводит к тому, что границы правильного и ошибочного, правды и лжи постепенно стираются»²². В итоге общество сталкивается с новой реальностью — постправдой, которая определяется как обстоятельства, при которых объективные факты являются менее значимыми при формировании общественного мнения, чем обращения к эмоциям и личным убеждениям²³. Следует солидаризироваться с позицией, что сказанное обуславливает возникновение новой формы реализации публичного управления — политики постправды (*post-truth politics*²⁴), субъекты осуществления которой «не только активно оперируют “псевдоправдой”, но и на основе искажения реальных фактов осуществляют политико-правовое манипулирование невиданных ранее масштабов»²⁵.

Необходимо подчеркнуть, что в информационном сопровождении юридических целей весьма значительную роль играют правоинтерпретационные акты, которые в зависимости от используемых способов толкования также могут достаточно сильно исказить истинное содержание правовых норм.

²⁰ См.: *Subochev V. V. The Illusion of Sovereignty or State-Making Devices of The Globalizing World. С. 266–275.*

²¹ Подробнее см.: *Шейнов В. Указ. соч. С. 17–20.*

²² *Субочев В. В. Политико-правовое манипулирование как основа управления обществом в эпоху постправды. С. 35.*

²³ Oxford Dictionary. Word of the Year. 2016. 16th November // URL: <http://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016> (дата обращения: 20.05.2022).

²⁴ См.: *McDermott R. Psychological Underpinnings of Post-truth in Political Beliefs // PS: Political Science and Politics. 2019. № 52 (2). P. 218–222 ; Rose D. C. Avoiding a Post-truth World: Embracing Post-normal Conservation // Conservation and Society. 2018. № 16 (4). P. 518–524 ; Angermuller J. Truth after post-truth: for a Strong Programme in Discourse Studies // Palgrave Communications. 2018. № 4 (1). Article 30. URL: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85049841060&doi=10.1057%2fs41599-018-0080-1&partnerID=40&md5=6ccbbe0611bbdd5a4f95ed0ea6181423> (дата обращения: 23.05.2022).*

²⁵ *Субочев В. В. Политико-правовое манипулирование как основа управления обществом в эпоху постправды. С. 35.*

Манипулирование юридическими целями *ad hoc*

Сказанное выше позволяет выделить *четвертую группу* способов и приемов манипулирования юридическими целями, связанную с ситуативным, субъективным правотворчеством, правоприменением и правоинтерпретацией (т.н. правотворчеством, правоприменением и правоинтерпретацией *ad hoc*), которые являются своего рода общим знаменателем для всех вышеуказанных технологий.

Ключевые юридические цели, выступающие в качестве ориентиров для большинства участников правоотношений, формулируются участниками правотворческого процесса, которые могут преследовать субъективные интересы, являющиеся итогом как неверного понимания происходящих в обществе процессов, так и желания достичь таких целей, афиширование которых представляется невыгодным, опасным или преждевременным. Манипулятивные юридические цели в правотворчестве могут быть и следствием лоббирования определенных интересов²⁶, в таком случае есть основания говорить о том, что лоббизм является, с одной стороны, способом манипулирования юридическими целями, а с другой — причиной такого манипулирования.

Манипулирование юридическими целями в процессе правоприменения также может осуществляться самыми разнообразными способами. К примеру, приказ о возложении дополнительных обязанностей на работника с целью оптимизации производственного процесса может маскировать такую цель, как вынуждение данного сотрудника уволиться; указание о дополнительных этапах согласования условий договора с целью проверки адекватности всех его условий может выступать предлогом затягивания переговорного

процесса и избежания подписания договора и т.д.

Различные виды и способы толкования права зачастую применяются субъектом манипулирования для придания не только значимости и обоснованности уже существующим и формально закрепленным юридическим целям, но и для произвольного их использования в практической деятельности. Так, посредством толкования Конституции РФ можно выявить как подлинные, так и мнимые конституционные ценности²⁷; как разъяснить истинные цели, которые преследует Основной Закон, регламентируя ключевые общественные отношения, так и их исказить. По-разному толкуя правовые нормы и, соответственно, интерпретируя юридические цели и намерения субъектов правотворчества²⁸ (равно как и правоприменения), можно весьма существенно координировать реализацию права, воздействуя самым непосредственным образом на целевые установки участников правоотношений.

Манипулирование юридическими целями и новояз

Пятая группа приемов и способов манипулятивного использования субъектом управления юридических целей вопреки истинным потребностям объекта управления заключается в терминологическом манипулировании или в формулировании юридических целей при помощи речевых или фразеологических конструкций, некорректно отражающих действительность.

Данная технология манипулирования имеет много общего с речевой манипуляцией в целом, которая, по справедливому мнению различных специалистов, проникла как в правотворческий, так и в правоприменительный и правоинтерпре-

²⁶ Бекмуратов К. А. Лоббизм как основной фактор воздействия на процесс развития парламентских согласительных процедур // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 75–85 ; Субочев В. В. Лоббизм в России: природа, специфика, проблемы правового регулирования // Право и управление. XXI век. 2014. № 2 (31). С. 28–36.

²⁷ Денисов С. А. Мнимые конституционные ценности // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 10. С. 9–15 ; Витрук Н. В. Конституция Российской Федерации как ценность и конституционные ценности: вопросы теории и практики // Конституционные ценности: содержание проблемы реализации : материалы Международной научно-практической конференции (4–6 декабря 2008 г.) : в 2 т. М. : Российская академия правосудия, 2010. Т. 1. С. 12.

²⁸ См.: Недилько Ю. В. Телеологический и смысловой аспекты толкования намерений законодателя // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 23–28.

тационный процессы²⁹. Как верно подчеркивает Д. А. Корецкий, современная правовая действительность изобилует терминологическими новеллами — эвфемизмами, которые смягчают смысл явления, традиционно обозначаемого этими терминами. К примеру, «взрыв газа стал называться “хлопком”, катастрофа вертолета или самолета — “жесткой посадкой”, наводнение — “подтоплением”, пожар — “задымлением”, падение показателей — “отрицательным ростом”»³⁰. По этой же логике кризисные явления в экономике стали обозначаться термином «вызов»³¹, хаотичные процессы на рынке — «временной нестабильностью», «флуктуацией», «волатильностью», стагнация — «временным замедлением роста» и т.д.

В отмеченной связи представляется верной точка зрения, согласно которой «речевое манипулирование связано как со скрытыми от адресата целями, так и с особой речевой организацией текста (техникой построения речи, в том числе с риторическими приемами), восприятие которого приводит к добровольному принятию адресатом решения, выгодного манипулятору»³².

При постановке манипулятивных целей зачастую используются такие фразеологические конструкции, как «в интересах населения», «ради общего блага», «в целях защиты прав, свобод и законных интересов участников правоотношений», «в целях недопущения злоупотреблений», «в целях противодействия незаконным действиям» и т.д. Данные конструкции, вполне объективно отражая истинный посыл различных нормативных правовых актов, начиная от Конституции РФ и заканчивая многочисленными актами корпоративного правотворчества, тем не менее используются и для придания манипулятивным целям легитимности и определенной статусности.

Манипулирование юридическими целями как конструирование результата

К шестой группе приемов и способов манипулирования юридическими целями предлагаем относить искажение результата правового регулирования посредством апеллирования к источникам мотивации адресата. Речь идет о таких технологиях манипулирования в процессе правового регулирования, посредством которых объект воздействия мотивируется к достижению результата, который в большей степени нужен субъекту управления для достижения иных целей, нежели тех, которые устанавливаются и объясняются манипулируемым.

Одним из примеров подобного манипулирования может служить такая юридическая цель, установленная постановлением Правительства РФ от 10.08.2020 № 1200 (ред. от 24.12.2021) «Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидии акционерному обществу “Национальная система платежных карт” на стимулирование доступных внутренних туристских поездок через возмещение части стоимости оплаченной туристской услуги», как стимулирование внутреннего туризма посредством возмещения части стоимости оплаченной туристской услуги, соответствующей определенным критериям³³.

С одной стороны, стимулирование внутреннего туризма является *важнейшей целью*, способствующей сбалансированному развитию российской экономики, обеспечению граждан России современной туристической инфраструктурой, доступными поездками по стране³⁴ и т.д.

С другой стороны, предоставляемый при выполнении определенных условий гражда-

²⁹ См.: Корецкий Д. А. Терминологические новеллы «новой нормальности» и их юридические последствия // Уральский журнал правовых исследований. 2020. № 4. С. 123–131; Страданченков А. С. Законодательство и манипуляция // Наука и современность. 2010. № 1–3. С. 46–50.

³⁰ Корецкий Д. А. Указ. соч. С. 127.

³¹ «Меня это слово даже резануло». Глава Минфина отказался называть ситуацию в России кризисом // Открытые медиа. URL: <https://openmedia.io/news/n1/menya-eto-slovo-dazhe-rezanulo-glava-minfina-otkazalsya-nazyvatsituaciyu-v-Rossii-krizisom/> (дата обращения: 20.05.2022).

³² Копнина Г. А. Речевое манипулирование. М., 2012. С. 28.

³³ СЗ РФ. 2020. № 33. Ст. 5399.

³⁴ См.: Паспорт национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» // URL: <https://tourism.gov.ru> (дата обращения: 25.05.2022).

нам «туристический кешбэк» призван: а) стимулировать поездки в те регионы, где туристическая инфраструктура пока еще *не сложилась* на уровне, достаточном для привлечения туристов без дополнительного стимулирования их интереса к данным местам; б) снизить уровень недовольства сложившейся ситуацией в стране, когда поездки за рубеж стали для многих невозможны в силу как политических, так и экономических факторов; в) ограничить поездки в отдельные государства и тем самым снизить поток финансовых средств в экономику недружественных стран.

Сказанное позволяет заключить, что, следуя в целом абсолютно правильную и крайне *актуальную* для России цель в виде стимулирования внутреннего туризма, органы государственной власти используют ее и для решения ряда других (также весьма актуальных) задач, многие из которых, однако, не афишируются, вуалируются ради поддержания интереса к заявленному продукту. Факты, свидетельствующие о том, что стоимость туров, по которым можно вернуть часть уплаченной стоимости, является зачастую весьма завышенной³⁵ и что за аналогичные деньги граждане России могут в некоторых случаях получить более качественный туристический продукт за рубежом и тем самым продемонстрировать более рациональное потребительское поведение, не афишируются, намеренно умалчиваются, нивелируются обращением к возвышенным чувствам граждан и их патриотизму. Полагаем, что данный пример можно отнести к манипулированию юридическими целями посредством частичной демонстрации того результата, к достижению которого стимулируется объект управления, а также посредством апеллирования к благородным мотивам.

Заключение

Проанализированные выше технологии манипулирования во многих случаях служат *неизбежным средством* эффективного государственного управления, *социально обусловленной практикой* правового регулирования, той *правовой реальностью*, которая является закономерным следствием сложившихся определенным образом факторов и обстоятельств.

Изложенное выше также позволяет прийти к выводу, что технологии манипулирования юридическими целями в правовом регулировании самым тесным образом связаны с управленческими законами, применяемыми в процессе разработки и принятия управленческих решений. Данные технологии воплощаются в действительность посредством правомерной деятельности в правотворческой, право-реализационной, правоинтерпретационной и других сферах и связаны с формированием той модели социального состояния, процесса или явления, к воплощению в действительность которой при помощи юридических средств стремятся участники правоотношений.

Технологии манипулирования юридическими целями опираются на *правомерные стремления* всех участников правоотношений, приводя тем не менее к реализации интересов субъекта манипулятивного воздействия за счет и в ущерб определенным интересам объекта манипуляций.

Все исследованные выше технологии манипулирования юридическими целями являются *социально обусловленными* способами воздействия на участников правоотношений, которые вместе с тем снижают эффективность механизма правового регулирования за счет создания дисбаланса в сосуществовании интересов личности, общества и государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Общая теория права : курс : в 2 т. Т. 2. — М., 1982. — 478 с.
2. Бекмурадов К. А. Лоббизм как основной фактор воздействия на процесс развития парламентских согласительных процедур // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 8. — С. 75–85.
3. Бессонов Б. Н. Идеология духовного подавления. — М., 1971. — 294 с.

³⁵ Названы основные недостатки программы туристического кешбэка // URL: <https://riamo.ru/article/455578/nazvany-osnovnye-nedostatki-programmy-turisticheskogo-keshbeka-xl> (дата обращения: 25.05.2022).

4. Витрук Н. В. Конституция Российской Федерации как ценность и конституционные ценности: вопросы теории и практики // Конституционные ценности: содержание проблемы реализации : материалы Международной научно-практической конференции (4–6 декабря 2008 г.) : в 2 т. Т. 1. — М. : Российская академия правосудия, 2010. — С. 9–20.
5. Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. — Волгоград, 2009. — 318 с.
6. Денисов С. А. Мнимые конституционные ценности // Конституционное и муниципальное право. — 2018. — № 10. — С. 9–15.
7. Исаева Л. А., Ибрагимова Э. А. Соотношение юридической техники и юридической технологии // Право и государство: теория и практика. — 2020. — № 5. — С. 59–65.
8. Карташов В. Н. Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу о соотношении) // Проблемы юридической техники / под ред. В. М. Баранова. — Н. Новгород, 2000.
9. Карташов В. Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования // Юридическая техника. — 2007. — № 1. — С. 16–23.
10. Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. — М., 2011. — 496 с.
11. Копнина Г. А. Речевое манипулирование. — М., 2012. — 170 с.
12. Корецкий Д. А. Терминологические новеллы «новой нормальности» и их юридические последствия // Уральский журнал правовых исследований. — 2020. — № 4. — С. 123–131.
13. Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2009. — 52 с.
14. Малько А. В., Субочев В. В. Политико-правовое манипулирование как психологический феномен и научная категория // Психология и право. — 2021. — Т. 11. — № 1. — С. 163–180.
15. Мельникова О. А. Манипуляция общественным мнением и глобальная кибербезопасность. — М., 2021. — 208 с.
16. Недилько Ю. В. Телеологический и смысловой аспекты толкования намерений законодателя // Юридическая наука. — 2016. — № 1. — С. 23–28.
17. Страданченков А. С. Законодательство и манипуляция // Наука и современность. — 2010. — № 1–3. — С. 46–50.
18. Субочев В. В. Лоббизм в России: природа, специфика, проблемы правового регулирования // Право и управление. XXI век. — 2014. — № 2 (31). — С. 28–36.
19. Субочев В. В. Политико-правовое манипулирование как основа управления обществом в эпоху пост-правды // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2019. — № 34. — С. 29–43.
20. Шейнов В. П. Манипулирование и защита от манипуляций. — СПб., 2022. — 384 с.
21. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. — М., 1980.
22. Юридическая техника : учеб. пособие / под ред. Т. Я. Хабриевой, Н. А. Власенко. — М., 2009. — 271 с.
23. Юридическая техника : учебник / В. М. Баранов, М. В. Баранова, В. Б. Исаков [и др.]. — М., 2018. — 493 с.
24. Юридическая техника : учебник / В. М. Баранов, М. В. Баранова, Т. В. Губаева [и др.]. — М., 2021. — 648 с.
25. Angermuller J. Truth after post-truth: for a Strong Programme in Discourse Studies // Palgrave Communications. — 2018. — № 4 (1). — Article 30. — URL: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85049841060&doi=10.1057%2fs41599-018-0080-1&partnerID=40&md5=6ccbbe0611bbdd5a4f95ed0ea6181423> (дата обращения: 23.05.2022).
26. Goodin R. E. Manipulatory Politics. — New York, 1982. — 230 p.
27. Massa L. Fake news and Media manipulation: Italian and European remedies (January 1, 2022) // URL: <https://ssrn.com/abstract=4022555>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4022555> (дата обращения: 01.06.2022).
28. McDermott R. Psychological Underpinnings of Post-truth in Political Beliefs // PS: Political Science and Politics. — 2019. — № 52 (2). — P. 218–222.
29. Rose D. C. Avoiding a Post-truth World: Embracing Post-normal Conservation // Conservation and Society. — 2018. — № 16 (4). — P. 518–524.
30. Sirazetdinova M., Stoletov A., Lukmanova R. Manipulation, Individuation, and the Self // Cogito. — 2021. — 13 (4). — P. 103–123. — URL: <https://ssrn.com/abstract=4008697> (дата обращения: 01.06.2022).
31. Subochev V. V. The Illusion of Sovereignty or State-Making Devices of the Globalizing World // MGIMO Review of International Relations. — 2019. — Т. 12. — № 4. — P. 266–275.

Материал поступил в редакцию 18 июня 2022 г.

REFERENCES

1. Alekseev SS. Obshchaya teoriya prava: kurs v 2 t. [General theory of law: A course in 2 vols.]. Vol. 2. Moscow; 1982. (In Russ.).
2. Bekmuradov KA. Lobbizm kak osnovnoy faktor vozdeystviya na protsess razvitiya parlamentskikh soglasitelnykh protsedur [Lobbying as the main factor of influencing the process of development of parliamentary conciliation procedures]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2019;8:75-85. (In Russ.).
3. Bessonov BN. Ideologiya dukhovnogo podavleniya Ideology of spiritual suppression. Moscow; 1971. (In Russ.).
4. Vitruk NV. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii kak tsennost i konstitutsionnye tsennosti: voprosy teorii i praktiki [The Constitution of the Russian Federation as a value and constitutional values: issues of theory and practice]. In: Konstitutsionnye tsennosti: sodержanie problemy realizatsii: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 4–6 dekabrya 2008 g.: v 2 t. [Constitutional values: The problem of implementation. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference held on December 4–6, 2008. In 2 vols.]. Vol. 1. Moscow: Russian Academy of Justice Publ.; 2010. (In Russ.).
5. Davydova ML. Yuridicheskaya tekhnika: problemy teorii i metodologii [Legal writing: Problems of theory and methodology]. Volgograd; 2009. (In Russ.).
6. Denisov SA. Mnimye konstitutsionnye tsennosti [Imaginary constitutional values]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2018;10:9-15. (In Russ.).
7. Isaeva LA, Ibragimova EA. Sootnoshenie yuridicheskoy tekhniki i yuridicheskoy tekhnologii [The correlation between legal writing and legal technology]. *Pravo i gosudarstvo: Teoriya i praktika [Law and the State: Theory and Practice]*. 2020;5:59-65. (In Russ.).
8. Kartashov VN. Yuridicheskaya tekhnika, taktika, strategiya i tekhnologiya (k voprosu o sootnoshenii) [Legal writing, tactics, strategy and technology (correlation issue)]. In: Baranov VM, editor. Problemy yuridicheskoy tekhniki [Legal Writing Issues]. N. Novgorod; 2000. (In Russ.).
9. Kartashov VN. Yuridicheskaya tekhnologiya ili yuridicheskaya tekhnika? Nekotorye metodologicheskie aspekty issledovaniya [Legal technology or legal writing? Some methodological aspects of the research]. *Yuridicheskaya tekhnika [Legal writing]*. 2007;1:16-23. (In Russ.).
10. Kashanina TV. Yuridicheskaya tekhnika: uchebnik [Legal writing: A textbook]. Moscow; 2011. (In Russ.).
11. Kopnina GA. Rechevoe manipulirovanie [Speech manipulation]. Moscow; 2012. (In Russ.).
12. Koretskiy DA. Terminologicheskie novelly «novoy normalnosti» i ikh yuridicheskie posledstviya [Terminological novels of the «new normality» and their legal consequences]. *Uralskiy zhurnal pravovykh issledovaniy [Ural Journal of Legal Research]*. 2020;4:123-131. (In Russ.).
13. Malinovskiy AA. Zloupotreblenie subektivnym pravom kak yuridicheskiy fenomen: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Abuse of subjective law as a legal phenomenon. Author's abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation]. Moscow; 2009. (In Russ.).
14. Malko AV, Subochev VV. Politiko-pravovoe manipulirovanie kak psikhologicheskiy fenomen i nauchnaya kategoriya [Political and legal manipulation as a psychological phenomenon and scientific category]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and law]*. 2021;11(1):163-180. (In Russ.).
15. Melnikova OA. Manipulyatsiya obshchestvennym mneniem i globalnaya kiberbezopasnost [Manipulation of public opinion and global cybersecurity]. Moscow; 2021. (In Russ.).
16. Nediiko YuV. Teleologicheskii i smyslovoy aspekty tolkovaniya namereniy zakonodatelya [Teleological and semantic aspects of interpretation of the legislator's intentions]. *Yuridicheskaya nauka [Legal Science]*. 2016;1:23-28. (In Russ.).
17. Stradanchenkov AS. Zakonodatelstvo i manipulyatsiya [Legislation and manipulation]. *Nauka i sovremennost [Science and modernity]*. 2010;1-3:46-50. (In Russ.).
18. Subochev VV. Lobbizm v Rossii: priroda, spetsifika, problemy pravovogo regulirovaniya [Lobbying in Russia: Nature, specifics, problems of legal regulation]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Law and management. 21st century]*. 2014;2(31):28-36. (In Russ.).
19. Subochev VV. Politiko-pravovoe manipulirovanie kak osnova upravleniya obshchestvom v epokhu postpravdy [Political and legal manipulation as a basis for the management of society in the post-truth era]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo [Tomsk State University Journal. Law]*. 2019;34:29-43. (In Russ.).
20. Sheynov VP. Manipulirovanie i zashchita ot manipulyatsiy [Manipulation and protection from manipulation]. St. Petersburg; 2022. (In Russ.).

21. Schiller G. Manipulatory soznaniem [Mind manipulators]. Moscow; 1980. (In Russ.).
22. Khabrieva TYa, Vlasenko NA, editors. Yuridicheskaya tekhnika: ucheb. posobie [Legal writing: A coursebook]. Moscow; 2009. (In Russ.).
23. Baranov VM, Baranova MV, Isakov VB, et al. Yuridicheskaya tekhnika: uchebnik [Legal writing: A textbook]. Moscow; 2018. (In Russ.).
24. Baranov VM, Baranova MV, Gubaeva TV, et al. Yuridicheskaya tekhnika: uchebnik [Legal writing: A textbook]. Moscow; 2021. (In Russ.).
25. Angermuller J. Truth after post-truth: For a Strong Programme in Discourse Studies. Palgrave Communications. 2018;4(1). Available from: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85049841060&doi=10.1057%2fs41599-018-0080-1&partnerId=40&md5=6ccbbe0611bbdd5a4f95ed0ea6181423> [Accessed: 05.23.2022].
26. Goodin RE. Manipulatory Politics. New York; 1982.
27. Massa L. Fake news and Media manipulation: Italian and European remedies (January 1, 2022). Available from: <https://ssrn.com/abstract=4022555>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4022555> [Accessed: 01.06.2022].
28. McDermott R. Psychological Underpinnings of Post-truth in Political Beliefs. *PS — Political Science and Politics*. 2019;52(2):218-222.
29. Rose DC. Avoiding a Post-truth World: Embracing Post-normal Conservation. *Conservation and Society*. 2018;16(4):518-524.
30. Sirazetdinova M, Stoletov A, Lukmanova R. Manipulation, Individuality, and the Self. *Cogito*. 2021;13(4):103-123. Available from: <https://ssrn.com/abstract=4008697> [Accessed: 01.06.2022].
31. Subochev VV. The Illusion of Sovereignty or State-Making Devices of the Globalizing World. *MGIMO Review of International Relations*. 2019;12(4):266-275.

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.108-120

Р. З. Рувинский*

Замыкание в «цифровой контур»: возможные последствия для современных правовых систем¹

Аннотация. В статье представлен теоретико-правовой анализ происходящих в последние годы во всем мире процессов замыкания индивидов, юридических лиц и общества в целом в «цифровой контур», то есть особую среду коммуникации субъектов и управления их поведением посредством алгоритмических систем обработки и анализа данных о них. Отмечены основные направления выстраивания системы регулирования поведения индивидов через анализ и обработку персональных данных: интеграция различных государственных баз данных с информацией о субъектах в рамках проектов электронного правительства, развитие систем видеонаблюдения и автоматизированного анализа видеособытий, контроль за цифровыми следами индивида в сети Интернет. Установлено, что цифровое профилирование индивидов и организаций на основе собранных о них данных позволяет государственным органам реализовывать политику допуска и ограничений, обуславливая доступ к публичным услугам и частным сервисам содержанием и качеством биографической (репутационной) информации о субъекте в соответствующих базах данных. В известной степени выстраиваемая система регулирования переключается с идеями конфуцианства: вместо принципа равенства субъектов перед законом и судом формируется иерархическое (ранжированное) общество, границы свободы членов которого определяются не законом, а их репутацией, то есть данными в соответствующих источниках; правовое поведение субъектов ритуализируется, становится в большей степени результатом привычки и конформизма, нежели сознательного выбора; право сливается с социальной этикой. Отмеченные трансформации означают необратимое изменение самих оснований правовых систем западного типа. На основе выявленных тенденций представлен вероятностный прогноз развития правовых систем, предложено возможное объяснение указанных трансформаций.

Ключевые слова: репутация; система социального кредита; социальный этикет; цифровой профиль; цифровая трансформация; алгоритмическое управление; деградация закона; кризис права; технологическая нормативность; права граждан; перспективная юридическая ответственность.

Для цитирования: Рувинский Р. З. Замыкание в «цифровой контур»: возможные последствия для современных правовых систем // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 9. — С. 108–120. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.108-120.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00173.

© Рувинский Р. З., 2022

* Рувинский Роман Зиновьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
просп. Гагарина, д. 46, г. Нижний Новгород, Россия, 603950
ruvinskiy-rz@ranepa.ru

Shaping «Digital Circuit»: Possible Consequences for Modern Legal Systems²

Roman Z. Ruvinskiy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of History and Theory of State and Law, Nizhny Novgorod Institute of Management (Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA))
prosp. Gagarina, d. 46, Nizhny Novgorod, Russia, 603950
ruvinskiy-rz@ranepa.ru

Abstract. The paper presents a theoretical and legal analysis of the processes that result in bringing individuals, legal entities and society as a whole to the «digital circuit», that is, a special environment for communication between subjects and management of their behavior through algorithmic systems of processing and analyzing data thereof. The main directions of building a system for regulating the behavior of individuals through the analysis and processing of personal data are noted. The integration of various state databases with information about subjects within the framework of e-government projects, the development of video surveillance systems and automated analysis of video events, control over the digital traces of an individual on the Internet. Digital profiling of individuals and organizations based on the data collected about them allows government agencies to implement a policy of admission and restrictions, conditioning access to public services and private services on the content and quality of biographical (reputational) information about the subject in the relevant databases. To a certain extent, the developing regulatory system echoes the ideas of Confucianism. A hierarchical (ranked) society is formed instead of the principle of equality of subjects before the law and the court; the boundaries of freedom of its members are determined not by the law, but by their reputation, that is, data in relevant sources; the legal behavior of subjects is ritualized, becomes more the result of habit and conformity than conscious choice; law merges with social ethics. These transformations mean an irreversible change in the very foundations of Western-type legal systems. The author presents a probabilistic forecast of the development of legal systems following the identified trends, and proposes a possible explanation of these transformations.

Keywords: reputation; social credit system; social etiquette; digital profile; digital transformation; algorithmic management; degradation of the law; crisis of law; technological normativity; citizens' rights; prospective legal responsibility.

Cite as: Ruvinskiy RZ. Zamykanie v «tsifrovoy kontur»: vozmozhnye posledstviya dlya sovremennykh pravovykh sistem [Shaping «Digital Circuit»: Possible Consequences for Modern Legal Systems]. *Lex russica*. 2022;75(9):108-120. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.108-120. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Сегодня, пожалуй, никто не станет спорить с утверждением о том, что человечество переживает период серьезнейших потрясений, а многие привычные и считавшиеся незыблемыми социальные институты подвергаются коренной трансформации. Старые и, казалось бы, ушедшие в прошлое конфликты обостряются с новой силой, при этом возникают и специфически современные, новые противоречия. Одним из наиболее очевидных феноменов, отражающих специфичность переживаемой нами эпохи и, несомненно, оказывающих влияние на правовое регулирование и правореализационную деятельность, является внедрение прорывных цифровых технологий в сферу публичного управле-

ния. Сервисы «электронного правительства» уже прочно вошли в жизнь каждого россиянина, а за последние два года мы уже почти привыкли к работе интеллектуальных систем распознавания лиц в общественных местах и необходимости предъявления QR-кодов, подтверждающих вакцинацию, для того чтобы такие места посетить.

Жизнь миллионов постепенно, но необратимо меняется, а значит, меняются и способы регулирования поведения людей, модели управления социумом, правовые принципы, ценности, нормы и практика их толкования. Может статься, что в радостном оптимизме от успехов во внедрении новейших технологий в сферу социальной регуляции мы вот-вот упустим (или уже упустили) момент радикальной трансформации современных правовых систем,

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-011-00173

способной поставить крест на многовековом развитии уникальной *цивилизации права*³ — цивилизации, своими истоками уходящей в своеобразие древнеримской культуры и так или иначе связанной с развитием западной юридической традиции⁴.

Настоящее исследование является попыткой осмыслить происходящий буквально на наших глазах и стремительно ускоряющийся процесс замыкания общества, индивида, юридического лица в «*цифровой контур*» — особую среду коммуникации субъектов друг с другом и управления их поведением посредством осуществляемых через специальные программные комплексы обработки и обмена информацией о них и их поведенческих актах. Хотя в последнее время весьма популярными в юриспруденции стали категории «цифровое право»⁵, «платформенное право»⁶, «право искусственного интеллекта»⁷, они находятся за рамками рассмотрения данной статьи: полезные в плане фиксирования складывающихся тенденций технологического и правового развития рассуждения об открытии новых типов общественных отношений и формировании новых отраслей права фокусируются преимущественно на вопросах нормативной регламентации технологических инноваций (прежде всего систем искусственного интеллекта) и, на наш взгляд, не особенно способствуют пониманию изменения места субъекта права в правовой системе. Исследования цифрового права в большей степени ориентированы на то, как наиболее эффективно упорядочить использование цифровых технологий, как устранить возникшие законодательные пробелы, однако оставляют за рамками своего рассмотрения принципиальный вопрос о том, не меняются ли кардинальным образом сами основания существующих правовых систем (а не только

перечень составляющих систему права отраслей и институтов).

Как писал Гегель, «почвой права является вообще *духовное*, и его ближайшим местом и исходной точкой — *воля*, которая свободна»⁸. Говоря о праве, мы изначально подразумеваем, что речь идет о тех или иных способах управления людьми, регулирования поведения людей. На наш взгляд, именно в эту (самую важную для права) область отдельные современные технологии, внедряемые в публичное управление, способны внести и уже вносят крайне значимые изменения. Центральной проблемой для юридической науки, таким образом, является вовсе не признание правосубъектности инновационных устройств и программных систем⁹, как это пытаются представить многие современные исследователи. Центральной проблемой является изменение поведения человека, его привычек, границ свободы.

Изложенные выше исходные посылки исследования определяют его цель: проанализировать, каким образом и в каком направлении основанные на оперировании данными механизмы профилирования субъектов, фиксации, учета и оценки их поведения воздействуют на облик и отдельные составляющие современных правовых систем западного типа (в том числе на систему нормативного регулирования, форму закона, правосознание и характер правового поведения индивидов).

Правовое поведение в «цифровом контуре»

На сегодняшний день в развитых странах значительная часть поведенческих актов субъектов права в рамках публично-правовых отношений опосредуется специальными цифровыми платформами и программными комплексами и (тем

³ См.: Зорькин В. Д. *Цивилизация права и развитие России*. М. : Норма, 2016. С. 408.

⁴ См.: Берман Г. Дж. *Западная традиция права: эпоха формирования*. М. : Изд-во МГУ, 1998.

⁵ Рожкова М. А. Является ли цифровое право отраслью права и ожидать ли появления цифрового кодекса? // *Хозяйство и право*. 2020. № 4 (519). С. 3–12.

⁶ См., например: Кашкин С. Ю., Алтухов А. В. Роль искусственного интеллекта в становлении платформенного права и его эволюции в направлении концепции права экосистем // *Lex russica*. 2022. Т. 75. № 1. С. 94–108.

⁷ Мишина Н. В. Право искусственного интеллекта как новая сфера правового регулирования или новая отрасль права // *Евразийский союз ученых*. 2020. Т. 72. № 3. С. 62–65.

⁸ Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М. : Мысль, 1990. С. 67.

⁹ См., например: Oliveira A. Subject (in) Trouble: Humans, Robots, and Legal Imagination // *Laws*. 2020. Vol. 9. No. 2. P. 10.

или иным образом) отражается в соответствующих базах данных.

Начало цифровизации публичного управления было положено развитием проектов так называемого «электронного правительства» (*e-government*) в конце 1990-х гг.¹⁰ За последние два десятилетия эти проекты прошли впечатляющий путь и серьезно поменяли свой функционал: от упрощения документооборота в структурных элементах госаппарата до опосредования большей части ситуаций взаимодействия гражданина с государством. Современные системы электронного правительства, такие как Единый портал государственных и муниципальных услуг в России, не только упрощают переписку между гражданами и государственными ведомствами, но и — что крайне важно! — постепенно накапливают все больший объем данных об индивидах. Интеграция различных государственных баз данных с информацией о субъектах и объединение систем идентификации личности с системами межведомственного обмена данными¹¹ делают возможным всесторонний контроль за субъектами со стороны государства.

Уже сегодня государственные базы данных включают не только регистрационно-анкетные сведения о каждом субъекте, но и данные биографического характера о случаях обращения того или иного лица к органам публичного управления, о состоящем на налоговом учете имуществе и своевременности внесения обязательных платежей в бюджет, об исполнении

трудовых обязанностей, об имевших место случаях привлечения лица к юридической ответственности, о неисполненных судебных актах и даже о намерении совершить противоправное деяние¹². Современные системы видеонаблюдения и автоматизированного видеоанализа событий в рамках проектов *smart city*¹³ позволяют в режиме реального времени идентифицировать индивидов, фиксировать и оценивать их поведение в общественных местах, причем область распространения таких систем все увеличивается¹⁴. Значительную часть информации о себе современный индивид добровольно указывает в своих профилях в социальных сетях в Интернете, а его записи и комментарии незаметно для него превращаются в материал, позволяющий алгоритмам искусственного интеллекта, работающим на государственные и корпоративные структуры, составить довольно-таки подробный его портрет. Уже введенная в некоторых странах мира, в том числе в России, идентификация пользователей интернет-сервисов должна упростить профилирование индивидов по оставляемым ими цифровым следам. Разрабатываемые в настоящее время финансовыми регуляторами ряда стран проекты внедрения цифровой валюты¹⁵ очевидным образом направлены на всеохватный централизованный контроль за движением денежных средств, доходами и расходами каждого субъекта.

Если прибавить к этому сведения о нас, поддерживающиеся в базах данных компаний частного

¹⁰ Grönlund Å., Horan T. A. Introducing e-Gov: History, definitions, and issues // Communications of the Association for Information Systems. 2005. Vol. 15. P. 713–714.

¹¹ В России такой системой является Единая система межведомственного электронного взаимодействия. См.: постановление Правительства РФ от 08.09.2010 № 697 «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия» // СЗ РФ. 2010. № 38. Ст. 4825

¹² См.: п. 1 ч. 4 ст. 20.6 Федерального закона от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» в редакции Федерального закона от 30.12.2021 № 462-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О физической культуре и спорте в Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2022. № 1 (ч. 1). Ст. 31.

¹³ В России к таковым, несомненно, можно отнести аппаратно-программный комплекс «Безопасный город».

¹⁴ См.: Wadhwa T. Smart Cities: Toward the Surveillance Society? // Smart Cities as Democratic Ecologies / ed. by D. Araya. London : Palgrave Macmillan, 2015. P. 125–141 ; Feldstein S. The Global Expansion of AI Surveillance // URL: https://carnegieendowment.org/files/WP-Feldstein-AISurveillance_final1.pdf (дата обращения: 12.04.2022).

¹⁵ См.: Концепция цифрового рубля // Банк России. 8 апреля 2021 г. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/41186/info_20210408.pdf (дата обращения: 12.04.2022) ; A Digital Euro // URL: https://www.ecb.europa.eu/paym/digital_euro/html/index.en.html (дата обращения: 12.04.2022) ; The Digital Dollar Project: Exploring a US CBDC. May 2020 // URL: <https://www.banking.senate.gov/imo/media/doc/Giancarlo%20Testimony%20Addendum%206-30-202.pdf> (дата обращения: 12.04.2022).

сектора (прежде всего в банках и бюро кредитных историй), становится очевидным: вот-вот не останется тех мест и сфер общественной жизни, в которых индивид не находился бы под надзором органов публичного управления и корпоративных гигантов либо где такой надзор был бы невозможен. Тогда как в отношении физических лиц данный вывод до сих пор звучит достаточно скандально, юридические лица и индивидуальные предприниматели интегрированы в мир цифрового государственного контроля еще более глубоко, в их отношении уже вводятся отдельные механизмы ранжированного управления на основе интеллектуального анализа репутационных данных об их деятельности¹⁶.

Медленно, но верно субъекты замыкаются в «цифровой контур» — уже не просто набор данных, а среда коммуникации, существования, пространство взаимодействия с публичной властью и заключения многих частноправовых сделок. Информация о субъектах, прежде хранившаяся в пыльных архивах или локальных электронных базах данных многочисленных ведомств, для доступа к которой требовалось в каждом отдельном случае отдельное решение уполномоченного должностного лица (человека), теперь доступна для автоматизированной (алгоритмической) обработки и автоматизированного же (полностью или хотя бы частично) принятия решений.

Впрочем, данные сами по себе значат не так много. Они нужны для того, чтобы формировать стохастические (вероятностные) модели поведения субъектов и по возможности влиять на такое поведение. Если государство имеет значительный объем данных о физическом или юридическом лице, оно осуществляет

профилирование¹⁷ данного лица, т.е. посредством тех или иных интеллектуальных средств обрабатывает имеющиеся данные о нем, анализирует их и уже на основании этого анализа оценивает его склонности к правомерному или неправомерному поведению, надлежащему или ненадлежащему исполнению договорных обязательств и т.д. Техническая возможность обрабатывать массивы данных о тысячах, а то и миллионах лиц, возможность выстраивать предсказания их вероятного поведения ведет к ранжированию лиц, находящихся внутри управляемого контура, к реализации политики *допусков и ограничений*.

По всей видимости, такую политику имел в виду французский философ Ж. Делёз, описывая в начале 1990-х гг., на заре информационной эры, картину общества, которую сегодня без какой-либо специальной оптики может наблюдать каждый из нас: «...город, где каждый может покинуть свое жилище, свою улицу, свой округ с помощью электронной (“дивидуальной”) карточки, которая открывает соответствующую дверь или проход. Но эта карта в какой-то определенный день или час может не действовать. Важен не сам барьер, а компьютер, который отслеживает положение каждого, легальное или нелегальное...»¹⁸.

В рамках правопорядка, в котором ключевую роль играет не объем законодательно закрепленных за субъектами прав и свобод, а переопределяемые в режиме реального времени допуски и ограничения, основным активом и ценностью становится *репутация*, вернее — репутационные данные о субъекте, фиксируемые в соответствующих базах данных и доступные для обработки.

¹⁶ Имеется в виду инициатива вычисления рейтинга деловой репутации для участников системы государственных закупок, а также введение ранжирования юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, являющихся клиентами российских банков, в зависимости от уровня риска совершения ими подозрительных операций с денежными средствами. См.: законопроект № 1100997-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1100997-7> (дата обращения: 19.04.2022) ; Федеральный закон от 21.12.2021 № 423-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52 (ч. 1). Ст. 8982.

¹⁷ По смыслу действующего в Европейском Союзе Общего регламента по защите данных профилирование связано в том числе с анализом имеющихся данных о субъекте и предсказанием вопросов, относящихся к качеству выполнения им своих трудовых обязанностей, состоянию его здоровья, его личным предпочтениям и интересам, его поведению, местоположению и т.д. (Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // OJEU. Legislation. 2016. No. 119. P. 1–88).

¹⁸ Делёз Ж. Post scriptum к обществам контроля // Переговоры: 1972–1990 / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. СПб. : Наука, 2004. С. 232.

Опора на репутационные данные и неизбежное в условиях нынешней цифровизации публичного управления формирование своего рода «ранжированного общества» (*graduated society*¹⁹) неожиданным образом возвращают актуальность конфуцианским подходам к вопросам права и управления.

Неожиданная актуальность конфуцианства

Для известных нам правовых систем западного типа, в том числе правовой системы России, характерны такие признаки, как разделение права и морали, формальное равенство граждан перед законом и судом, неразрывная связь юридической ответственности как механизма принуждения с противоправным поведением. Это базовые вещи, однако современные инновации в области регулирования и управления бросают им вызов.

«Человек по природе зол. Его доброта есть вопрос намеренного усилия», — рассуждал один из основоположников конфуцианства, Сюнь-цзы²⁰. Согласно идеям философа, добродетель необходимо культивировать в себе путем самоограничения собственных эгоистических желаний, что становится возможным благодаря следованию ритуалу. Как отмечает один из современных исследователей китайской политико-правовой мысли, ритуал — в понимании Сюнь-цзы — устанавливает место человека в рамках социума как гармонического целого, причем для такого общества естественной является иерархичность: «все равны только в том, что сполна имеют положенное каждому»²¹. Принципиально значимой в рамках такого мышления оказывается репутация: «знатный и низкий занимают свое положение; старший и младший имеют различия; бедный и богатый, презираемый и уважаемый — все имеют свою репутацию в обществе»²².

Как известно, конфуцианство настаивало на примате морали и социального этикета, а не права, при этом обращая особое внимание на репутацию человека. Идеалом конфуциан-

ства являлось общество, основанное в большей степени на добродетели, нежели на законе; отсюда проистекает идея управления людьми посредством усвоения ими типизированных поведенческих привычек, а не посредством предписывания им тех или иных абстрактных моделей поведения. Так, конфуцианская традиция утверждала, что добродетельному государю нет нужды заниматься делами управления: «Если наставлять народ путем [введения] правления, основанного на законе, и поддерживать порядок [угрозой] наказания, то народ станет избегать наказаний и лишится [чувства] стыда. Если наставлять народ путем [введения] правления, основанного на добродетели, и поддерживать порядок путем [использования] Правил (этикета. — *Автор*), то в народе появится [чувство] стыда, и он исправится»²³. В идеале, с точки зрения конфуцианства, государственные органы ничего не предписывают и не осуществляют управление напрямую, а лишь создают условия, при которых соблюдение норм социального этикета входит в повседневную привычку подданных. Стоит обратить внимание на тотальность социального этикета (*ли* 禮) в представлении конфуцианцев: он охватывает практически все аспекты человеческой жизни²⁴.

Конечно, сегодня нельзя говорить о буквальном перенесении на устройство общественной жизни конфуцианских идей, формировавшихся в принципиально иных исторических условиях, однако определенные параллели явно напрашиваются.

Замыкание субъектов в «цифровой контур», их более или менее детальное профилирование и ранжирование на основе тех или иных критериев позволяют в конечном счете передать принятие значительной части управленческих решений, осуществление контроля и надзора за деятельностью граждан и организаций от должностных лиц автоматизированным (алгоритмическим) системам. Управлению придается видимость *объективной*, не зависящей от воли и произвола чиновников деятельности: по идее, индивид все чаще должен стал-

¹⁹ Подробнее см.: Yu K. Towards Graduated Citizenship: A Study of Social Credit Systems in China // Critique: a worldwide student journal of politics. 2020, Spring. P. 28–55.

²⁰ Xunzi: The Complete Text. Princeton University Press, 2014. P. 248.

²¹ Малявин В. В. Китайская цивилизация. М., 2001. С. 172.

²² Сюнь-Цзы // Классическое конфуцианство : в 2 т. / переводы, статьи, комментарии А. Мартынова и И. Зограф. СПб. : Нева ; М. : ОЛМА-пресс, 2000. Т. 2. С. 169.

²³ Конфуций. Суждения и беседы. М. : Рипол-классик, 2017. С. 54.

²⁴ Olberding A. Etiquette: A Confucian Contribution to Moral Philosophy // Ethics. 2016. Vol. 126. No. 2. P. 422.

квиваться не с чиновником, а с безразличным пользовательским интерфейсом; само государственное принуждение должно перестать ассоциироваться с государственными органами и должностными лицами. Этой цели способствует и постепенный переход от регулирования посредством нормативных или индивидуально адресованных предписаний к регулированию через так называемые *технологические артефакты* (*technological artefacts*), т.е. технические устройства, делающие невозможным для субъекта нарушить установленные запреты (преодолеть ограничения) и тем самым задающие безальтернативные варианты поведения²⁵. Если, допустим, в отношении гражданина действует запрет на посещение спортивных соревнований и иных публичных мероприятий, он оказывается просто не в состоянии приобрести билет и пройти на стадион: электронная система не пропустит его. Если его репутация (рейтинг, ранг, класс, нахождение в черном списке) не позволяет ему приобретать недвижимость, сделка не состоится или не пройдет государственную регистрацию. Как ни странно, в этом нет ничего фантастического, и некоторые из подобных механизмов уже были испытаны ранее²⁶.

Если государство получает возможность меньше предписывать напрямую, через общеобязательные нормы законодательства, а регулирование социальными процессами в большей мере полагается на реализацию политики допусков и ограничений, связанной с анализом репутационных данных, то субъекты оказываются вынуждены действовать в заданных рамках, в соответствии с определенными для них допусками и с постоянной оглядкой на собственный репутационный статус. Принцип, согласно которому разрешено все, что не запрещено законом, фактически сменяется прин-

ципом «*Разрешено только то, что прямо разрешено* (то, что не вредит моей репутации)». Поскольку любые цифровые следы, вольно или невольно оставляемые субъектом, могут стать основаниями для ухудшения его социального статуса, императивами поведения в обществе рано или поздно должны сделаться самоограничение, самодисциплина и самоцензура, а наиболее рациональной стратегией правомерного поведения становится конформизм, установка вести себя «как все». Так или иначе, правомерное, социально полезное поведение субъектов неизбежно ритуализируется, так как технологические артефакты сводят возможность волевого отношения к выбору тех или иных действий к минимуму, а установка на конформное, бесконфликтное и одобряемое окружающими поведение не способствует глубокому осознанию должного и недопустимого; субъект вынужден вести себя типично, в рамках сформированной привычки, будучи «запрограммирован» окружающей его социальной средой и технологической архитектурой²⁷.

Важно, что пристальное внимание к репутации делает принципиально возможным и логичным учет соблюдения субъектами не только правовых, но и широкого спектра морально-этических норм и норм общежития при определении допусков и ограничений. Таким образом, в то время как государственное управление сливается с кажущейся беспристрастной и объективной техникой, право сливается с моралью, формируя новую синкретическую систему регулирования (*социального этикета*), подконтрольную институтам публичной власти.

Алгоритмическая оценка поведения субъектов, их ранжирование, осуществляемое в той или иной форме, создают, как уже отмечалось выше, иерархическое ранжированное обще-

²⁵ См.: *Hildebrandt M. Legal and Technological Normativity: More (and Less) than Twin Sisters // Techné: Research in Philosophy and Technology. 2008. Vol. 12. No. 3 ; Idem. Smart Technologies and the End(s) of Law: Novel Entanglements of Law and Technology. Edward Elgar Publishing, 2015. P. 11, 28.*

²⁶ В период пандемии коронавируса власти Москвы блокировали действие транспортных карт жителей столицы старше 60 лет и горожан с хроническими заболеваниями; разблокировка карт осуществлялась в автоматическом режиме после поступления сведений из Единой медицинской информационно-аналитической системы о прохождении вакцинации. См.: Как будут работать карты москвича у людей из групп риска: отвечаем на основные вопросы // URL: <https://www.mos.ru/news/item/98510073/> (дата обращения: 04.05.2022).

²⁷ Именно такую стратегию регулирования, очевидно, имел в виду М. Фуко, писавший о так называемых «устройствах безопасности» (Фуко М. Безопасность, территория, население : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб., 2011. С. 38, 72–75). Сегодня мы можем наблюдать их звездный час.

ство на месте общества формально равноправных субъектов.

В наиболее яркой форме описанные тенденции проявляются в своеобразном и масштабном проекте «Система социального кредита» (社会信用体系, далее — ССК), реализуемом в течение последних лет в КНР. Исследователи уже неоднократно пытались провести параллели между данным проектом и идеями китайского конфуцианства²⁸, хотя, пожалуй, связь ССК с китайской философией в большей степени случайна. Если отбросить сугубо китайскую специфику ССК с использованием позорящих практик общественного порицания недобросовестных (незаконопослушных) лиц и экспериментами по начислению баллов за социальное полезное и «подрывающее доверие» поведение²⁹, перед нашим взором предстанет механизм социального регулирования и контроля, развивающийся примерно в том же направлении, что и системы публичного управления западных стран: датафикация (*datafication*) поведенческих актов субъектов, цифровое профилирование, автоматизация принятия решений, выстраивание системы допусков и ограничений поверх и помимо закрепленных законом субъективных прав и свобод, слияние права с трансформированной (или, лучше сказать, деформированной) этикой³⁰.

Необратимые изменения

Стоит отметить: то направление развития, к которому новейшие технологии публичного управления подталкивают правовые системы, во многих отношениях противоречит ценностям и принципам, на основе которых правовые системы западного типа развивались до сих пор.

Прежде всего, стоит отметить, что перенос акцента с законодательного регулирования поведения субъектов (регулирования, при

котором устанавливаемые нормы прямо или опосредованно связаны с народным волеизъявлением и являются достаточными основаниями для реализации субъектами своих прав в конкретных правоотношениях) на регулирование посредством допусков и ограничений, связанных с репутацией (рейтингом, грейдом, рангом, классом) управляемых лиц, в конечном счете ведет к двум серьезнейшим изменениям: деградации закона как формы права и постепенной ликвидации народного суверенитета как фундамента, лежащего в основе большинства современных правовых порядков. Общество, разделенное на определенные множества в зависимости от наличия или отсутствия тех или иных допусков, в зависимости от содержания данных профилей в соответствующих базах данных, не может функционировать в качестве источника публичной власти и юридической силы законодательных актов. По большому счету, на место гражданского общества как предпосылки государства, на место народного суверенитета (*общей воли*³¹) как учредительной власти незаметно, но необратимо приходит «кастовое», разделенное общество, представители которого теряют какое-либо влияние на принятие общественно значимых решений, государственное строительство и законотворчество, превращаясь в безвольных статистов — объекты управленческих решений, исходящих как бы от нейтральных инстанций, а то и вовсе от искусственно созданных технологических артефактов. Коль скоро регулирование все в меньшей степени связывается с народным волеизъявлением и представительством и, напротив, все больше стремится к обретению видимости технической нейтральности, объективной обезличенности, законодательное регулирование постепенно замещается регулированием со стороны многочисленных подзаконных актов, а сами законы по своему содержанию и про-

²⁸ См.: Рувинский Р. З., Тарасов А. А. «Система социального кредита»: исторические предпосылки и доктринальные основания феномена // Национальная безопасность. 2020. № 3. С. 72–88 ; Creemers R. China's social credit system: An evolving practice of control // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3175792 (дата обращения: 19.04.2022) ; Yu K. Op. cit. P. 31–34.

²⁹ См.: Mac Sithigh D., Siems M. The Chinese Social Credit System: A Model for Other Countries? // Modern Law Review. 2019. Vol. 82. No. 6. P. 1050–1051.

³⁰ О трансформации правоприменительной практики в США под влиянием новой этики взаимоотношений мужчин и женщин на рабочем месте, катализатором развития которой стало движение #MeToo, см.: Tippet E. The Legal Implications of the MeToo Movement // Minnesota Law Review. 2018. Vol. 103. No. 57. P. 229–302.

³¹ См.: Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Об общественном договоре : трактаты. М., 2000. С. 209–216.

цедуре принятия³² все сильнее сближаются с подзаконными нормативными актами.

Профилирование и ранжирование субъектов, осуществляемое в той или иной форме (рейтингование, распределение на классы и т.п.), разумеется, в корне противоречат признаваемым современными правовыми системами принципам равенства всех перед законом и судом. Тогда как закон все менее становится отличим от подзаконного акта, технического регламента или инструкции, фактическая реализация предусмотренных законодательно прав и свобод субъектов ставится в прямую зависимость от содержания записей о них в государственных базах данных, от их оценки алгоритмическими системами. Следующий этап развития, логичным образом вытекающий из отмеченных тенденций, — детерминация объема и качества оказываемых государством публичных услуг содержанием информации в соответствующих цифровых профилях получателей этих услуг. Так технологическая архитектура надстраивается над зданием правового государства, делая само это здание бесполезным памятником самому себе.

Оцифровка правового поведения и выстраивание архитектуры допусков и ограничений — юридическая мина, закладываемая не только под институт прав и свобод граждан, но угрожающая также институту юридической ответственности и заставляющая переосмыслить вообще всю систему мер государственного принуждения. Во-первых, цифровое профилирование субъектов и переход к автоматизированному принятию решений на основе анализа данных делает принципиально возможным применение к лицу правоограничительных мер, напрямую не связанных с совершением им право-

нарушения. Во-вторых, все более глубокое внедрение интеллектуальных цифровых технологий в сферу публичного управления создает риски принятия правоприменительных актов лишь на основании выводов, сформированных зачастую непрозрачными алгоритмами³³. Развитие инструментов предиктивной аналитики и архитектуры допусков/ограничений рано или поздно должно будет поставить вопрос о внедрении в правоприменительную практику превентивных наказаний и профилактических ограничений, не связанных с уже совершенными правонарушениями. Теория перспективной юридической ответственности, являющаяся своеобразным изобретением отечественной юридической школы³⁴, может неожиданным образом обрести подлинную актуальность.

Но вернемся к субъекту права и его месту в рамках меняющегося правопорядка. Утративший равноправие с другими, вынужденный поступать типично, по-конформистски, дабы не попасть под рестрикции того или иного рода, перманентно находящийся в ситуации правовой неопределенности (поскольку его статус является результатом перманентных или периодически повторяемых вычислений) и под постоянным надзором, субъект *де-факто* становится *объектом*, частицей управляемого множества. В рамках такого формирующегося порядка индивиду остается только быть лояльным к любым инициативам органов публичной власти. Он более не является гражданином, поскольку лишен практически значимых возможностей влиять на законодательство и текущее управление; тем не менее он вполне может выступать в качестве потребителя, носителя эгоистичного интереса, удовлетворяющего свои преимущественно экономические потребности.

³² Здесь имеется в виду как пренебрежение отдельными процедурными требованиями в процессе обсуждения и принятия законодательных актов, ускоренный характер обсуждения законов, так и сведение всей законодательной процедуры к чистой формальности, превращение парламента из представительного органа в «не-место для дискуссий» — процессы, которым кризисные явления последних лет, несомненно, благоприятствуют. См.: *Rouvinsky R. Lawmaking in times of domestic and foreign-policy instability (the Russian experience) // The Theory and Practice of Legislation. 2021. Vol. 9. No. 1. P. 117–139.*

³³ Скандальными примерами принятия необоснованных судебных решений на основании выводов алгоритмических систем являются дело Эрика Лумиса в США (см.: *Liu H. W., Lin C. F., Chen Y. J. Beyond State v. Loomis: Artificial Intelligence, Government Algorithmization and Accountability // International Journal of Law and Information Technology. 2019. Vol. 27. No. 2. P. 122–141*) и случай Светланы Лепассон в России. См.: *Петров С. «Это не я!»: жительница Южно-Сахалинска добивается отмены штрафа за нарушение карантина // URL: <https://russian.rt.com/russia/article/738444-otmena-shtraf-karantin-narushenie> (дата обращения: 04.05.2022).*

³⁴ См.: *Куксин И. Н., Николаева Ж. А. Позитивная и негативная ответственность как виды юридической ответственности // Теория государства и права. 2021. Т. 22. № 2. С. 120–129.*

Заключение

Все описанное выше, конечно, может показаться мрачным преувеличением. Однако вне зависимости от того, нравится нам получившаяся картина или нет, необходимо признать: предпосылки использования новейших цифровых технологий именно в указанном ключе действительно имеют место, причем не только в КНР с ее системой социального кредита. Масштабные изменения, логику которых мы попытались развить и спроецировать на не очень отдаленное будущее, осуществляются, разумеется, не в одночасье, а будут растянуты на годы, в течение которых то, что ранее казалось невозможным и неприемлемым, будет постепенно становиться нормальным и привычным. Накопление подробнейших данных о поведенческих актах физических и юридических лиц, связывание различных ведомственных и корпоративных баз данных между собой, профилирование, а где-то даже социальное рейтингование или хотя бы ранжирование без начисления баллов уже имеют место. Отдельные страны ушли в этом развитии дальше, другие отстают или реализуют инновации в более осторожной форме. Россия — страна, никогда не делавшая фетишей из концепта верховенства права и идеологии прав человека, но при этом являющаяся одним из мировых лидеров в цифровизации публичного сектора³⁵, — сегодня, в период ухудшения отношений с так называемым Западом, оказывается перед соблазном последовать по наиболее прямому китайскому пути цифровой трансформации госуправления и своей правовой системы, с введением балльных рейтингов и инкорпорированием некоей

версии «государственной этики» в тексты нормативных правовых актов.

Если обобщить симптомы происходящих изменений, можно заметить, что все эти изменения, по-видимому, являются кульминацией процессов «моторизации права», о которых отдельные европейские ученые говорили еще столетие назад³⁶ и за которыми по большому счету скрывается отношение к праву как к технике (нейтральному инструменту), а не как к ценности. Сегодня, когда развитие технологий вычисления и обработки данных делает принципиально возможным постоянный надзор и прогнозирование поведения практически каждого, а также таргетированное регуляторно-репрессивное воздействие на ранжированные множества, для права как «искусства доброго и справедливого»³⁷ не остается места. Наиболее драматичным и самым важным здесь, пожалуй, является то, что описанные тенденции так или иначе связаны с процессами устранения волевого компонента из механизма регулирования общественных отношений. Индивиду, переставшему быть гражданином и сведенному к набору записей в базах данных, не остается ничего другого, кроме как послушно выполнять новые, в том числе абсурдные, указания уполномоченных инстанций, перестраивать свое поведение под вводимые на ходу «морально-этические» стандарты, мимикрировать, исполнять заведенный социальный ритуал. Цели довольно прозрачны: упрощение управления массами; упрощение самого общества, ставшего за последние десятилетия слишком сложным; регулирование (и, судя по всему, снижение) уровня потребления в условиях наступающей череды кризисов и потрясений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. — 2-е изд. — М. : Изд-во МГУ : Инфра-М — Норма, 1998. — 624 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия права : пер. с нем. — М. : Мысль, 1990. — 524 с.
3. Делёз Ж. Post scriptum к обществам контроля // Переговоры: 1972–1990 / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. — СПб. : Наука, 2004. — С. 226–233.
4. Дигесты Юстиниана / пер. с лат. ; отв. ред. Л. Л. Кофанов. — 2-е изд. — Т. 1. — М. : Статут, 2008. — 584 с.

³⁵ См.: Исследование ООН: Электронное правительство — 2020 // URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20-%20Russian.pdf> (дата обращения: 04.05.2022).

³⁶ Schmitt C. Die Lage der europäischen Rechtswissenschaft. Tübingen : Internationaler Universitäts-Verlag, 1950. S. 18–19.

³⁷ Дигесты Юстиниана. М. : Статут, 2008. Т. 1. С. 82.

5. Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России. — 2-е изд. — М. : Норма, Инфра-М, 2016. — 416 с.
6. Кашкин С. Ю., Алтухов А. В. Роль искусственного интеллекта в становлении платформенного права и его эволюции в направлении концепции права экосистем // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 1. — С. 94–108. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.182.1.094-108.
7. Конфуций. Суждения и беседы / пер. с кит. Л. С. Переломова. — М. : Рипол-классик, 2017. — 360 с.
8. Куксин И. Н., Николаева Ж. А. Позитивная и негативная ответственность как виды юридической ответственности // Теория государства и права. — 2021. — Т. 22. — № 2. — С. 120–129.
9. Малявин В. В. Китайская цивилизация. — М. : Дизайн. Информация. Картография : Астрель : АСТ, 2001. — 632 с.
10. Мишина Н. В. Право искусственного интеллекта как новая сфера правового регулирования или новая отрасль права // Евразийский союз ученых. — 2020. — Т. 72. — № 3. — С. 62–65.
11. Рожкова М. А. Является ли цифровое право отраслью права и ожидать ли появления цифрового кодекса? // Хозяйство и право. — 2020. — № 4 (519). — С. 3–12.
12. Рувинский Р. З., Тарасов А. А. «Система социального кредита»: исторические предпосылки и доктринальные основания феномена // Национальная безопасность. — 2020. — № 3. — С. 72–88.
13. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Об общественном договоре : трактаты : пер. с фр. — М. : Терра — Книжный клуб ; Канон-пресс-Ц, 2000. — С. 195–322.
14. Сюнь-Цзы // Классическое конфуцианство : в 2 т. / переводы, статьи, комментарии А. Мартынова и И. Зограф. — Т. 2. — СПб. : Нева ; М. : Олма-Пресс, 2000. — 208 с.
15. Фуко М. Безопасность, территория, население : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году : пер. с фр. — СПб. : Наука, 2011. — 544 с.
16. Creemers R. China's social credit system: An evolving practice of control // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3175792 (дата обращения: 19.04.2022).
17. Feldstein S. The Global Expansion of AI Surveillance. — Carnegie Endowment for International Peace, 2019. — URL: https://carnegieendowment.org/files/WP-Feldstein-AISurveillance_final1.pdf (дата обращения: 12.04.2022).
18. Grönlund Å., Horan T. A. Introducing e-Gov: History, definitions, and issues // Communications of the Association for Information Systems. — 2005. — Vol. 15. — P. 713–730.
19. Hildebrandt M. Legal and Technological Normativity: More (and Less) than Twin Sisters // Techné: Research in Philosophy and Technology. — 2008. — Vol. 12. — No. 3. — DOI: <https://doi.org/10.5840/techne20081232>.
20. Hildebrandt M. Smart Technologies and the End(s) of Law: Novel Entanglements of Law and Technology. — Cheltenham, UK & Northampton, MA, USA : Edward Elgar Publishing, 2015.
21. Liu H. W., Lin C. F., Chen Y. J. Beyond State v. Loomis: Artificial Intelligence, Government Algorithmization and Accountability // International Journal of Law and Information Technology. — 2019. — Vol. 27. — No. 2. — P. 122–141.
22. Mac Síthigh D., Siems M. The Chinese Social Credit System: A Model for Other Countries? // Modern Law Review. — 2019. — Vol. 82. — No. 6. — P. 1034–1071.
23. Olberding A. Etiquette: A Confucian Contribution to Moral Philosophy // Ethics. — 2016. — Vol. 126. — No. 2. — P. 422–446.
24. Oliveira A. Subject (in) Trouble: Humans, Robots, and Legal Imagination // Laws. — 2020. — Vol. 9. — No. 2. — DOI: <https://doi.org/10.3390/laws9020010>.
25. Rouvinsky R. Lawmaking in times of domestic and foreign-policy instability (the Russian experience) // The Theory and Practice of Legislation. — 2021. — Vol. 9. — No. 1. — P. 117–139. — DOI: <https://doi.org/10.1080/20508840.2020.1841986>.
26. Schmitt C. Die Lage der europäischen Rechtswissenschaft. — Tübingen : Internationaler Universitäts-Verlag, 1950. — 32 s.
27. Tippet E. The Legal Implications of the MeToo Movement // Minnesota Law Review. — 2018. — Vol. 103. — No. 57. — P. 229–302.
28. Wadhwa T. Smart Cities: Toward the Surveillance Society? // Smart Cities as Democratic Ecologies / ed. by D. Araya. — London : Palgrave Macmillan, 2015. — P. 125–141.
29. Xunzi: The Complete Text / trans. by E. L. Hutton. — Princeton : Princeton University Press, 2014.
30. Yu K. Towards Graduated Citizenship: A Study of Social Credit Systems in China // Critique: a worldwide student journal of politics. — 2020, Spring. — P. 28–55.

Материал поступил в редакцию 4 мая 2022 г.

REFERENCES

1. Berman G.D. Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya [The Western tradition of law: the age of formation]. Transl. from Eng. 2nd edition. Moscow: MSU: Infra-M — Norma Publ.; 1998. (In Russ.).
2. Hegel GVF. Filosofiya prava [Philosophy of Law]. Transl. from Germ. Moscow: Mysl Publ.; 1990. (In Russ.).
3. Deleuze J. Post scriptum k obshchestvam kontrolya [Post scriptum to control societies]. In: Deleuze J. Peregovory: 1972–1990 [Negotiations: 1972–1990]. Trans. from Fr. Bystrov VYu. St. Petersburg: Nauka Publ.; 2004. Pp. 226–233. (In Russ.).
4. Kofanov LL, editor. Digesty Yustiniana [Digests of Justinian]. Transl. from Lat. Vol. 1. 2nd ed. Moscow: Statut Publ.; 2008. (In Russ.).
5. Zorkin VD. Tsvivilizatsiya prava i razvitie Rossii [The civilization of law and development of Russia]. 2nd ed. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2016. (In Russ.).
6. Kashkin SYu, Altukhov AV. Rol iskusstvennogo intellekta v stanovlenii platformennogo prava i ego evolyutsii v napravlenii kontseptsii prava ekosistem [The Role of Artificial Intelligence in the Formation of Platform Law and its Evolution towards the Concept of Ecosystem Law]. *Lex Russica*. 2022;75(1):94-108. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.182.1.094-108. (In Russ.).
7. Confucius. Suzhdeniya i besedy [Judgments and conversations]. Transl. from Chinese by Perelomov LS. Moscow: Ripoll Klassik Publ.; 2017. (In Russ.).
8. Kuksin IN, Nikolaeva ZhA. Pozitivnaya i negativnaya otvetstvennost kak vidy yuridicheskoy otvetstvennosti [Positive and negative liability as types of legal liability]. *Teoriya gosudarstva i prava [Theory of state and law]*. 2021;22(2):120-129. (In Russ.).
9. Malyavin VV. Kitayskaya tsvivilizatsiya [Chinese civilization]. Moscow: Dizayn. Informatsiya. Kartografiya: Astrel: AST Publ.; 2001. (In Russ.).
10. Mishina NV. Pravo iskusstvennogo intellekta kak novaya sfera pravovogo regulirovaniya ili novaya otrasl prava [Artificial intelligence law as a new sphere of legal regulation or a new branch of law]. *Evraziyskiy soyuz uchennykh [Eurasian Union of Scientists]*. 2020;72(3):62-65. (In Russ.).
11. Rozhkova MA. Yavlyaetsya li tsifrovoe pravo otraslyu prava i ozhidat li poyavleniya tsifrovogo kodeksa? [Is digital law a branch of law and should we expect the appearance of a digital code?]. *Khozyaystvo i pravo [Business and Law]*. 2020;519(4):3-12. (In Russ.).
12. Ruvinskiy RZ, Tarasov AA. «Sistema sotsialnogo kredita»: istoricheskie predposylki i doktrinalnye osnovaniya fenomena [«Social credit system»: Historical prerequisites and doctrinal foundations of the phenomenon]. *Natsionalnaya bezopasnost [National Security]*. 2020;3:72-88. (In Russ.).
13. Rousseau JJ. Ob obshchestvennom dogovore, ili printsiipy politicheskogo prava [A Treatise on the Social Compact: Or the Principles of Political Law]. In: Roussau JJ. Ob obshchestvennom dogovore: Traktaty [On social contract: Treatises. Trans. from Fr.]. Moscow: Terra-Book Club Publ.; Kanon-press-Ts Publ.; 2000. Pp. 195–322. (In Russ.).
14. Xun-Tzu. Klassicheskoe konfutsianstvo: perevody, stati, kommentarii A. Martynova i I. Zograf: v 2 t. [Classical Confucianism: Translations, articles, and comments by A. Martynov and I. Zograf. In 2 vols.]. Vol. 2. St. Petersburg: Neva Publ.; Moscow: Olma-Press Publ.; 2000. (In Russ.).
15. Foucault M. Bezopasnost, territoriya, naselenie: kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom godu [Security, territory, population: A lecture course delivered at the Collège de France in the 1977–1978 academic year.]. Transl. from Fr. St. Petersburg: Nauka Publ.; 2011. (In Russ.).
16. Creemers R. China's social credit system: An evolving practice of control. Available from: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3175792 [Accessed: 04.19.2022].
17. Feldstein S. The Global Expansion of AI Surveillance. Carnegie Endowment for International Peace, 2019. Available at: https://carnegieendowment.org/files/WP-Feldstein-AISurveillance_final1.pdf [Accessed: 12.04.2022].
18. Grönlund Å, Horan TA. Introducing e-Gov: History, definitions, and issues. *Communications of the Association for Information Systems*. 2005;15:713-730.
19. Hildebrandt M. Legal and Technological Normativity: More (and Less) than Twin Sisters. *Techné: Research in Philosophy and Technology*. 2008;12:3. DOI: <https://doi.org/10.5840/techne20081232>.
20. Hildebrandt M. Smart Technologies and the End(s) of Law: Novel Entanglements of Law and Technology. Cheltenham, UK & Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing; 2015.

21. Liu HW, Lin CF, Chen YJ. Beyond State v. Loomis: Artificial Intelligence, Government Algorithmization and Accountability. *International Journal of Law and Information Technology*. 2019;27(2):122-141.
22. Mac Síthigh D, Siems M. The Chinese Social Credit System: A Model for Other Countries? *Modern Law Review*. 2019;82(6):1034-1071.
23. Olberding A. Etiquette: A Confucian Contribution to Moral Philosophy. *Ethics*. 2016;126(2):422-446.
24. Oliveira A. Subject (in) Trouble: Humans, Robots, and Legal Imagination. *Laws*. 2020;9(2). DOI: <https://doi.org/10.3390/laws9020010>.
25. Rouvinsky R. Lawmaking in times of domestic and foreign-policy instability (the Russian experience). *The Theory and Practice of Legislation*. 2021;9(1):117-139. DOI: <https://doi.org/10.1080/20508840.2020.1841986>.
26. Schmitt C. Die Lage der europäischen Rechtswissenschaft. Tübingen: Internationaler Universitäts-Verlag; 1950.
27. Tippet E. The Legal Implications of the MeToo Movement. *Minnesota Law Review*. 2018;103(57):229-302.
28. Wadhwa T. Smart Cities: Toward the Surveillance Society? In: Araya D, editor. *Smart Cities as Democratic Ecologies*. London: Palgrave Macmillan; 2015. Pp. 125–141.
29. Xunzi. *The Complete Text*. Trans. by Hutton EL. Princeton: Princeton University Press; 2014.
30. Yu K. Towards Graduated Citizenship: A Study of Social Credit Systems in China. *Critique: A Worldwide Student Journal of Politics*. 2020;Spring:28-55.

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.121-129

В. К. Грошева*

Содействие работникам милиции Украинской ССР в борьбе с преступностью и охране общественного порядка в 20-е годы XX века

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы содействия населения органам милиции в борьбе с уголовной преступностью и охране общественного порядка в УССР в 20-е гг. XX в. Автор рассматривает особенности привлечения милицией Советской Украины подсобных сил, среди которых комитеты незаможных селян, сельские исполнители, дворники, рабочие дружины. Раскрывается роль каждого вида подсобных сил в охране общественного порядка и борьбе с уголовной преступностью.

Автор указывает, что комитеты незаможных селян, способствуя реализации целей борьбы с уголовным бандитизмом, активно противостояли кулачеству. Рассматривается роль института сельских исполнителей, способствовавших решению задач милиции путем охраны общественного порядка, осуществления надзора за исполнением решений местных советов, выполнения охранно-конвойных функций. Отмечается, что в задачи дворников в каждом городском домовладении входил надзор за порядком и общественной безопасностью в границах территории домовладений. Раскрываются также особенности оказания помощи органам милиции рабочими дружинами, которые противодействовали кражам и хулиганству на улицах крупных городов, активно вели агитационную работу среди трудящихся.

В статье делается акцент на широком применении разъяснительной работы и агитации посредством выступлений перед рабочими организациями и сельскими сходами, размещения публикаций в средствах массовой информации в целях привлечения населения к выполнению задач милиции.

Автор делает вывод о том, что благодаря тесной связи с рабочим классом и крестьянством задачи по борьбе с преступностью и охране общественного порядка, поставленные перед органами советской милиции, успешно выполнялись, оговаривая, какие перспективы в работе современной полиции раскроет обращение к подобному опыту советского государства.

Ключевые слова: борьба с преступностью; Украинская ССР; охрана общественного порядка; органы милиции; население; содействие; подсобные силы.

Для цитирования: Грошева В. К. Содействие работникам милиции Украинской ССР в борьбе с преступностью и охране общественного порядка в 20-е годы XX века // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 9. — С. 121–129. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.121-129.

© Грошева В. К., 2022

* Грошева Виктория Константиновна, кандидат юридических наук, доцент, докторант кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8, г. Москва, Россия, 125171
vik-groshevaya@mail.ru

Assistance to Ukrainian SSR Police Officers in the Fight against Crime and Protection of Public Order in the 20s of the 20th Century

Viktoria K. Groshevaya, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Doctoral Candidate, Department of State and Legal Disciplines, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

ul. Zoyu and Aleksandra Kosmodemyanskikh, d. 8, Moscow, Russia, 125171
vik-groshevaya@mail.ru

Abstract. The paper deals with the issues of assistance of the population to the police in the fight against criminal crime and the protection of public order in the USSR in the 20s. of the 20th century. The author examines some features of the involvement of auxiliary forces by the Soviet Ukraine police, including committees of non-eligible villagers, village performers, janitors, workers' squads. The role of each type of auxiliary forces in the protection of public order and the fight against criminal crime is revealed.

The author points out that the committees of the unfit villagers, contributing to the realization of the goals of combating banditry, actively opposed the kulaks. The role of the institute of rural performers who contributed to solving the tasks of the police by protecting public order, supervising the execution of decisions of local councils, performing security and convoy functions is considered. It is noted that the tasks of street cleaners in each city household included supervision of order and public safety within the boundaries of the territory of households. The paper also reveals the specifics of assisting the police by workers' teams (*druzhinas*) who opposed thefts and hooliganism on the streets of large cities, actively conducted propaganda activities among workers.

The paper focuses on the widespread use of explanatory work and campaigning through speeches to workers' organizations and village gatherings, posting publications in the media in order to attract the population to the tasks of the police.

The author concludes that due to the close connection with the working class and the peasantry, the tasks set to combat crime and protect public order by the Soviet police were successfully carried out, specifying what prospects in the work of the modern police will reveal the appeal to similar experience of the Soviet state.

Keywords: fight against crime; Ukrainian SSR; protection of public order; police; population; assistance; auxiliary forces.

Cite as: Groshevaya VK. Sodeystvie rabotnikam militsii Ukrainskoy SSR v borbe s prestupnostyu i okhrane obshchestvennogo poriyadka v 20-e gody XX veka [Assistance to Ukrainian SSR Police Officers in the Fight against Crime and Protection of Public Order in the 20s of the 20th Century]. *Lex russica*. 2022;75(9):121-129. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.121-129. (In Russ., abstract in Eng.).

В 1920 г. в условиях напряженного военного и политического положения на освобожденной Украине была восстановлена советская власть и постепенно устраивалась мирная жизнь. Обстановка в республике по-прежнему была сложной в связи с наличием остатков бандитских формирований политического характера, которые дополнялись и уголовными бандформированиями. В исследуемый период наиболее распространенными были такие преступления, как бандитизм, фальшивомонетничество, спекуляция, дезертирство, конокрадство, самонаварение, имущественные преступления и др. Население активно оказывало помощь органам милиции в выявлении виновников данных уголовных и иных контрреволюционных преступлений, а также в охране общественного порядка на территории Украины.

Вопросы содействия населения органам милиции в борьбе с уголовной преступностью и

охране общественного порядка в Советском государстве, в частности в УССР, в 20-е гг. XX в. исследовали многие ученые: Ю. В. Александров, В. Н. Алтуев, С. И. Власенко, П. С. Елизаров, В. Б. Кузьменко, П. П. Михайленко, Р. С. Мулкаев, Н. И. Тимофеев и др. Вместе с тем данная тема в научной литературе освещена недостаточно.

В 1920-е гг. рабоче-крестьянская милиция УССР в основном состояла из рабочих, трудящихся крестьян и солдат. Государство, укрепляя органы милиции, направляло в ее ряды преданных советской власти людей. В структуру милиции в это время влилось довольно много лиц, которые не имели соответствующей общеобразовательной и профессиональной подготовки. Низким уровнем профессионализма, большой загруженностью, недостаточным материальным обеспечением и невысокой заработной платой обосновывалась слабая

работа по борьбе с преступностью и охране общественного порядка.

Необходимо отметить, что советская милиция пользовалась широкой поддержкой рабочих и крестьянских масс, постоянно сохраняя с ними связь. Эффективной формой такого взаимодействия были агитация на партийных собраниях рабочих коллективов, а также представление отчетов о результатах деятельности милиции и выступления ее работников перед населением в городе и деревне. При этом, анализируя свою работу, органы милиции не скрывали трудностей, стоящих перед ними, и призывали трудящихся оказывать им всевозможную помощь¹.

Руководители НКВД считали, что важным шагом укрепления взаимодействия милиции и населения, а также «приближения милиции непосредственно к населению» является представление периодических отчетов и выступление с докладами о проделанной работе перед рабочими организациями и сельскими сходами².

Также с целью привлечения трудящихся к содействию милиции в выполнении ее задач применялась практика публикации обращений в средствах печати. Так, например, в июле 1920 г. в редакцию газеты «Всероссийская кочегарка» было направлено письмо начальника Центро розыска Украины с просьбой о размещении в газете обращения, в котором предлагалось «всем гражданам Украины о всех происшествиях уголовного характера, как то: убийствах, грабежах, кражах, вымогательствах и прочих по возможности в день совершения преступления поставлять в известность Губрозыск или уездный уголовный розыск, что может дать более положительные результаты по борьбе с преступностью»³.

Как уже упоминалось выше, одним из видов преступлений в восстановительный период была борьба работников милиции с самогонварением, которое, кроме прочего, вредило народному хозяйству.

В печати появлялись призывы о помощи в борьбе с данным видом преступления. В декабре 1922 г. Главным управлением милиции УССР было опубликовано обращение «Помогите бороться с пьянством», которое призывало всех, кому было безразлично благосостояние республики, активно противостоять пьянству и самогонварению, сообщать в органы милиции об изготовлении и употреблении спиртных напитков. После опубликования данного обращения в милицию стали поступать сообщения о лицах, изготавливающих самогон, а также о злостных пьяницах⁴.

Стоит подчеркнуть, что в эти крайне трудные для молодого советского государства годы имел место факт сокращения штата милиции. Так, численность сотрудников милиции в УССР на 1 октября составляла: 1921 г. — 189 000; 1922 г. — 84 000; 1923 г. — 38 677; 1924 г. — 17 684; 1925 г. — 18 112; 1926 г. — 21 206; 1927 г. — 24 721; 1928 г. — 25 084. Таким образом, можно заметить, что в 1921–1924 гг. численность сократилась более чем в 10 раз⁵.

Среди основных причин сокращения численности работников милиции в Советской Украине следует выделить прежде всего завершение военных действий в начале 1920-х гг. и переход Советского государства к мирному этапу развития, связанному с началом осуществления новой экономической политики, постепенное затухание повстанческого крестьянского движения. Значимым фактором снижения штатной численности милиции стали также плановые чистки, проводимые специально созданными аттестационными комиссиями, в результате которых исключались из рядов милиции случайные и классово враждебные элементы.

В связи с резким сокращением штатов существенную помощь при исполнении заданий по охране общественного порядка и борьбе с преступностью оказывали подсобные силы, среди которых были комитеты незаможных селян,

¹ Александров Ю. В. Связь органов ЧК и милиции Советской Украины с трудящимися (1920–1922 годы) // Труды Киевской высшей школы МВД СССР. 1972. № 6. С. 213–214.

² Ханин С. В., Виравов В. С. Организационные и правовые основы взаимодействия милиции и населения в межвоенный период и в годы Великой Отечественной войны // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 14.

³ Государственный архив Донецкой Народной Республики. Ф. 2295. Оп. 1. Д. 2. Л. 25, 28.

⁴ Власенко С. И. Организационно-правовые основы участия трудящихся в деятельности правоохранительных органов УССР в 1921–1925 гг. // Проблемы социалистической законности. 1987. № 19. С. 42.

⁵ Черниченко С. А. Формирование кадров органов советской милиции в Украине в годы нэпа (1921–1928) // Проблемы законности. 1995. № 30. С. 62.

дворники, сельские исполнители, рабочие дружины и др.

Особую роль в укреплении органов рабоче-крестьянской милиции, а также повышении политического значения ее деятельности среди беднейшего крестьянства Украины в годы восстановительного периода сыграли комитеты незаможных селян.

6 марта 1920 г. решением IV Конференции КП(б)У на Украине были созданы комитеты незаможных селян (или комнезамы), которые являлись опорными пунктами диктатуры пролетариата на селе. В их обязанности входило противостояние кулачеству, укрепление на селе советской власти и претворение в жизнь идеалов социалистической революции.

Постановление Всеукраинского центрального исполнительного комитета от 13.04.1921 обязывало комнезамы всемерно помогать гражданским и военным органам советской власти в выполнении их функций.

Кроме того, в постановлении указывалось, что комитеты незаможных селян Украины должны были также участвовать в формировании кадрового состава милиции, в надзоре за ее деятельностью в центре и на местах.

К апрелю 1921 г. вооруженные отряды комитетов незаможных селян были созданы во всех губерниях Украины⁶. Выполняя постановление, комитеты оказывали постоянную помощь органам милиции в охране революционного порядка на селе, пополнении рядов милиции кадрами, укреплении социалистической законности.

Отдельно следует отметить, что значительную помощь органам милиции комнезамы оказывали в направлении борьбы с бандитизмом.

В этом же году СНК Украины было принято постановление «Об организации борьбы с бандитизмом», согласно которому все отряды самообороны комитетов незаможных селян были переданы в подчинение Главного управления милиции и розыска⁷.

Привлечение членов комитетов незаможных селян для борьбы с преступностью было законодательно закреплено постановлением

ВУЦИК от 13.04.1921 «О комитетах незаможных селян», в этом же нормативном правовом акте комитеты не только провозглашались организациями государственного значения, но и официально наделялись правоохранительными функциями⁸.

Согласно инструкции уездной и губернской комиссий по борьбе с уголовным бандитизмом от 09.03.1923, на основании постановления от 03.04.1923 совещания по борьбе с бандитизмом, проведенного при СНК УССР, при всех губернских и уездных военных совещаниях вводились комиссии по борьбе с уголовным бандитизмом, председателями которых являлись начальники губернских и уездных милиций. В своей деятельности комиссии по борьбе с уголовным бандитизмом были подчинены постоянным военным совещаниям, при которых они состояли.

В задачи комиссии входило объединение и руководство военными, гражданскими органами советской власти по борьбе с уголовным бандитизмом на территории губернии или уезда, разработка ударных комиссий по борьбе с уголовным бандитизмом и устранение причин, поддерживающих уголовный бандитизм.

Помимо данной инструкции, губернские и уездные комиссии по борьбе с уголовным бандитизмом в своей деятельности руководствовались декретами и распоряжениями рабоче-крестьянского правительства УССР, регламентирующими порядок их борьбы с бандитизмом, приказами и распоряжениями Всеукраинского постоянного совещания при Совнаркоме, а также постановлениями и приказами губернских и уездных постоянных совещаний, при которых состояли комиссии. Для достижения поставленных перед комиссиями по борьбе с уголовным бандитизмом задач предлагалось представлять на рассмотрение и утверждение военных совещаний проекты обязательных постановлений, приказов и распоряжений по борьбе с уголовным бандитизмом⁹.

Следует отметить, что комиссии по борьбе с уголовным бандитизмом выполняли функции

⁶ Тимофеев Н. И. Из истории взаимосвязи комитетов незаможных селян и рабоче-крестьянской милиции на Украине в годы восстановительного периода (1921–1925 гг.) // Труды Киевской высшей школы МВД СССР. 1970. № 3. С. 124–125.

⁷ Власенко С. И. Указ. соч. С. 41.

⁸ Кузьменко В. Б. Залучення громадських об'єднань до боротьби зі злочинністю в радянській Україні на початку 1920-х рр. // Роль та місце ОВС у розбудові демократичної правової держави : матеріали Міжнародної науково-практичної конференції (10 квітня 2009 р.). Одеса, 2009. С. 50.

⁹ Государственный архив Донецкой Народной Республики. Ф. 2374. Оп. 2. Д. 3. Л. 23.

координирующих органов. В свою очередь, комитеты незаможных селян оказывали помощь в реализации данной цели, сосредоточив внимание преимущественно на борьбе с «кулацким бандитизмом», у истоков которого стояли зажиточные селяне.

Для борьбы с кулачеством при волостях комитетами незаможных селян Полтавщины, Донбасса, Харьковщины и других местностей создавались конные и пешие гарнизоны, а при уездах — маневренные отряды.

Согласно постановлению Совнаркома УССР, которое было подтверждено V Всеукраинским съездом Советов, мелкие отряды комнезамов подчинялись местным начальникам милиции, крупные отряды, от эскадрона, батальона и выше, формировались в территориальные полки. Данное положение закреплялось в законе о комитетах незаможных селян, где указывалось, что комитеты незаможных селян были обязаны с оружием в руках бороться против бандитизма и беспощадно истреблять бандитов — как уголовных, так и тех, которые в интересах кулаков, капиталистов, помещиков и белогвардейцев разрушают всенародное добро и имущество трудового государства¹⁰.

Кроме прочего, комитеты незаможных селян были обязаны немедленно сообщать органам советской власти о различных враждебных выступлениях, выявлять укрывателей и пособников бандитов, вести активную и твердую борьбу с самогонварением¹¹.

В июне 1924 г. на 6-м Всеукраинском совещании работников НКВД была принята резолюция, согласно которой в связи с резким сокращением аппарата милиции и уголовного розыска обращалось особое внимание на рациональное использование института дворников и сельских исполнителей, которых необходимо было подчинить милиции в качестве подсобных сил¹².

Вышеупомянутые подсобные силы оказывали существенную помощь милиции при исполнении заданий по охране общественного порядка.

Отменив свои постановления от 03.10.1922 «О введении института дворников» и от 15.10.1925 «Об изменении постановления “О введении института дворников”», СНК УССР постановил предоставить НКВД право издания обязательных постановлений о возложении на домовладения во всех окружных городах обязанности содержания дворников как для поддержания чистоты, так и для содействия милиции в деле охраны порядка.

Права и обязанности дворников определялись НКВД по соглашению с Всеукраинским советом профессиональных союзов¹³.

В феврале 1927 г. на основании постановления СНК УССР от 15.12.1925 «О дворниках» НКВД УССР постановил, что в окружных городах каждое городское домовладение должно было иметь дворника для поддержания чистоты и порядка, а также дворники обязаны были оказывать помощь милиции в деле надзора за порядком, тишиной, спокойствием и общественной безопасностью в границах своего домовладения по распоряжению местного района милиции¹⁴.

Немного позже, в мае 1928 г., постановлением НКВД УССР была утверждена «Инструкция о правах и обязанностях дворников», изданная на основании Административного кодекса УССР. Так, городским советам предоставлялось право издавать обязательные постановления о введении института дворников во всех без исключения окружных городах и прочих городах с населением не менее 25 000 человек. Инструктивное дворников в области административной работы производилось по распоряжению соответствующего начальника милиции периодически¹⁵.

¹⁰ Михайленко П. П. Из истории милиции советской Украины // Министерство охраны общественного порядка Украинской ССР. Киев, 1965.

¹¹ Тимофеев Н. И. Указ. соч. С. 126.

¹² Михайленко П. П. История милиции Украинской ССР в документах и материалах. Т. 1: 1917–1937 гг. / МВД СССР. Киев, 1969.

¹³ Постановление СНК УССР от 15.12.1925 № 552 «О дворниках» // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Украины. 31.12.1925. № 101. С. 1420.

¹⁴ Постановление НКВД УССР от 07.02.1927 № 47 «О дворниках» // Збірник Узаконень та Розпоряджень Робітничо-Селянського Уряду України № 10 від 12 квітня 1927 року. С. 138–139.

¹⁵ Постановление НКВД УССР от 24.05.1928 № 100 «Инструкция о правах и обязанностях дворников» // Збірник Узаконень та Розпоряджень Робітничо-Селянського Уряду України № 17 від 5 жовтня 1928 року. С. 541–545.

Следует отметить, что в период выхода из последствий многолетней войны и преодоления экономической разрухи главной целью страны было восстановление народного хозяйства. Государственный аппарат сокращался, переводился на местный бюджет. Расходы милиции, которая являлась одним из звеньев государственного аппарата, были сведены до минимума. Наибольшие проблемы наблюдались в сельской местности, где штаты милиции были значительно урезаны. В этих условиях и создается институт сельских исполнителей, который в 1920-х гг. способствовал укреплению общественного порядка. Сельское исполнительство представляло собой форму привлечения крестьян к работе советов, а именно к участию в государственном управлении, несмотря на то что основные обязанности сельских исполнителей заключались в содействии милиции в охране общественного порядка¹⁶.

В УССР институт сельских исполнителей был утвержден постановлением ВУЦИК и СНК УССР 9 июля 1924 г.¹⁷ Сельские исполнители осуществляли надзор за исполнением обязательных постановлений исполкомов местных советов, дежурили в сельсоветах, охраняли кассы «сельхозналогов», пресекали действия хулиганов, предупреждали правонарушения, охраняли и конвоировали арестованных, помогали органам милиции, выполняя различные задания.

В начале 1928 г. НКВД была издана инструкция «Об организации прав и обязанностей института сельских исполнителей», которая включала в себя порядок установления сельских исполнителей, а также их права и обязанности. Так, например, старшие и младшие сельские исполнители вводились как в сельских местностях, так и в поселках городского типа.

Сельские исполнители для каждого поселка устанавливались порядком, предусмотренным данной инструкцией. Соответствующий сельский или поселковый совет формировался из граждан возрастом от 18 до 45 лет, которые постоянно проживали в поселке, на срок не более 4 месяцев. По истечении данного срока в сельский или поселковый совет поступали по очереди следующие граждане поселка.

Старшими сельскими исполнителями назначались только пишущие граждане.

Сельскими исполнителями не назначались лица, лишённые избирательных прав, возрастом младше 18 лет и старше 45, а также лица, которые находились под судом и следствием по обвинению в преступлениях, влекущих за собой лишение свободы.

В обязанности сельских исполнителей входило: смотреть за поддержанием на обслуживаемом ими участке революционного порядка и общественного спокойствия; уведомлять сельский совет и милицию обо всем, происходящем в селе (совершенные преступления, самоубийства, эпидемиологические заболевания, найденные вещи, прилудный скот и т.д.), а также принимать меры к охране места и следов преступления до приезда милиции; задерживать и препровождать к сельскому совету или милиции лиц, которые совершили преступление; следить за соблюдением действующих обязательных постановлений и правил, в частности смотреть за чистотой и санитарным состоянием поселка, за исправным состоянием улиц, мостов, площадей, колодцев общего пользования и других общественных сооружений на территории обслуживаемого участка, за тем, чтобы не были уничтожены и повреждены телефонные и телеграфные линии; привлекать людей к трудовой повинности, в частности для борьбы с пожарами, наводнениями и другими стихийными бедствиями, а также принимать меры борьбы с ними, спасая людей, имущество и др.; отправлять по нарядам сельского совета и районных административных милицейских отделов на работу лиц, которым судом или постановлением админорганов было назначено отбывать принудительный труд без лишения свободы, следить за тем, как они исполняют работу, и выявлять тех, кто уклоняется от нее; оповещать граждан обо всех распоряжениях и важнейших постановлениях сельского совета, сообщать им об общих сборах, вручать повестки, уведомления и постановления; исполнять другие обязанности, предусмотренные в специальных законах¹⁸.

Во второй половине 1920-х гг. новыми формами взаимодействия населения с право-

¹⁶ Мулукаев Р. С. К вопросу об историческом опыте участия населения в охране общественного порядка // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 4 (32). С. 89.

¹⁷ Алтуев В. М. З історії діяльності Катеринославської губернської міліції з ліквідації кримінальної злочинності в період відбудови народного господарства (1921–1925 р.) // Науковий вісник Юридичної академії Міністерства внутрішніх справ. 2005. № 2 (21). С. 94.

¹⁸ Государственный архив Донецкой Народной Республики. Ф. 457. Оп. 1. Д. 19. Л. 113. 114.

охранительными органами стали созданные городские дружины по борьбе с хулиганством, которые оказывали большую помощь органам милиции на улицах городов, участвуя в обеспечении общественного порядка и борьбе с правонарушениями, кражами, хулиганством, что было важно в связи со значительным увеличением городского населения, обусловленным ростом индустриализации страны¹⁹.

Согласно инструкции 1926 г. «О создании рабочих дружин по борьбе с хулиганством и о порядке их работы» дружины по борьбе с хулиганством создавались по принципу территориальности, а именно: по клубам, рабочим поселкам, колониям, предприятиям и улицам города, которые были «поражены хулиганством».

Членами дружин могли быть все трудящиеся, честные граждане не моложе 18 лет, причем в дружине клуба должны были состоять члены этого клуба, в дружине рабочего поселка должны были состоять рабочие этого поселка, в дружине предприятия должны были состоять трудящиеся этого предприятия и т.д.

Обязанность по созданию дружин возлагалась на членов горсовета.

Никакого оружия, а также отличительных знаков, свистков дружины не имели. Они держали связь с милицией и по роду своей деятельности являлись для милиции подсобной силой в борьбе с хулиганством.

Осуществление борьбы с хулиганством дружинами заключалось в первую очередь в агитационной работе среди трудящихся того района или предприятия, который они обслуживали, а затем в определенные дни и часы, в зависимости от местных условий, члены дружин производили обходы или дежурства на предмет недопущения хулиганства. Всех замеченных в хулиганстве задерживали и доставляли в участок или в район милиции либо передавали ближайшему постовому милиционеру, а сами являлись свидетелями по данному делу и заявителями.

Участки и районы милиции обязаны были периодически инструктировать членов дружин о методах борьбы с хулиганством на предмет недопущения нежелательных явлений в смысле бесцельного задержания граждан²⁰.

В течение 1926–1927 гг. с помощью общей милиции в Советском Союзе почти повсеместно были созданы дружины по борьбе с хулиганством²¹.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что существенную помощь в борьбе с преступностью и охране общественного порядка в 20-е гг. XX в. милиции УССР оказывали подсобные силы, среди которых комитеты незаможных селян, сельские исполнители, дворники, рабочие дружины. Комитеты незаможных селян, участвуя в борьбе с уголовным бандитизмом, активно противостояли кулачеству. Институт сельских исполнителей способствовал решению задач милиции путем охраны общественного порядка, осуществления надзора за исполнением решений местных советов, выполнения охранно-конвойных функций. В задачи дворников, которые были в каждом городском домовладении, входил надзор за порядком и общественной безопасностью в границах территорий домовладений. Рабочие дружины помогали органам милиции в борьбе с кражами и хулиганством на улицах крупных городов, активно вели агитационную работу среди трудящихся.

В целях привлечения населения к выполнению задач милиции широко применялась разъяснительная работа и агитация посредством выступлений перед рабочими организациями и сельскими сходами, размещения публикаций в средствах массовой информации. Благодаря тесной связи с рабочим классом и крестьянством, полагаясь на самых стойких и преданных рабоче-крестьянской власти элементов, органы советской милиции успешно выполняли поставленные перед ними задачи по борьбе с преступностью и охране общественного порядка. Указанная работа была результатом здорового социалистического группового и массового правосознания, сформированного на идеалах и ценностях социалистического общества. Уверены, что обращение к подобному опыту Советского государства раскроет новые перспективы совершенствования работы современной полиции.

¹⁹ Калашник М. В. Генезис форм взаимодействия милиции и населения // Проблемы правоохранительной деятельности. 2013. № 2. С. 127.

²⁰ Государственный архив Донецкой Народной Республики. Ф. 395. Оп. 1. Д. 21. Л. 7.

²¹ Говоров И. В., Ремнева С. В. Из истории развития общественных формирований по содействию органам милиции в СССР в 20–80-е годы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 4 (36). С. 25–31.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Александров Ю. В. Связь органов ЧК и милиции Советской Украины с трудящимися (1920–1922 годы) // Труды Киевской высшей школы МВД СССР. — 1972. — № 6. — С. 212–217.
2. Алтуев В. М. З історії діяльності Катеринославської губернської міліції з ліквідації кримінальної злочинності в період відбудови народного господарства (1921–1925 р.) // Науковий вісник Юридичної академії Міністерства внутрішніх справ. — 2005. — № 2 (21). — С. 90–99.
3. Власенко С. И. Организационно-правовые основы участия трудящихся в деятельности правоохранительных органов УССР в 1921–1925 гг. // Проблемы социалистической законности. — 1987. — № 19. — С. 39–44.
4. Говоров И. В., Ремнева С. В. Из истории развития общественных формирований по содействию органам милиции в СССР в 20–80-е годы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2007. — № 4 (36). — С. 25–31.
5. Калашник М. В. Генезис форм взаимодействия милиции и населения // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2013. — № 2. — С. 126–130.
6. Кузьменко В. Б. Залучення громадських об'єднань до боротьби зі злочинністю в радянській Україні на початку 1920-х рр. // Роль та місце ОВС у розбудові демократичної правової держави : матеріали Міжнародної науково-практичної конференції (10 квітня 2009 р.). — Одеса, 2009. — С. 50–51.
7. Михайленко П. П. Из истории милиции советской Украины / Министерство охраны общественного порядка Украинской ССР. — Киев, 1965. — 400 с.
8. Михайленко П. П. История милиции Украинской ССР в документах и материалах. Т. 1 : 1917–1937 гг. / МВД СССР. — Киев, 1969. — 884 с.
9. Мулукаев Р. С. К вопросу об историческом опыте участия населения в охране общественного порядка // Труды Академии управления МВД России. — 2014. — № 4 (32). — С. 87–91.
10. Тимофеев Н. И. Из истории взаимосвязи комитетов незаможных селян и рабоче-крестьянской милиции на Украине в годы восстановительного периода (1921–1925 гг.) // Труды Киевской высшей школы МВД СССР. — 1970. — № 3. — С. 123–137.
11. Ханин С. В., Виравов В. С. Организационные и правовые основы взаимодействия милиции и населения в межвоенный период и в годы Великой Отечественной войны // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2013. — № 22. — С. 14–18.
12. Черниченко С. А. Формирование кадров органов советской милиции в Украине в годы нэпа (1921–1928) // Проблемы законности. — 1995. — № 30. — С. 60–68.

Матеріал поступил в редакцию 28 июля 2022 г.

REFERENCES

1. Aleksandrov YuV. Svyaz organov ChK i militsii Sovetskoj Ukrainy s trudyashchimisya (1920–1922 gody) [The connection of the Cheka and the militia of Soviet Ukraine with the workers (1920–1922)]. *Trudy Kievskoj vysshey shkoly MVD SSSR*. 1972;6:212-217. (In Russ.).
2. Altuev VM. Z istorii diyalnosti Katerinoslavskoї gubernskoї militsii z likvidatsii kriminalnoї zlochinnosti v period vidbudovi narodnogo gospodarstva (1921–1925 p.). *Naukoviy visnik Yuridichnoї akademii Ministerstva vnutrishnikh sprav*. 2005;2(21):90-99.
3. Vlasenko SI. Organizatsionno-pravovye osnovy uchastiya trudyashchikhsya v deyatelnosti pravookhranitelnykh organov USSR v 1921–1925 gg. [Organizational and legal bases of workers' participation in the activities of law enforcement agencies of the Ukrainian SSR in 1921–1925]. *Problemy sotsialisticheskoy zakonnosti [Problems of socialist legality]*. 1987;19:39-44. (In Russ.).
4. Govorov IV, Remneva SV. Iz istorii razvitiya obshchestvennykh formirovaniy po sodeystviyu organam militsii v SSSR v 20–80-e gody [From the history of the development of public formations to assist the police in the USSR in the 20–80s]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2007;4(36):25-31. (In Russ.).
5. Kalashnik MV. Genезis form vzaimodeystviya militsii i naseleniya [Genesis of forms of interaction between the police and the population]. *Problemy pravookhranitelnoy deyatelnosti [Problems of Law Enforcement Activity]*. 2013;2:126-130. (In Russ.).

6. Kuzmenko VB. Zaluchennya gromadskikh ob'ednan do borotbi zi zlochinnistyu v radyanskiy Ukraïni na pochatku 1920-kh rr. Materiali mizhnarodnoï naukovo-praktichnoï konferentsii «Rol ta mistse OVS u rozbudovi demokratichnoï pravovoï derzhavi» (10 kvitnya 2009 p.). Odessa; 2009. Pp. 50–51.
7. Mikhailenko PP. Iz istorii militsii sovetskoy Ukrainy [From the history of the militia of Soviet Ukraine]. Ministerstvo okhrany obshchestvennogo poryadka Ukrainskoy SSR. Kiev; 1965. (In Russ.).
8. Mikhaylenko PP. Istoriya militsii Ukrainskoy SSR v dokumentakh i materialakh [The history of the militia of the Ukrainian SSR in documents and materials]. Vol. 1: 1917–1937. Ministry of Internal Affairs of the USSR. Kiev; 1969. (In Russ.).
9. Mulukaev RS. K voprosu ob istoricheskom opyte uchastiya naseleniya v okhrane obshchestvennogo poryadka [On the historical experience of the population's participation in the protection of public order]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*. 2014;4(32):87-91. (In Russ.).
10. Timofeev NI. Iz istorii vzaimosvyazi komitetov nezamozhnykh selyan i raboche-krestyanskoy militsii na Ukraine v gody vosstanovitel'nogo perioda (1921–1925 gg.) [From the history of the relationship between the committees of the peasants and the workers' and peasants' militia in Ukraine during the reconstruction period (1921–1925)]. *Trudy Kievskoy vysshey shkoly MVD SSSR*. 1970;3:123-137. (In Russ.).
11. Khanin SV, Virabov VS. Organizatsionnye i pravovye osnovy vzaimodeystviya militsii i naseleniya v mezhoennyy period i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Organizational and legal bases of interaction between the police and the population in the interwar period and during the Great Patriotic War]. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 2013;22:14-18. (In Russ.).
12. Chernichenko SV. Formirovaniye kadrov organov sovetskoy militsii v Ukraine v gody NEPa (1921–1928) [Formation of cadres of the Soviet police in Ukraine during the years of the NEP (1921–1928)]. *Problemy zakonnosti*. 1995;30:60-68. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.130-140

А. В. Корнев*

Конкуренция методологических подходов в истории политических и правовых учений¹

Аннотация. Статья посвящена различным подходам к изучению политико-правовых доктрин. Каждая из них в своей структуре содержит методологическое основание. Именно методология политических и правовых идей во многом определяет их научную состоятельность и практическую реализуемость. В этой связи методологические приемы приобретают большое значение. Особенность истории политических и правовых учений как научной и учебной дисциплины состоит в том, что она не только использует те или иные методы научного познания, как и любая другая наука, но и сама располагает мощным методологическим потенциалом. В настоящее время мы являемся свидетелями бескомпромиссной войны идеологий, за которыми стоят те или иные ценности, интересы. В данном контексте раскрываются методологические подходы, используемые в познании политико-правовой реальности, отраженной в идеях мыслителей прошлых эпох и современности. В статье не рассматриваются общие, частные и специальные методы познания. Акцент сделан на определенных познавательных подходах и действиях в целях анализа содержания политических и правовых учений. Предпринята попытка рассмотреть историю, к примеру, не как науку, а как научный метод. То же касается философии и социологии. Это несколько расходится с определенными «стандартами» касательно методологии как совокупности методов и приемов добывания научного знания. Тем не менее применительно к истории политических и правовых учений такой подход оправдан особенностями объекта и предмета исследования. Конкуренция подходов означает всего лишь свободу выбора исследовательских приемов и их способность дополнять друг друга.

Ключевые слова: государство; доктрина; история; конкуренция; метод; подход; политика; право; прием; социология; учение; философия.

Для цитирования: Корнев А. В. Конкуренция методологических подходов в истории политических и правовых учений // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 9. — С. 130–140. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.130-140.

Competition between Methodological Approaches in the History of Political and Legal Doctrines²

Arkadiy V. Kornev, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
kornev_av@rambler.ru

Abstract. The paper is devoted to various approaches to the study of political and legal doctrines. Each of them in its structure contains a methodological basis. It is the methodology of political and legal ideas that largely determines their scientific validity and practical feasibility. In this regard, methodological techniques are of great importance. The peculiarity of the history of political and legal doctrines as a scientific and educational discipline

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00779.

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-011-00779.

© Корнев А. В., 2022

* Корнев Аркадий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

kornev_av@rambler.ru

is that it not only uses certain methods of scientific cognition, like any other science, but also has a powerful methodological potential itself. Currently, we are witnessing an uncompromising war of ideologies having certain values and interests behind them. In this context, the paper reveals methodological approaches used in the cognition of the political and legal reality reflected in the ideas of thinkers of past eras and modernity. The paper does not consider general, particular and special methods of cognition. The emphasis is given to certain cognitive approaches and actions in order to analyze the content of political and legal doctrines. In this regard, the author attempts to consider history, for example, not as a science, but as a scientific method. The same applies to philosophy and sociology. This is somewhat at odds with certain «standards» regarding methodology as a set of methods and techniques for obtaining scientific knowledge. Nevertheless, in relation to the history of political and legal doctrines, such an approach is justified by virtue of the object and subject of the study. Competition between these approaches means only freedom of choice of research techniques and their ability to complement each other.

Keywords: state; doctrine; history; competition; method; approach; politics; law; technique; sociology; teaching; philosophy.

Cite as: Kornev AV. Konkurenciya metodologicheskikh podkhodov v istorii politicheskikh i pravovykh ucheniy [Competition between Methodological Approaches in the History of Political and Legal Doctrines]. *Lex russica*. 2022;75(9):130-140. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.130-140. (In Russ., abstract in Eng.).

Имеет смысл сделать некоторое отступление и предпослать основным идеям определенную информацию для размышления. Редко кому приходит в голову, что методология как таковая имеет и мировоззренческую составляющую.

Современный мир вступил в беспрецедентный период борьбы идей, ценностей, идеологий. То, что мы видим сегодня, не наблюдалось даже во время так называемой холодной войны. В конце 80-х годов прошлого века казалось, что этот исторический отрезок закончился навсегда. Наша страна целиком перестроила свою экономику под самые общие представления о рынке, начала формировать политическую систему, основанную на конкуренции, отменила цензуру, на конституционном уровне закрепила основополагающие права человека и сделала еще много того, что укладывалось в западные стандарты. Формировалось законодательство под требования Европейского Союза и Всемирной торговой организации. Но, увы, Россия не стала частью западного проекта. А ведь жертвы принесены были немалые. В чем причина? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо почитать Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, И. А. Ильина и многих других выдающихся русских мыслителей. Вот какой ответ предлагает Данилевский: «Дело в том, что Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает из Китая, Индии, Африки, большей части Америки и т.д., —

материалом, который можно бы формировать и обделывать по образу и подобию своему, как прежде было надеяться, как особенно надеялись немцы, которые, несмотря на препропалавшийся космополитизм, только от единой спасительной германской цивилизации чают спасения мира. Европа видит поэтому в Руси и в славянстве не только чуждое, но и враждебное начало»³.

Разумеется, данную позицию, абсолютно правильную, необходимо воспринимать с учетом исторических поправок. Китай и Индия — далеко уже не «материал». Китай давно превратился в мировую фабрику и экономического гиганта. Некоторые рейтинговые агентства считают его экономику первой, а некоторые — второй после США. Но это непринципиально, так как США за счет «бухгалтерских» ухищрений постоянно накручивают 4–7 % в мировом ВВП. Индия стремительно развивается, хотя экономических проблем там хватает. Взять хотя бы продовольственную. Значительная часть населения этой страны недоедает. Вместе эти две страны составляют значительную часть мирового населения. По этой причине западные страны изо всех сил стараются не допустить альянса России, Китая, Индии, призывая последних двух начисто забыть прошлое и варварское отношение метрополий к своим колониям или полуколониям. Принципиальной разницы нет.

И дело здесь, собственно говоря, не в самой Европе. Она как была к нам враждебна, так и останется. Проблема в нас, в России как таковой и в народах, ее населяющих. И здесь опять

³ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Книга, 1991. С. 50–51.

абсолютно прав Н. Я. Данилевский: «...всякая народность имеет право на самостоятельное существование в той именно мере, в какой сама его сознает и имеет на него притязание»⁴.

Задача стоит перед Россией непростая. Или проиграть коллективному Западу в войне, возможно в ее «горячей» форме, и быть разделенной на несколько подконтрольных внешнему управлению государств, или победить и остаться великой страной — цивилизацией. Однако для этого нужно обладать той волей и теми возможностями, о которых писал Данилевский. Говоря современным языком, необходимо сохранить политическую, а стало быть, и историческую субъектность. Когда народ или народы отказываются от этого права-обязанности, они из субъекта превращаются в объект истории. Фактически они соглашаются с ролью биомассы, ни на что не претендующей, игрушки в руках мировых кукловодов. Их собственная судьба будет решаться не ими, и даже не национальными политическими центрами. Сегодня это отчетливо видно на примере прибалтийских государств, государств Восточной Европы. И даже страны «настоящей» Европы, такие как Германия, Англия, Франция, Италия, Испания, по сути, представляют собой марионеточные государства в руках евроатлантистов. А что же говорить о других.

Точно так же, как объективное право берет свое начало от права-претензии на что-либо (субъективного права), так и право народа на свою политическую субъектность, притязание на территорию (пространство) как свою собственную обеспечивает ему независимость. Пусть иногда и весьма условную.

Упрощая, можно сказать, что народ, осознающий свое право притязать, создается двумя субъектами — историком и картографом. Историк обязан сформировать миф о том, что мы, то есть определенный народ, — народ самый древний и цивилизованный, в то время как другие были просто дикарями и долгое время находились на стадии варварства. А задача картографа состоит в том, чтобы показать, и главным образом доказать, что эта земля всегда или некогда была «нашей». В процессе внедрения политической мифологии информация буквально уничтожает смыслы, за которые имеет привычку держаться человек. Или, как более точно выражается Ж. Бодрийяр, «...информация раз-

лагает смысл, разлагает социальное, превращает их в некую туманность, обреченную вовсе не на прирост нового, а наоборот, на тотальную энтропию»⁵.

Все очень логично: энтропия порождает хаос и хаотизацию; это облегчает задачу навязывания своей модели или картинки мира. А деление на своих (друзей) и чужих (врагов) и вовсе предполагает относительно предсказуемое и контролируемое управление происходящими процессами.

Надо честно признаться, что информационную войну наша страна безоговорочно проигрывает. Тому много причин. Если говорить о сфере образования, одна из них состоит в сознательном ослаблении воспитательного, мировоззренческого потенциала таких дисциплин, как история, литература, русский язык. **В системе юридического образования такую роль когда-то играла история политических и правовых учений, а потому из образовательных стандартов ее целенаправленно исключили.** Наши оппоненты воспитывают свою молодежь в духе зоологической русофобии, презрения ко всему русскому. Дошло до запрещения А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, П. И. Чайковского, А. П. Чехова и др. А между тем на театральных сценах мира Чехов уступал разве только У. Шекспиру. К слову сказать, сомнения в реальности существования такого автора как одного человека до настоящего времени так и не развеяны. Да и разве можно представить себе мировую литературу без Достоевского, а театр без системы Станиславского? Видимо, можно. А причин такой политики в отношении России, как представляется, всего две: зависть и осознание того, что русская культура, особенно наша литература, включая советскую, как раз и способна формировать смыслы, определяющие бытие. Как отдельного человека, так и общества и государства. Коль скоро в западной культуре возобладала тенденция расчеловечивания человека, о чем открыто говорят некоторые западные интеллектуалы, то все становится более-менее понятно. Конечно, подобную точку зрения в западном обществе высказывать небезопасно. Мы по нашей глупости и наивности слишком долго считали западное общество образцом толерантности, свободы слова и т.д. Однако это просто миф, и не более. Некоторые «либерально» настроенные

⁴ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 25.

⁵ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М. : Постум, 2015. С. 112–113.

господа иногда цитируют Вольтера, который в вольной интерпретации якобы сказал следующее: «Я с вами категорически не согласен, однако я готов отдать жизнь только за то, чтобы вы имели возможность это сказать». Даже если он это и говорил, то в жизни, будучи абсолютным циником и прагматиком, этому правилу не следовал никогда. Он, по его словам, не мог принять «философию оборванцев». Вот этому правилу он не изменял никогда. Достаточно обратиться к биографии Руссо, его преследованиям по цензурным соображениям.

В системе высшего юридического образования история политических и правовых учений некогда занимала особое место. *Эта дисциплина была самой мировоззренчески нагруженной. Она открывала студенту мир права и государства, начиная от глубокой древности до современности. Это был интересный и насыщенный предмет. Очень емкий. В его рамках буквально разжевывался онтологический статус самых базовых категорий юриспруденции — права и государства, других политических и правовых институтов.*

Сейчас наше телевидение спешно пытается представить «настоящую, не подцензурную историю» двадцатого — начала двадцать первого века. Сколько «открытий» обрушивается на мозг обывателя. А что же раньше-то молчали? Сегодня реальные факты нередко воспринимаются как дезинформация. Именно потому, что по разным причинам скрывали подлинные события. А теперь из рукава спешно достают.

Для тех, кто изучал историю политических и правовых учений, если не основательно, то хотя бы в рамках обычного вузовского курса, никаких «открытий» нет и быть не может. Все уже описано и проанализировано. Можно сколь угодно говорить о роли тех или иных отраслевых юридических дисциплин. Никто не отрицает. *Тем не менее только фундаментальные дисциплины, включая историю политических и правовых учений, способны дать ответ на очень простой и невероятно значимый вопрос: а, собственно, зачем вам нужно регулирование отношений в сфере гражданского оборота, финансов, налогов, природопользования и природоохраны и т.д.?* Речь идет о целеполагании. Право, а уж тем более закон, есть не более чем инструмент для достижения целей. Спрашивается, для каких

целей Россия на основе закона, я это особенно подчеркиваю, разрушала науку, образование, культуру, машиностроение, самолетостроение (перечислять можно долго)? И вот закономерный финал. И опять вечные «русские» вопросы. Особенно в канун 210-летия со дня рождения А. И. Герцена, который появился на свет вне брака от прелестной шестнадцатилетней немки и богатого русского помещика И. Яковлева. И фамилию мальчик — дитя большой любви — получил от немецкого Herz, что означает сердце.

История политических и правовых учений содержит мощный методологический потенциал. А сама методология включает мировоззренческие аспекты, особенно применительно к истории политических и правовых учений. В юридической науке на это обстоятельство обращали внимание некоторые исследователи.

По мнению члена-корреспондента АН СССР Д. А. Керимова, «методология — явление интегральное, объединяющее в себе ряд компонентов: мировоззрение и фундаментальные общетеоретические концепции (выделено мной. — А. К.), всеобщие философские законы и категории, обще- и частнонаучные методы. Поэтому методологию нельзя сводить к одному из названных компонентов, в частности к методу или учению о методах, поскольку за ее пределами останутся другие компоненты. Но дело не только в этом. Методология вовсе не представляет собой простое суммирование теоретико-мировоззренческих концепций, принципов, методов и средств познания, выработанных отдельными отраслями науки... она имеет и свои собственные (конечно же, относительно самостоятельные) интегративные закономерности развития»⁶.

Эти компоненты, считает Д. А. Керимов, находятся друг с другом в определенной связи и отношениях и самим этим фактом приобретают свойства, отличные от их единичного существования и действия. К примеру, фундаментальные общетеоретические концепции пронизывают мировоззрение; методы познания, сохраняя относительную самостоятельность, выступают как учение о методах и теоретико-гносеологических обобщениях; всеобщие философские законы и категории определяют границы применимости обще- и частнонаучных методов в конкретных исследованиях.

⁶ Керимов Д. А. Избранные произведения : в 3 т. М. : Академия, 2007. Т. 1. С. 57.

⁷ Степин В. С. История и философия науки. М. : Академический проект, 2014. С. 17.

В литературе порой методологию определяют как свод законов научного познания. Это слишком образная позиция, но она, вне всякого сомнения, имеет право на существование. Более того, пренебрежение методологическими основами может поставить под сомнение полученные результаты. Или сделанные прогнозы. От социальных наук более всего ожидают объяснения происходящего и предвидения будущего.

Существует традиционный набор функций науки: объяснение, описание и предвидение⁷. Иногда высказывается мнение, в соответствии с которым у науки есть две функции: объяснить явление и рационализировать социальную действительность. Иными словами, объяснить суть явления (онтология) и предложить вариант изменения действительности на основе открытия законов и закономерностей.

Для реализации второй функции идеально подходят социальные науки. Особенно юридическая наука. Мы по-прежнему исходим из того, что право служит для регулирования социально значимых отношений. Позиция справедливая. Однако она содержит некую долю пассивности. *Сегодня следует рассматривать право не просто как регулятор, но как механизм конструирования той реальности, которая наиболее предпочтительна.* Иными словами, право должно играть более активную роль в социальных практиках, нацеленных на получение общественно полезного результата. История политических и правовых учений предоставляет в этих целях огромный материал как теоретического, так и практического свойства. По той простой причине, что любая политико-правовая доктрина включает методологические, содержательные и программные компоненты. Живучесть учения оценивается прежде всего по его способности быть реализованным и дать определенный результат. Иногда результаты позитивны, а иногда нет. Это также следует иметь в виду.

О методологии юридических наук. По мнению Д. А. Керимова, «методология права есть не что иное, как общенаучный феномен, объединяющий всю совокупность принципов, средств и методов познания (мировоззрение, философские методы познания и учения о них,

обще- и частнонаучные понятия и методы), выработанных всеми общественными науками, в том числе и комплексом юридических наук, и применяемых в процессе познания специфики правовой действительности, ее практического преобразования»⁸.

Есть, конечно, некоторые сомнения в том, возможно ли квалифицировать методологию права в качестве общенаучного феномена. Однако бесспорным является тезис о практическом преобразовании правовой действительности с помощью методологического инструментария правовой науки и правовых норм, содержащих модели поведения с заранее планируемым позитивным результатом.

В качестве своеобразного мостика к дальнейшему изложению материала хотелось бы привести мнение известного юриста, уделяющего большое внимание методологическим проблемам юридической науки, профессора В. М. Сырых: «...метод правовой науки представляет собой систему, состоящую из пяти основных элементов: метода сбора единичных фактов, индуктивных методов, восхождения от конкретного к абстрактному, системно-структурного подхода, восхождения от абстрактного к конкретному и определенной совокупности субэлементов: методов толкования права, конкретно-социологических, статистических и других методов»⁹.

Хотя В. М. Сырых в этом определении характеризует метод, совершенно очевидно, что речь идет о методологии юридической науки. Из этого следует, что методология суть категория одновременно и сложная, и комплексная. Методологию невозможно себе представить без некоторого набора методов, которые находятся в определенной взаимосвязи, дополняя друг друга.

Огромное значение в методологии юридических наук имеет сравнительный метод, который применительно к истории политических и правовых учений занимает особое место. Как справедливо отмечали А. А. Тилле и Г. В. Швеков, «история политических учений без сравнительного метода невозможна. Любые выводы могут основываться лишь на сравнительном изучении существовавших и существующих политических и правовых идей»¹⁰.

⁸ Керимов Д. А. Указ. соч. С. 60.

⁹ Сырых В. М. Метод правовой науки. Основные элементы, структура. М. : Юридическая литература, 1980. С. 162.

¹⁰ Тилле А. А., Швеков Г. В. Сравнительный метод в юридических дисциплинах. М. : Высшая школа, 1978. С. 120–121.

История политических учений, как и история государства и права зарубежных стран, — наука сравнительная по своему характеру и по своей природе. Некоторые буржуазные ученые (Ле Фюр, Дель Веккио) видели в истории политических учений, или, как они ее называли, в сравнительной философии права, смысл и содержание сравнительного правоведения, поскольку, в отличие от так называемого сравнительного законодательства, она не имеет прагматических целей, осуществимость которых сомнительна, а устанавливает «законы и ритмы развития правовых идей»¹¹.

Коль скоро в части методологии можно встретить разные точки зрения, то любой исследователь вправе использовать те из них, которые отвечают, во-первых, его методологическим ориентациям, а во-вторых, тем исследовательским задачам, которые он перед собой ставит. Название статьи говорит об интересе к методологическим подходам. Они разные. Если методология в самом общем виде есть набор методов, которые используются для получения научно значимой информации, то подходы суть категории комплексные. Порой к методологии как инструментарию относятся несколько вольно. Так, известный современный американский юрист Р. Познер, касаясь различий в понимании владения, которые он наблюдает у О. Холмса и К. Савиньи, констатирует: «До сих пор ничего не указывало на наличие методологического расхождения между Савиньи и Холмсом. Это расхождение следует искать не в отдельных правилах и результатах, а в различии подходов к теории и истории»¹².

Вместе с тем в этой позиции есть и рациональное зерно. К примеру, историю, и даже теорию, можно использовать и в качестве метода, направленного на получение знания. Если говорить о научном знании, то оно должно быть новым.

Это в полной мере касается истории политических и правовых учений. Новизна может приобретать разные формы выражения. К примеру, взгляды какого-то мыслителя до известного момента не привлекали внимания исследователей. Приходит время, и его теория может быть востребована. То же самое можно говорить и о проблемах. Научная проблема как таковая и порождает необходимость в проведении научного исследования. В науке выделяют восемь

типов проблем, разбивая их на очевидные (явные) и неочевидные (скрытые, неявные). Имеет место и классификация уже внутри этих классов проблем. В науке особенно ценится обнаруженные неявные проблем.

Известный социолог П. А. Сорокин ориентировал исследование социальной реальности на выявление ценностей, лежащих в основе определенного типа культуры и адекватной ему системы социальных связей. Он выделял три типа мировосприятия: чувственное, рациональное и интуитивное. Интуиция иногда приводит к гораздо более продуктивным результатам, чем длительные наблюдения и эксперименты.

В прежние исторические периоды — взят, к примеру, вторую половину XIX в., начало XX в. — создавались выдающиеся произведения. Прежде всего, в Европе. Да и в России было много энциклопедически образованных авторов. Правда, некоторые из них стажировались или учились за казенный счет в европейских университетах. Мы до сих пор считаем их непревзойденными классиками, относимся к ним с пиететом. Для этого есть все основания. Между тем их методологический инструментарий по сравнению с современным периодом был не так богат. Надо прямо сказать, что у них было не так много данных о прежней социальной истории человечества, нежели сейчас. Да, в чем-то ошибались. Но от этого ценность их произведений несколько не уменьшается.

Применительно к проблеме, которая вынесена в заглавие, можно констатировать следующее: *то, что мы считаем направлениями в науке (история, философия (с оговорками), социология), они считали методами исследования.*

Так, Г. Еллинек полагал, что исследование государства может быть историко-социальным и юридическим. Исторический способ исследования государства он рассматривает в связи с эволюционным методом. Со времен исторической школы права считается необходимым включать в научное исследование историческую часть. Ученый задается вопросом: насколько понимание существующего учреждения обусловлено изучением его истории. Исторический метод исследования основывается, считает он, на предположении, что история должна показать не только смену явлений, но и их зарождение, рост, прекращение. В этом

¹¹ Тилле А. А., Швеков Г. В. Указ. соч. С. 120.

¹² Познер Р. Рубежи теории права. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 222.

ракурсе исторический подход сближается с эволюционным методом¹³.

Хорошо известно, что Г. Еллинек высоко ценил исторический метод в контексте понимания и развития правовых и политических институтов. Для изучения проблем современной науки он не так полезен.

В. И. Ленин, как известно, занимал прямо противоположную позицию. И она является предпочтительной. Для подлинной науки, а не для околонуточных фантазий. Только исторический подход дает нам возможность понимать истинную природу государства и права прошлых эпох, а стало быть, и теоретических представлений о них как орудий классового господства. Некоторые современные авторы во все это не вникают и в своих работах выставляют государства Древнего Востока и Средиземноморья чуть не комитетами помощи бедным. То же самое касается и права. Ну как можно интерпретировать историю права как «историю свободы»? Историю несвободы — да. А противоположная точка зрения не выдерживает никакой критики под давлением неопровержимых социально-исторических фактов. Л. Мечников вообще считал, что государственно-правовая история человечества начинается с деспотии, причем в самой ужасной форме: «Всегда и всюду история заносит на свои скрижали лишь тяжкий, очень часто кровавый труд, который существующее в данный момент поколение выполняет ради пользы неизвестного будущего»¹⁴.

Таким образом, история вовсе не такая, как ее нам нередко хотят представить. Переписывание истории есть прием, нередко используемый. Примеров тому великое множество.

Рассмотрение истории как метода или философии — это прием, который используют и современные исследователи. И такой подход не лишен научных оснований. Некогда философия была вместилищем многих наук. То, что ранее именовалось натурфилософией, сегодня называют естественно-научными дисциплинами. Конечно, у социальных, естественных, технических наук и математики свои методы. Математика сама есть метод. Имеет хождение известное изречение: «Книгу природы Бог написал языком математики».

Итак, философия или философский метод? Хорошо известно, что атомистическая картина мира обоснована древнегреческими философами и только через много веков подтверждена физикой. Чего только стоит обоснование Платоном и Аристотелем таких понятий, как «сущность», «форма», «содержание», «истина», «причина» и «следствие». Логика Аристотеля... Ее значение трудно переоценить. Многовековые размышления о *части* и *целом* существенно обогатили науку, и прежде всего социальную. В. С. Степин обоснованно высказывает методологически окрашенное мнение: «...задача выработки категориальных структур, обеспечивающих выход за рамки традиционных способов понимания и осмысления объектов, во многом решается благодаря философскому познанию»¹⁵.

Сегодня мы наблюдаем явный мировоззренческий кризис. Неоднократно приходилось высказывать мнение о девальвации экономических, политических, социальных и правовых проектов, которые долгое время считались эталонными. Именно под них выстраивались национальные модели. Они выступали в качестве своеобразного «идеального объекта», если воспользоваться терминологией М. Вебера. Теперь они внезапно потускнели. Уже никто более с восторгом не говорит ни о рыночной экономике, ни о демократии. Слишком много накопилось отрицательной массы. Да и наука находится на распутье. Технологии стали угрожать самому человеку как продукту эволюции или сотворенному по образу и подобию Бога. И здесь опять прав В. С. Степин: «История науки дает множество свидетельств тому, что в периоды кризисов, когда возникала потребность переосмысления фундаментальных понятий и представлений науки, она обращается к философии»¹⁶.

История политических и правовых учений (по одной из версий сравнительная философия права) как раз философию как метод просто обязана использовать. Тем более что категории и конструкции, имеющие методологическое значение, базируются на философских основаниях. Не стоит забывать и о том, что граница между философией права и историей полити-

¹³ Цит по: Фролова Е. А. Методология и философия права. От Декарта до русских неокантианцев. М.: Проспект, 2017. С. 102.

¹⁴ Мечников Л. Цивилизация и великие исторические реки. М.: Айрис-Пресс, 2013. С. 142.

¹⁵ Степин В. С. Указ. соч. С. 255.

¹⁶ Степин В. С. Указ. соч. С. 254.

ческих и правовых учений отнюдь не китайская стена. История политических и правовых учений справедливо именуется историей общей теории права и государства, а философия права является ее составной частью.

История как метод. Споры о статусе истории не утихли до настоящего времени. Главный упрек историческому знанию состоит в том, что оно не раскрывает никаких исторических законов, коих по определению быть не может (К. Поппер). Но это далеко не единственное мнение. Во всяком случае, когда в XIX в. обозначился процесс дифференциации наук, в том числе и тех, которые получили в дальнейшем наименование социально-гуманитарных (одна из версий), то практически все признавали, что двум наукам — истории и юридической науке — ничего доказывать не нужно. У них есть свой объект, предмет, методология.

По идее, история должна заниматься изучением движения социальной материи, если воспользоваться постулатами классиков исторического материализма. В действительности же предметное поле истории практически не знает границ. Имеет место история политических и правовых учений, история математики, история естествознания, история методологии, история философии, история культуры, история религий, история техники и пр. Перечень может быть очень длинным. Практически предмет истории не может быть очерчен какими-либо границами. В этом смысле история в чем-то сходна с социологией. Имеется в виду не социология как таковая, изучающая общество, а социология общностей или каких-либо сегментов социума. К примеру, социология права или социология организации.

По факту каждая отрасль научного знания имеет *свою* историю. В том числе и историю природы. Не будем забывать, что существует связь между социальной и природной системами. И связь эта проявляется в двойственной природе человека — существа одновременно биологического (природного) и социального.

История — это не то, что было на самом деле, а только то, что человечество знает о себе самом и помнит в качестве существенных и несущественных событий. Если иметь в виду данный подход, то история существует как минимум в трех формах: как позитивная наука, как философия истории, как идеология (социальная мифология). Первая делается профессиональ-

ными историками и отражена в специализированных трудах, вторая — философами, третья творится самим обществом (властью, социальными институтами и социальными группами), являясь органической частью общественного, группового и индивидуального сознания и самосознания. Очевидно, что между этими историями нет непроходимой черты¹⁷.

История политических и правовых учений, как следует из названия, наука историческая. Но не только. Она при этом еще и политическая, юридическая, теоретическая. В данном контексте она вбирает в себя в той или иной степени все три формы истории, о которых говорилось выше.

В истории как науке наблюдается два конкурирующих подхода. Одни ученые считают, что история развивается линейно. То есть существует некая линия, олицетворяющая движение социальных практик. В силу этого история никогда не повторяется, а исторические события носят строго очерченный характер. Другие же полагают, что история развивается в силу повторяющихся циклов. Стало быть, цикличность событий дает основание свидетельствовать о неких закономерностях и даже законах исторического развития. Спор этот давний. Для истории политических и правовых учений он принципиального значения не имеет. Доктрины как формы теоретического знания имеют место как при линейной интерпретации истории, так и при цикличной.

Отечественная традиция изучения истории политических и правовых учений состоит в том, что их следует рассматривать под углом принципа историзма. Она идет от Гегеля и Маркса, которые убедительно аргументировали необходимость его соблюдения. То есть любые события, как и всякое учение, следует рассматривать в конкретно-историческом ключе. Представляется, что данный принцип и исторический поход (метод) не одно и то же. История несравненно шире. С этим трудно спорить. Тем не менее принцип историзма себя полностью оправдал. Правда, в рамках истории политических и правовых учений исторический метод диалектически предполагал связь с логическим методом. Но это отдельная история.

Конкуренция подходов (методов) более всего проявляется в оценках, в частности политических и правовых доктрин. Любопытную точку зрения высказал протоирей В. В. Зеньковский,

¹⁷ Жуков В. Н. Философия права. М. : Мир философии ; Алгоритм, 2019. С. 54.

профессор Православного богословского института в Париже: «...историк не может обойтись в своем исследовании без оценок. Историк не нужно быть “судьей”, делать запоздалые и ненужные “замечания” отдельным мыслителям, но он не может обойтись без оценочных суждений. Да, “объективность” не в том и состоит, чтобы в его изложение не входила оценка. Риккерт и его последователи правы в своей теории исторического знания, когда подчеркивают значение момента ценности при самом исследовании исторического материала. Однако наличность и оправданность оценочного момента у историка не означает произвольности в оценках: по существу, всякая оценка претендует на то, что ее примут другие люди, т.е. свидетельствует этим о своей надындивидуальной природе. Корни наших оценок, конечно, глубоко субъективны, но их интенция решительно надындивидуальна, — и каждому из нас и в жизни, и в исторических суждениях должно освобождаться от предубеждений, случайных и непроверенных оценок, освобождаться от тех скрытых движений души, которые связаны, например, с “партийностью”, — освобождаться вообще от психологии сектантства»¹⁸.

В иные времена никто бы не отважился цитировать представителя эмигрантской общественно-политической мысли. Если только в порядке критики. Все выглядит убедительно. Однако создается впечатление, что сам В. В. Зеньковский не вполне свободен от индивидуальных оценок. Упрек в «партийности» и сектантстве явно адресован В. И. Ленину, который в истории идей видел их борьбу, приводящую к смене одних идей другими. Он же призывал видеть за теми или иными идеями интересы определенных классов и социальных групп. И, если быть объективным, Ленин прав абсолютно.

Однако нельзя отказать в правоте и В. В. Зеньковскому. Оценки не могут носить произвольного характера. Основная трудность состоит в освобождении от субъективного фактора. И здесь как раз *исторический фон*, на котором создавалось учение, способствует адекватной оценке политико-правовой доктрины.

Социология как метод. Основоположником социологии принято считать О. Конта, некогда секретаря Сен-Симона, который повлиял

на систему его взглядов. Собственно говоря, он ввел термин «социология». Известный русский социолог Н. И. Кареев полагал, что если кто-либо имел право называться социологом в то время, когда еще не было социологии, то это право принадлежит Монтескье. Об отношении Конта к юриспруденции Кареев выразился предельно ясно. «Менее всего, — пишет он, — имеет какое-либо отношение социология Конта к юриспруденции»¹⁹. Конт называл юристов вожжами общества и ставил их рядом с метафизиками. В его оценках это вовсе не комплимент.

Э. Дюркгейм считал предметом данной науки социальные факты, которые, с одной стороны, не зависят от индивида, а с другой стороны, оказывают на него принудительное воздействие. Применительно к истории политических и правовых учений имеет большое значение умозаключение известного социолога: «Человек не может жить среди явлений, не составляя себе о них идей, которыми он руководствуется в своем поведении. Но так как эти понятия ближе и понятнее нам, чем реальности, которым они соответствуют, то мы, естественно, склонны заменять ими последние и делать их предметом наших размышлений»²⁰.

Человек живет в мире социальных явлений или, как полагал Дюркгейм, социальных фактов. Кстати, к социальным фактам он относил и верования. «Миром правят идеи» — этот тезис разделяли очень многие. Если говорить о Франции, то его придерживались некоторые энциклопедисты-просветители и даже далекий от всяких теоретических конструкций Наполеон Бонапарт. Материалистический подход (методология) с такой постановкой вопроса категорически не согласовывается. Однако суть не в этом. Мы не можем отрицать влияние идей на формирование политических и правовых институтов, мировоззрение, деятельность, как отдельных личностей, так и социальных групп, классов и всего общества в целом. За примерами ходить далеко не нужно. Достаточно посмотреть на те процессы, которые происходят на постсоветском пространстве. И не только. Борьба ценностей и идеологий, которую мы наблюдаем, может привести к принципиально иной геополитической конфигурации. Все зависит от того, кто победит в этой войне.

¹⁸ Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. Л. : Эго, 1991. Т. 1. Ч. 1. С. 21.

¹⁹ Кареев Н. И. Введение в изучение социологии. СПб. : Изд-во РХГА, 2008. С. 54.

²⁰ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М. : Терра — Книжный клуб, 2008. С. 80.

Если социология, по одной из версий, должна заниматься социальными фактами, по другой — исследовать законы и закономерности, в силу которых развивается общество, то из этого следует определенный вывод. Он состоит в том, что идеи и доктрины формируются под влиянием целой системы социальных факторов. Это то, что обычно квалифицируют как реальность. И здесь мы видим не только взаимосвязь исторического и логического, но прежде всего диалектику социального и исторического. Их разделение весьма условно. Но его можно применять. Учение имеет социальное основание. Использование социологии как метода позволяет раскрыть как раз те социальные факторы, которые повлияли на содержание теорий.

Необходимо сделать небольшое уточнение. Социальные науки, составной частью которых являются социология и юридические дисциплины,

имеют дело не с единичным фактом, а с коллективным социальным опытом. Но только на этой методологической платформе можно выявить законы и закономерности. Да и политические доктрины, с одной стороны, выстраиваются на нем, а с другой — они нацелены на то, чтобы создавать другие политико-правовые практики.

Строго говоря, о конкуренции методологических подходов можно говорить только с известной долей условности. Ранее методология имела не только научное, но прежде всего идеологическое значение. В настоящее время есть все основания говорить о синтезе методов (подходов), которые должны приблизить исследователя к объективной оценке объекта и предмета познания. У всех юридических наук объект один — это право и государство. Предметы разные.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. — М. : Постум, 2015. — 240 с.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. — М. : Книга, 1991. — 574 с.
3. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. — М. : Terra — Книжный клуб, 2008. — 400 с.
4. Жуков В. Н. Философия права. — М. : Мир философии ; Алгоритм, 2019. — 559 с.
5. Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. Т. 1. Ч. 1. — Л. : Эго, 1991. — 222 с.
6. Кареев Н. И. Введение в изучение социологии. — СПб. : Изд-во РХГА, 2008. — 816 с.
7. Керимов Д. А. Избранные произведения : в 3 т. Т. 1. — М. : Академия, 2007. — 432 с.
8. Мечников Л. Цивилизация и великие исторические реки. — М. : Айрис-Пресс, 2013. — 320 с.
9. Познер Р. Рубежи теории права. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. — 480 с.
10. Степин В. С. История и философия науки. — М. : Академический проект, 2014. — 424 с.
11. Сырых В. М. Метод правовой науки. Основные элементы, структура. — М. : Юридическая литература, 1980. — 176 с.
12. Тилле А. А., Швеков Г. В. Сравнительный метод в юридических дисциплинах. — М. : Высшая школа, 1978. — 199 с.
13. Фролова Е. А. Методология и философия права. От Декарта до русских неокантианцев. — М. : Проспект, 2017. — 304 с.

Материал поступил в редакцию 10 мая 2022 г.

REFERENCES

1. Baudrillard J. Simulyakry i simulyatsii [Simulacra and simulations]. Moscow: Postum Publ.; 2015. (In Russ.).
2. Danilevskiy NYa. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. Moscow: Kniga Publ.; 1991. (In Russ.).
3. Durkheim E. Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie [Sociology. Its subject, method, purpose]. Moscow: Terra-Knizhniy klub Publ.; 2008. (In Russ.).
4. Zhukov VN. Filosofiya prava: [Philosophy of Law]. Moscow: Mir filosofii, Algoritm Publ.; 2019. (In Russ.).
5. Zenkovskiy VV. Istoriya russkoy filosofii: v 2 t. [History of Russian Philosophy. In 2 vols.]. Vol. 1. Part 1. Leningrad: Ego Publ.; 1991. (In Russ.).

6. Kareev NI. Vvedenie v izuchenie sotsiologii [Introduction to the study of sociology]. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Sciences; 2008. (In Russ.).
7. Kerimov DA. Izbrannye proizvedeniya: v 3 t. [Selected works: In 3 vols.]. Vol. 1. Moscow: Akademiya Publ.; 2007. (In Russ.).
8. Mechnikov L. Tsivilizatsiya i velikie istoricheskie reki [Civilization and the great historical rivers]. Moscow: Ayris-Press Publ.; 2013. (In Russ.).
9. Pozner R. Rubezhi teorii prava [Frontiers of the theory of law]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2017. (In Russ.).
10. Stepin VS. Istoriya i filosofiya nauki [History and philosophy of science]. Moscow: Akademicheskiy proekt Publ.; 2014. (In Russ.).
11. Syrykh VM. Metod pravovoy nauki. Osnovnye elementy, struktura [Method of legal science. (In Russ.). Basic elements, structure]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1980. (In Russ.).
12. Tille AA, Shvekov GV. Sravnitelnyy metod v yuridicheskikh distsiplinakh [Comparative method in legal disciplines]. Moscow: Vysshaya shkola Publ.; 1978. (In Russ.).
13. Frolova EA. Metodologiya i filosofiya prava. Ot Dekarta do russkikh neokantiantsev [Methodology and philosophy of law. From Descartes to Russian neo-Kantians]. Moscow: Prospekt Publ.; 2017. (In Russ.).

Проблемно-теоретический методологический подход в истории политических и правовых учений¹

Аннотация. Предметом исследования являются процессы познания учений о политике, государстве и праве с позиции применения особого познавательного инструмента современной науки истории политических и правовых учений — проблемно-теоретического методологического подхода. Цель исследования — обоснование и актуализация проблемно-теоретического методологического подхода в российской науке истории учений о государстве и праве. В статье исследуются основные исторические этапы становления проблемно-теоретического подхода в историографии истории политических и правовых учений. Доказывается, что проблемно-теоретический методологический подход — это мировоззренческая установка, основанная на достижениях теоретической юридической науки, выражающая ориентацию исследования на рассмотрение политических и правовых учений прошлого как неотъемлемой части наиболее актуальных задач обобщающего характера современности, используемая в целях приращения и обогащения знания о юридических концепциях. Структура рассматриваемого подхода раскрывается на философском уровне методологии и состоит из общей идеи конструкции прошлого, принципов историзма и конструктивизма, современного понятийного аппарата теоретического правоведения, а также ценностных оснований. Технология применения проблемно-теоретического методологического подхода определяется хронологическим описанием, синхронным и диахронным планами исследования, биографическим направлением (портретным методом) в тесной взаимосвязи со структурными элементами политико-правовых доктрин. В статье выделяются и раскрываются следующие функции проблемно-теоретического подхода: преобразовательная, объяснительная, эвристическая и упорядочивающая. Назначение проблемно-теоретического методологического подхода определяется совокупностью обозначенных функций и состоит в развитии и приращении знаний фундаментального теоретического характера, получаемых из учений прошлого, в преобразовании и развитии политико-правовых воззрений на политику, государство и право.

Ключевые слова: история политических и правовых учений; юридическая наука; методология; метод науки; предмет науки; методологический подход; проблема; теория; доктрина; идея.

Для цитирования: Малюгин С. В. Проблемно-теоретический методологический подход в истории политических и правовых учений // *Lex russica*. — 2022. — Т. 75. — № 9. — С. 141–156. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.141-156.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00779.

© Малюгин С. В., 2022

* Малюгин Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137
svm707@mail.ru

Theoretical Problematic Methodological Approach in the History of Political and Legal Doctrines²

Sergey V. Malyugin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory of State and Law, Urals State Law University named after V.F. Yakovlev
ul. Komsomolskaya, d. 21, Ekaterinburg, Russia, 620137
svm707@mail.ru

Abstract. The subject of the research is the processes of cognition of the doctrines of politics, state and law from the perspective of applying a special cognitive tool of the modern science of the history of political and legal doctrines, i.e. theoretical problematic methodological approach. The purpose of the study is to substantiate and actualize the problem: theoretical methodological approach in the Russian science of the history of the teachings of the state and law. The paper examines the main historical stages of the formation of this approach in the historiography of the history of political and legal doctrines. The author proves that the theoretical problematic methodological approach is a worldview policy that is based on the achievements of theoretical legal science. This expresses the orientation of research on political and legal doctrines of the past as an integral part of the most urgent tasks aimed at generalizing nature of modernity, used for the purpose of incrementing, and enriching knowledge about legal concepts. The author considers the structure of this approach at the philosophical level of methodology. It consists of the general idea of the construction of the past, the principles of historicism and constructivism, the modern conceptual apparatus of theoretical jurisprudence, as well as value foundations. The technology of application the theoretical problematic methodological approach is determined by the chronological description, synchronous and diachronic research plans, biographical direction (portrait method) in close relationship with the structural elements of political and legal doctrines. The paper highlights and reveals the following functions of the theoretical problematic methodological approach: transformative, explanatory, heuristic and ordering. The purpose of the approach is determined by the totality of the designated functions and consists in the development and increment of fundamental theoretical knowledge obtained from the teachings of the past, in the transformation and development of political and legal views on politics, the state and law. The main conclusions of the study are discussed.

Keywords: history of political and legal doctrines; legal science; methodology; method of science; subject of science; methodological approach; problem; theory; doctrine; idea.

Cite as: Malyugin SV. Problemno-teoreticheskiy metodologicheskiy podkhod v istorii politicheskikh i pravovykh ucheniy [Theoretical Problematic Methodological Approach in the History of Political and Legal Doctrines]. *Lex russica*. 2022;75(9):141-156. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.141-156. (In Russ., abstract in Eng.).

Казалось бы, в XXI в. общество и государство достигли вершины осмысления государственно-правовой действительности. Однако последние события ярко показали, что *вечные* проблемы политики, государства и права снова в центре внимания. И в этом смысле общество и государство вновь поставлены перед выбором оптимального варианта организации государственно-правовой жизни. В такой ситуации самым надежным ориентиром является исторический опыт человечества, в котором мож-

но найти ответы на многие вопросы. Именно поэтому в современных реалиях существенно повышается роль юридического научного осмысления внушительного наследия мировой истории политической и правовой мысли.

Ситуация, складывающаяся в России вокруг юридической науки и учебной дисциплины истории учений о государстве и праве, весьма тревожная. Прежде всего, существенно снижается значимость данной учебной дисциплины в системе юридического образования³. В общей

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-011-00779.

³ В соответствии с требованиями к реализации по программам магистратуры их содержание определяется образовательной организацией самостоятельно на основании универсальных и общепрофессиональных компетенций (п. 1.4, 3.2 и 3.3 приложения к приказу Министерства науки и высшего образования РФ от 25.11.2020 № 1452 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202102180039?index=2&rangeSize=1>). В число категорий (групп) компетенций не входят такие компетенции, которые позволяли бы включить в программу магистратуры фундаментальные мировоззренческие, выработанные традициями российского классического университетского образования учебные дисциплины, позволяющие формировать юридическое мышление.

структуре юридических научных исследований усматривается сравнительно небольшое количество научных работ по истории политических и правовых учений. Более того, вопросы методологии истории учений о праве и государстве явно недостаточно проработаны, а имеющийся в распоряжении правоведа арсенал познавательных научных средств во многом не адаптирован для данной науки. В свою очередь, от разработки методологического инструментария зависит эффективность научно-исследовательской деятельности в решении обозначенных проблем теоретического и практического характера. Поэтому исследование наиболее востребованных вопросов методологии истории политических и правовых учений является актуальным.

Предмет истории учений о государстве и праве тесно взаимосвязан с методом. «Метод есть предмет в его действии (в его формировании, организации и познавательном воздействии), а предмет — это системно организованное выражение познавательного итога, смысла и значения метода», — указывал В. С. Нерсесянц⁴. Предметом истории учений о государстве и праве является история возникновения и развития теоретических знаний о государстве, праве, политике и законодательстве, история политических и правовых теорий, история теорий права и государства⁵. Причем предметная область данной юридической науки представляет собой сложно устроенное познавательное пространство, которое может быть представлено тремя составляющими. *Юридическая составляющая* предметной области истории политических и правовых учений представлена именно взглядами на политику, право и государство как элементами государственно-правовой действительности. *Историческая составляющая предмета* данной науки связана с закономерностями возникновения, формирования и развития основных политико-правовых учений прошлого. *Теоретическая составляющая* предмета истории

учений о государстве и праве отражает систему обобщенных положений о взглядах на политику, государство и право. Совокупность данных элементов раскрывает историю учений о государстве и праве как историю теории государства и права⁶. Во всей своей совокупности названные составляющие образуют уникальность предмета данной науки. История политических и правовых учений — наука одновременно юридическая, историческая и теоретическая. Указанное своеобразие находится в прямой зависимости от системы познавательного инструментария (методов) данной юридической науки.

Методология истории политических и правовых учений связана с познавательными инструментами решения возложенных на данную науку задач. Во всей своей совокупности познавательные средства истории политических и правовых учений отражают ее своеобразие, находят свое выражение в предмете. Под методом в юридической науке понимается совокупность познавательных средств и приемов политико-правового исследования как путь познания, ведущий от объекта к предмету⁷. Система методов истории политических и правовых учений представляет собой особые связи и взаимодействия между ее познавательными инструментами. К числу уровней познавательных средств истории политических и правовых учений традиционно относятся философский, общенаучный, частнонаучный, среди них особое место занимают методологические подходы.

Методологические подходы в правоведе-нии представляют собой выражение наиболее фундаментальных принципов и правил метода, являются формой реализации методологических средств науки в конкретных исследованиях проблем других наук, указывает Н. Н. Тарасов⁸. Методологический подход во многом выражает принципиальную методологическую ориентацию научного исследования, точку зрения на объект, понятие или принцип, задающий об-

⁴ Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений : учебник : в 2 т. М. : Норма, Инфра-М, 2018. Т. 1. С. 18.

⁵ История политических и правовых учений : учебник для вузов / под общ. ред. акад. РАН, д-ра юрид. наук, проф. В. С. Нерсесянца. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2004. С. 1.

⁶ История политических и правовых учений : учебник / отв. ред. В. В. Лазарев. 3-е изд., испр. и доп. М. : Норма, Инфра-М, 2019. С. 18.

⁷ История политических и правовых учений : учебник для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. С. 7.

⁸ Тарасов Н. Н. История и методология юридической науки: методологические проблемы юриспруденции : учебное пособие для вузов. М. : Юрайт, 2022. С. 167.

шую стратегию исследования. В общем плане значимость привлечения методологических подходов в юридической науке связывается с проблемными ситуациями в юридической науке, которые не могут быть решены посредством методологических средств правоведения⁹. Роль методологического подхода в юриспруденции состоит в дополнении познавательных средств юридической науки в конкретных юридических науках и практиках.

В истории учений о государстве и праве используется ряд методологических подходов, посредством которых решаются разноплановые научные задачи. В качестве привлекаемых методологических подходов указываются портретный, страноведческий¹⁰, когнитивный и т.д. К числу применяемых подходов в истории политических и правовых учений относится и проблемно-теоретический методологический подход, который, в отличие от других познавательных средств, наиболее тесно связан с теоретической составляющей предмета истории политических и правовых учений. В научных исследованиях данный методологический подход рассматривается лишь в контексте общего инструментария истории политических и правовых учений. Соответственно, статья будет посвящена исследованию существенных исторических этапов становления проблемно-теоретического методологического подхода в историографии, его основным свойствам, структуре, функциям, а также назначению в науке истории учений о государстве и праве.

В российской историографии истории политических и правовых учений проблемно-теоретический методологический подход постепенно становился частью ее научно-познавательного пространства. Во второй половине XIX в. великий отечественный юрист Б. Н. Чичерин заметил одно важное обстоятельство в изучении политических идей прошлого. «В истории мысли, — указывал право-

вед, — постоянно повторяются одни и те же воззрения, которые приобретают различное осмысление». По мнению Б. Н. Чичерина, данные воззрения в своей совокупности составляют единый цикл учений, представляющий собой полное и всестороннее исследование данных элементов, а каждая теория занимает здесь свое место в предмете¹¹. Представляется, что Б. Н. Чичерин открыл важное свойство науки истории политических и правовых учений — теоретический характер осмысления повторяющихся проблем в истории человеческой мысли. Уже в начале XX в. в рамках истории философии права известным профессором Г. Ф. Шершеневичем была сформулирована важная методологическая задача — показать, как ставились и разрешались многие вопросы прошлого в разное время¹². Именно поэтому в трудах Г. Ф. Шершеневича можно обнаружить истоки рассматриваемого подхода, который нашел свое отражение в структурном построении истории философии права. Так, например, эпоха Возрождения и Реформации обозначалась Г. Ф. Шершеневичем как период борьбы за религиозную свободу, в котором в проблемно-теоретическом ключе рассматривались основные идеи прошлого¹³. Другому великому отечественному мыслителю дореволюционного периода российской истории, Н. М. Коркунову, удалось со всей точностью дополнить мысли Б. Н. Чичерина о теоретико-проблемном своеобразии предмета истории философии права¹⁴. Представляя историю как незаконченное целое, Н. М. Коркунов отмечал, что во все исторические эпохи мы находим борьбу самых крайних противоположностей: противоположение свободы и власти, равенства и аристократизма, положительного права и естественного, личной обособленности, общественной связанности и т.п. Указанные противоположности, по мнению ученого, дают содержание юридическим теориям в течение

⁹ Тарасов Н. Н. Указ. соч. С. 169.

¹⁰ Липень С. В. История учений о праве и государстве: актуальные проблемы определения направлений развития научного знания // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 3 (24). С. 30.

¹¹ Чичерин Б. Н. История политических учений. Ч. 1 : Древность и Средние века. М. : Типография Грачева и К°, 1869. С. 3–5, 8–9.

¹² Шершеневич Г. Ф. История философии права / [Сочинение] профессора Московского университета Г. Ф. Шершеневича. Второе издание. СПб. : Издание бр. Башмаковых, 1907. С. 20.

¹³ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 208.

¹⁴ В дореволюционной России история политических и правовых учений преподавалась в том числе под именем истории философии права.

всего исторического развития человеческого мышления о праве¹⁵.

Советский период истории становления теоретико-проблемного методологического подхода связан с существенным влиянием материалистического мировоззрения. Материализм включил в предмет рассмотрения истории политических и правовых учений особую мировоззренческую установку о производности политико-правовой мысли от сознания господствующего класса¹⁶. К середине XX в. уже в учебнике по истории политических учений данная мировоззренческая позиция была зафиксирована в предмете науки и сформулирована в качестве задачи для дальнейших исследований¹⁷.

Определяющим этапом в становлении методологии истории политических и правовых учений и, соответственно, теоретико-проблемного методологического подхода стал выход в печать в 1976 г. монографии «Политические учения: история и современность. Домарксистская политическая мысль». Первые две главы данной научной работы были специально посвящены вопросам методологии истории политических учений. Впервые в историографии истории политических и правовых учений политические учения определялись как теории, относящиеся к устройству государства, политической власти и общественных (классовых, межнациональных, международных и др.) отношений¹⁸. Авторами монографии особо

подчеркивалось, что политические учения прошлого по отношению к современной политической теории выступают прежде всего в качестве исторического остова ее понятий и концепций, ее структуры и языка. Проблемная составляющая рассматриваемого подхода также получила свое развитие. Отмечалось, что обращение к истории политических учений зачастую оказывается эффективным средством найти ключ для разрешения целого комплекса злободневных проблем современной науки о государстве и праве¹⁹. К числу таких проблем (наряду, скажем, с проблемами соотношения морали и политики, гражданина и государства, общества и государства, свободы и необходимости, власти и насилия и т.д.) авторы научного труда относили проблему различения и соотношения права и закона²⁰. К середине 80-х гг. XX в. проблемно-теоретический методологический подход уже прочно закрепился в предмете истории политических и правовых учений²¹. Так, в структуру политического знания, представленного в том или ином учении, начали включать его конкретно-историческую и теоретическую стороны. Данные стороны, по мнению ученых, отражали историческую преемственность и обогащение теоретического смысла соответствующих концепций. К *вечным проблемам* истории политической мысли ученые относили вопросы соотношения и взаимосвязи морали и политики, гражданина и государства, общества и государства, государства и революции, сво-

¹⁵ Коркунов Н. М. История философии права: Пособие к лекциям / [Сочинение] Н. М. Коркунова, профессора С.-Петербургского университета. Издание четвертое (без перемен). СПб. : Типография А. С. Суворина, 1908. С. 2.

¹⁶ Рейснер М. А. История политических учений. М. ; Л. : Государственное издательство, 1929. Т. 1. С. 6 ; Кечекьян С. Ф. Общественно-политические воззрения Аристотеля // Советское государство и право. 1940. № 10. С. 43–61 ; № 11. С. 55.

¹⁷ В качестве предмета истории политических учений указывалось: «становление и развитие взглядов, идей и теорий, порожденных экономическим строем общества, которые выражают отношение борющихся классов к общественно-политическому строю, к государственной власти, их отношение к политической организации общества, к системе политического господства, сложившейся в обществе на том или ином этапе его развития». См.: История политических учений : учебник / П. Н. Галанза, Л. В. Дюков, М. П. Карева, С. Ф. Кечекьян [и др.] ; под ред. С. Ф. Кечекьяна, Г. И. Федькина. М. : Госюриздат, 1955. С. 9, 12.

¹⁸ Политические учения: история и современность. Домарксистская политическая мысль / В. Г. Графский, П. С. Грацианский, Н. Н. Деев, В. Д. Лазуренко [и др.] ; редкол.: П. С. Грацианский, В. Е. Гулиев (отв. ред.), В. С. Нерсисянц. М. : Наука, 1976. С. 7.

¹⁹ Политические учения: история и современность... С. 9.

²⁰ Политические учения: история и современность... С. 88.

²¹ История политических и правовых учений / под ред. д-ра юрид. наук В. С. Нерсисянца. М. : Юридическая литература, 1983. С. 5 ; История политических и правовых учений. Древний мир / отв. ред. В. С. Нерсисянц. М., 1985. С. 10.

боды и необходимости²². Так, в это время *теоретическое* и *проблемное* в данном методологическом подходе объединились до единой слаженной конструкции.

Такое понимание учений прошлого постепенно развивалось в работах по истории политических и правовых учений. В начале XXI в. теоретическое и проблемное рассматривались как неотъемлемые части единого методологического инструментария исследований политико-правовой мысли. Так, В. С. Нерсисянц указывал, что теоретический аспект учения отражает философские, общеметодологические, гносеологические моменты учения, показывает, как и каким образом обосновывались конкретные политико-правовые взгляды, в какие теоретические концепции они оформлялись, какие исходные принципы положены в их основу, какие формы, модели и конструкции мысли отражены в рассматриваемой доктрине и являются ведущими и определяющими для данного мыслителя или впервые вводятся им в теоретический оборот и т.п.²³ Проблемный аспект, в свою очередь, раскрывает процесс формирования в истории политических и правовых учений тех сквозных тем и проблем (так называемых вечных проблем), в разработку которых различные мыслители вносили свой вклад, содействуя тем самым их исторической преемственности и обогащению теоретического смысла соответствующих концепций. В число таких проблем В. С. Нерсисянц включал соотношение права и политики, личности и государства, реформы и революции, власти и насилия, справедливости, равенства и права, права и свободы, права и закона и т.д.²⁴ Историографическое исследование становления проблемно-теоретического методологического подхода можно связать с определением его места и значения в системе методов истории учений о государстве и праве. Во многом благодаря научным работам Д. И. Луковской термин «проблемно-теоретический подход» основательно закрепился в науке истории политических и правовых учений. Так, Д. И. Луковская подчеркивает, что историко-проблемный (проблемно-теоретический) метод исследования играет ведущую роль в истории политических и правовых учений. Он позволяет актуализировать изучаемые теории и в то же

время самокритично оценивать современную познавательную ситуацию в науке. Стоит заметить, что речь идет не просто о том, чтобы придать историческую весомость и *проблемную* солидность выдвигаемым идеям и концепциям²⁵.

Понятие проблемно-теоретического методологического подхода складывается из наиболее существенных признаков, отражающих его основополагающие свойства в системе познавательного инструментария юридической науки. Предлагается рассмотреть более детально данные признаки.

Проблемно-теоретический подход, являясь разновидностью методологического подхода в исследовательском инструментарии юридической науки, отражает определенную мировоззренческую установку, ориентацию исследования. Методологический подход связан с общей стратегией научного исследования. Стратегическую установку в конкретном исследовании во многом задает цель, а для отрасли знания — общая предметная направленность соответствующей юридической науки. Предмет истории политических и правовых учений, как уже отмечалось, в самом общем плане связан с изучением определяющих политико-правовых идей прошлого в их историческом развитии. Учения прошлого, являясь составной частью государственно-правовой действительности, сами по себе не представляют юридической научной ценности и не могут быть подвергнуты юридическому научному осмыслению. Для целей придания им понятного смысла и значения их необходимо включить в предмет рассмотрения юридической науки, придать им *познавательную оформленность*. В этом и заключается ориентация исследования, которая выражается в *искусственном* придании полученной информации о политико-правовой мысли юридического смысла теории, концепции, доктрины и т.п. Здесь нужно отчетливо понимать, что политические и правовые учения прошлого чаще всего не являются теориями в строгом научном смысле. Они, по сути, представляют собой результат обобщения и концептуализации наиболее существенных взглядов, являются оформленными положениями теоретического характера в истории мысли. Именно поэтому с позиций современности,

²² История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсисянца. М. : Юридическая литература, 1983. С. 11–12.

²³ История политических и правовых учений : учебник для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. С. 14.

²⁴ История политических и правовых учений : учебник для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. С. 14.

скажем, отдельные взгляды на право можно рассматривать с точки зрения типов понимания права — естественного, позитивного и социологического. В то же время нужно признать, что история политико-правовой мысли формирует основные понятия, которые используются в современной юридической науке. Следовательно, методологическая установка позволяет связать настоящее и прошлое, наладить своеобразный канал, при помощи которого из истории выделяется юридически оформленная информация, адаптированная для современной юридической науки. На данном основании проблемно-теоретический инструментарий и является методологическим подходом по своей природе, поскольку связан с определенной точкой зрения на объект исследования.

Проблемно-теоретический методологический подход связан с методологической установкой, ориентацией исследования, базирующейся на достижениях теоретической юридической науки. Теоретическая составляющая истории определяется тем, что история политических и правовых учений многими учеными весьма справедливо рассматривается как история теории государства и права²⁵. Однако такое рассмотрение истории политических и правовых учений значительно сужает потенциал истории политико-правовой мысли до рамок ее составляющих: философии права, теории права и догмы права. Представляется более верным утверждение М. Н. Марченко о том, что история политических и правовых учений наиболее тесно связана с теорией государства и права, представляет собой систематизацию многовекового опыта индивидуального (не коллективного) осмысления государственно-правовых явлений²⁷. Иными словами, теория государства и права — это инструментарий, своеобразный фундамент, отправная точка для описания основных закономерностей наиболее актуальных и концептуальных воззрений на по-

литику, государство и право. Именно поэтому в истории политических правовых учений теоретическая составляющая находит свое выражение в так называемой правовой доктрине²⁸. Разграничивая политическую теорию и доктрину, В. В. Лазарев указывает, что доктрина представляет собой совокупность ценностных суждений, суждений мировоззренческих и практических одновременно, но не поддающихся доказательствам. В каждом учении, по его мнению, можно выделить содержательную часть, форму и программно-оценочную часть, содержащую оценки и выводы (рекомендации) на перспективу²⁹. В этом смысле современная юридическая теоретическая наука — наиболее надежный и структурированный источник сочетания взглядов прошлого и настоящего, своеобразный посредник, вобравший в себя наиболее актуальные воззрения на политику, государство и право. Причем в своем логически-познавательном бытии политико-теоретическое знание воплощается в различных формах. Ими могут выступать категория, закон, принцип, теория и др.³⁰, которые выступают в качестве исходных исследовательских понятий, при помощи которых предпринимается попытка описать прошлое. Категория используется для освещения наиболее общих вопросов истории политико-правовой мысли, которые так и не являются окончательно завершенными, носят наиболее общий характер. К примеру, к числу категорий можно отнести «правовое государство», «гражданское общество», «право» и многие другие. Данные категории служат для проблемно-теоретического описания прошлого и настоящего.

В проблемно-теоретическом методологическом подходе политические и правовые учения прошлого рассматриваются как неотъемлемая часть актуальных задач обобщающего характера современности. Проблемная составляющая рассматриваемого методологического подхода фокусируется на

²⁵ Луковская Д. И. Предмет и методология истории политических и правовых учений // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2007. № 3 (272). С. 209.

²⁶ Фролова Е. А. История политических и правовых учений: классификационная и оценочная юридическая наука // Синергия. 2018. № 2. С. 16.

²⁷ История политических и правовых учений : учебник / под ред. М. Н. Марченко. М. : Норма: Инфра-М, 2019. С. 12.

²⁸ История политических и правовых учений : учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф. О. Э. Лейста. М. : Зерцало, 2006. С. 2 ; Графский В. Г. История политических и правовых учений : учебник. М. : Норма, Инфра-М, 2019. С. 20–21.

²⁹ История политических и правовых учений : учебник / отв. ред. В. В. Лазарев. С. 18–19, 20.

³⁰ Политические учения: история и современность... С. 52.

изучении задач теоретической юридической науки, имеющих так называемый вечный характер. Проблемный характер данных вопросов связан с нерешенными задачами не только прошлого, но и настоящего. Данные проблемы являются не только нерешенными, а потому проблемными, но и наиболее типичными и повторяющимися в историческом дискурсе. К их числу В. Г. Графский относит следующие: что считать законным, справедливым и правильным в нравах и обыкновениях различных народов и государств; какова природа и назначение государства у разных народов в разные исторические эпохи и др.³¹ Причем, как указывает В. В. Лазарев, рассмотрение исторических идей в свете современности и, напротив, современных в свете истории определяется требованием исторического метода³². Следует особо подчеркнуть, что данные задачи имеют наиболее общий, теоретический характер. Поднимаемые проблемы в истории политико-правовой мысли имеют не только теоретическое, но и вполне прикладное значение. Юридические учения прошлого составляют богатый опыт осмысления проблем политико-правовой теории. В них содержится практика решения наиболее актуальных вопросов, посредством обращения к которой становится возможным получить важные сведения о предпринимаемых попытках разрешения этих вечных проблем.

Цель проблемно-теоретического методологического подхода определяется общей стратегией исследования, состоящей в привлечении и обогащении знания об известных юридических концепциях. Как уже указывалось, методологический подход применяется в ситуациях неопределенности, когда имеющийся в распоряжении науки инструментарий не может дать искомым результатов. Проблемный характер осмысления учений прошлого очевиден. Само по себе погружение в историческую действительность не имеет никакой познавательной ценности. Нужна стратегическая установка, своеобразный исследовательский путь, который определяет познавательный эффект. Отправной точкой исследовательской линии указанного подхода является современность. Как уже указывалось, основанные на теоретических основаниях проблемные вопросы современности позволяют конструировать прошлое,

осмысливать его с современных позиций. Именно поэтому история учений о государстве и праве заимствует у теоретического правоведения имеющиеся концепции современности, извлекает из них проблемы и использует их для исследования политико-правовых учений прошлого. Такое рассмотрение объекта, т.е. учения, позволяет связать прошлое и настоящее, извлечь из истории наиболее значимые проблемы, имеющие теоретический характер. Следовательно, общий стратегический ориентир проблемно-теоретического подхода находится в содержании учения, из которого извлекается целостная составляющая, показывающая общие направления решения содержащихся в настоящем вопросов теоретического характера. При помощи данного подхода обеспечивается связь «прошлое — настоящее», современное знание обогащается политико-правовым опытом прошлого, а прошлое получает новую концептуализацию.

Таким образом, рассмотренные характеристики позволяют сформулировать определение проблемно-теоретического методологического подхода, применяемого в истории политических и правовых учений. *Проблемно-теоретический методологический подход* — это мировоззренческая установка, основанная на достижениях теоретической юридической науки, выражающая ориентацию исследования на рассмотрение политических и правовых учений прошлого как неотъемлемой части наиболее актуальных задач обобщающего характера современности, используемая в целях привлечения и обогащения знания о юридических концепциях.

Общая структура проблемно-теоретического методологического подхода как определенной ориентации исследования проявляется на философском уровне научного осмысления политико-правовой реальности прошлого. По справедливому мнению Н. Н. Тарасова, в гуманитарных, социальных областях философские исследовательские средства задают стратегии развития наук, актуальные поля исследований, основания категориальных систем, ценностные установки, базовые идеи, раскрывающие сущность тех или иных явлений, и т.д.³³ Структура проблемно-теоретического подхода определяется общей стратегией исследования в истории

³¹ Графский В. Г. История политических и правовых учений : учебник. М. : Норма, Инфра-М, 2022. С. 19.

³² История политических и правовых учений : учебник / отв. ред. В. В. Лазарев. С. 27.

³³ Тарасов Н. Н. Указ. соч. С. 168.

политических и правовых учений, которая связана с привнесением современного проблемно-теоретического знания в историю учений о политике, государстве и праве. Составляющие проблемно-теоретического методологического подхода имеют гносеологическое, онтологическое и аксиологическое значение. Высказанные соображения позволяют выстроить в таком ключе используемые в проблемно-теоретическом подходе философские средства.

Общая идея проблемно-теоретического подхода в истории политических и правовых учений возникла примерно в 70-х гг. XX в. на основании концепции конструктивизма, согласно которой в историческом познании ключевое значение приобретают познавательные средства гуманитарной науки³⁴. Основная идея данного подхода связана с тем, чтобы сконструировать прошлое, выразить при помощи достижений современной теоретической юридической науки основные теоретические проблемы. Следует отметить и еще одну сторону идеи, заложенной в данный методологический подход. Совершенно справедливо указывается коллективом авторов монографии «Политические учения: история и современность. Домарксистская политическая мысль», что было бы неверным полагать, будто нынешние политико-правовые теории — неизменные должники истории политических учений, постоянно лишь что-то берущие от нее, заимствующие у нее и т.д., а последняя — только их вечный щедрый кредитор. Отношение «история — современность» — связь двусторонняя, обоюдная³⁵. Именно поэтому идея состоит во взаимном обогащении теории государства и права и истории политических и правовых учений, даже несмотря на то, что история политических учений как наука — своеобразная автономная часть современных теоретических представлений о государстве, праве, политике и т.п.³⁶

Своеобразие проблемно-теоретического подхода в истории политических и правовых учений составляют принципы историзма и конструктивизма. Историзм является основным философским принципом для историче-

ских работ. История политических и правовых учений как наука исторической природы предполагает использование принципа историзма в проблемно-теоретическом ключе к политико-правовым идеям прошлого. «В области истории политико-правовых учений принцип историзма играет существенную роль в процессе раскрытия... связей между различными концепциями прошлого и современности, взаимодействия политико-правовых идей с политической и правовой практикой прошлого и современности и т.п.», — указывал В. С. Нерсесянц³⁷. Принцип историзма позволяет правильно соотносить положения теорий и проблем настоящего с содержанием юридических учений прошлого. В познавательные свойства данного принципа входит задача давать адекватную оценку воззрениям прошлого, представить современную теорию как результат предшествующего развития³⁸. К примеру, современные направления юснатурализма являются производными от понимания естественного права в Древней Греции (Аристотель), Древнем Риме (древнеримские юристы), Средних веков (Фома Аквинский), Нового времени (Г. Гроций, Б. Спиноза) и пр. Применительно к каждому этапу постановки данной теоретической проблемы можно найти отличительные особенности. Так, Фомой Аквинским естественное право понималось как отражение вечного (божественного) закона в человеческом разуме, в сознании мыслящих существ. В этом смысле современное — теологическое — направление в юснатурализме (неотомизм, неопротестантизм)³⁹ является продолжением проблемы естественного права, которая поднималась в Средневековье.

Принцип конструктивизма по своей сути составляет существо проблемно-теоретического методологического подхода в истории учений о государстве и праве. Согласно принципу конструктивизма, знания не содержатся непосредственно в объективной действительности и не извлекаются из нее в ходе движения от относительной истины к абсолютной, а строятся (конструируются) познающим субъектом в

³⁴ Иллерицкая Н. В. Теория и практика современной историографии. М. : Ленанд, 2020. С. 62.

³⁵ Политические учения: история и современность... С. 10.

³⁶ Политические учения: история и современность... С. 95.

³⁷ Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений : учебник : в 2 т. Т. 1. С. 22.

³⁸ Сырых В. М. История и методология юридической науки : учебник. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Норма, Инфра-М, 2022. С. 115.

³⁹ Четвернин В. А. Современные концепции естественного права. М. : Наука, 1988. С. 35.

виде различных моделей⁴⁰. На основании данной идеи и строится рассматриваемый методологический подход, поскольку учения прошлого являются источником для юридического научного конструирования. В этой связи И. Л. Честнов задается вопросом: что же представляют собой политико-правовые учения прошлого? Их можно рассматривать под разным углом: как форму мировоззрения, как форму политического и правового сознания, как форму познания, как форму политической и правовой культуры. История политических и правовых учений — вторая рефлексия над этими теориями с позиций сегодняшнего дня. Поэтому предмет истории политической и правовой мысли более субъективен, более зависим от критериев оценки субъекта, от его интерпретации по сравнению с предметом других юридических дисциплин⁴¹. Создание учения на базе полученной и переработанной исторической информации о политико-правовой мысли в современной концептуализации является довольно сложной задачей. Как указывает В. Г. Графский, в решении этой задачи помогает юридико-теоретический (логико-понятийный) аспект анализа и обобщений, который позволяет выявить концептуальное и доктринальное ядро учения (как совокупности политических и правовых идей и теорий частного, партикулярного характера)⁴². Именно существо учения выступает в качестве основания для его помещения в современную теоретическую юридическую концепцию. Принцип конструктивизма в отечественной науке истории политических и правовых учений нашел свое воплощение в правовой доктрине, или так называемом структурном спектре учения⁴³. В придаваемом правовой доктрине значении, собственно, и конструируется целостное учение прошлого, оно переводится в структуру политико-правовой доктрины.

В качестве понятийного основания проблемно-теоретического подхода в истории политических и правовых учений выступает язык современной юридической науки, при помощи которого политико-правовым учениям прошлого придается актуальное содержание. Причем именно на данном уровне структуры проблемно-методологического подхода раскрываются две его основные составляющие — теоретическая и проблемная. Находящиеся в особой диалектической связке элементы проблемного и теоретического задают рамки понятийного плана. *Теоретическая составляющая* проявляется в том, что наука истории политических и правовых учений в понятиях теории государства и права выражает концепции, содержащие решения наиболее общих и значимых проблем теории государства и права⁴⁴. С позиций неологии (учения о новом) можно сказать, что история политико-правовой мысли — это история новых понятий права и государства и формирующихся на их основе новых политико-правовых теорий⁴⁵. Проблемы понимания права и государства, его сущности, источников и форм права, форм государства и многие другие устоявшиеся понятия используются для познания учений прошлого. В то же время В. В. Лазарев подчеркивает, что конкретно-исторический подход обнаруживает разное содержание одних и тех же понятий, употребляемых идеологами противоположных направлений, но это не должно мешать пониманию сущности учения в целом⁴⁶. Действительно, каждое употребляемое понятие должно четко соотноситься со смысловым значением языка эпохи. Рассогласование понятий прошлого и настоящего недопустимо. *Проблемная составляющая* понятийного основания рассматриваемого подхода связана с приданием современного смысла научным проблемам при помощи

⁴⁰ Петренко В. П. Конструктивизм как новая парадигма науки о человеке // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 76.

⁴¹ История политических и правовых учений : учебное пособие / И. Л. Честнов [и др.] ; под ред. проф. И. Л. Честнова. СПб. : Санкт-Петерб. юрид. институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2015. С. 10.

⁴² Графский В. Г. История политических и правовых учений : учебник. доп. М. : Норма, Инфра-М, 2022. С. 30.

⁴³ История политических и правовых учений : учебник / под ред. О. Э. Лейста. С. 2 ; Графский В. Г. История политических и правовых учений : учебник. доп. М. : Норма, Инфра-М, 2019. С. 20–21 ; История политических и правовых учений : учебник / отв. ред. В. В. Лазарев. С. 18–19, 20.

⁴⁴ Фролова Е. А. История политических и правовых учений: классификационная и оценочная юридическая наука. С. 16.

⁴⁵ Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений : учебник : в 2 т. Т. 1. С. 20.

⁴⁶ История политических и правовых учений : учебник / отв. ред. В. В. Лазарев. С. 27.

терминологического аппарата правоведения. В современных условиях научная проблема определяется как сложноорганизованная система исследовательских задач принципиального характера, обладающих существенной неопределенностью. Причем указанная неопределенность присутствует в формулировке проблемы, знании о методах ее решения, образе искомого результата⁴⁷. Следовательно, структурно проблему в области политико-правовых учений можно представить как совокупность оцениваемых знаний в области политико-правовой доктрины, явно недостаточных для решения научных задач принципиального теоретического плана. Так, по справедливому мнению С. В. Липеня, история учений о праве и государстве в исследовании исторического материала в большей степени может ориентироваться на логику разработки научных проблем, предлагаемую теорией права и государства⁴⁸, а интерпретация учений прошлого подразумевает, по существу, современную проблематику⁴⁹.

Ценностные основания проблемно-теоретического подхода в истории политических и правовых учений состоят в значимости исследования учений прошлого как составной части правовой культуры современного общества. Включенность политико-правовых идей прошлого в настоящее обуславливается природой учения. Их значение заключается в том, что историческое развитие взглядов на политику, государство и право является составной частью общемирового правового прогресса. По верному утверждению Е. А. Фроловой, важность политических и правовых учений состоит в решении социально значимых проблем, оригинальности предложенных решений, обоснованности оценки доводов в защиту того или другого варианта⁵⁰. Будучи встроенной в основание правовой культуры, правового сознания и мышления юристов, политико-правовая мысль прошлого является достоянием интеллекту-

альной истории. В проблемно-теоретическом методологическом подходе ценность политико-правовых воззрений заключается в осмыслении значимости исторического развития учения о решения политико-правовых проблем, имеющих теоретический и прикладной характер. Как указывает Д. И. Луковская, в самом учении, если оно оставило заметный след в истории, и в истории учений всегда можно и необходимо обнаружить смыслообразующую идею. Эта идея транслируется традициями, которые, как правило, оформляются в такие идейные комплексы, как определенные школы, течения, направления в исследовании права и государства⁵¹. Отражение в проблемно-теоретическом ключе значимости преобразованных на современных основаниях учений позволяет выделять их роль в развитии основных институтов общества и государства, давать правильную оценку в современной юридической науке, а также в развитии политико-правовой идеологии в целом.

Технология применения проблемно-теоретического методологического подхода как часть методологии истории политических и правовых учений призвана раскрыть сложившуюся в науке истории политических и правовых учений практику его применения. «Методологический подход в конкретно-исследовательском плане выступает как процесс перехода методологических установок, ориентаций и знаний на инструментальный уровень — в пространство непосредственной исследовательской практики ученого по созданию им научного труда», — указывает С. В. Кодан⁵². В истории учений о праве и государстве технология применения данного методологического подхода, как правило, выражается в сочетании с другим методологическим инструментарием. Данный методологический подход не является единственным методологическим приемом, а должен применяться во всей совокупности исследовательских инструментов познания.

⁴⁷ Прытков В. П. Структура научной проблемы // Теория и практика общественного развития. 2013. № 1. С. 44–47.

⁴⁸ Липень С. В. История учений о праве и государстве: актуальные проблемы определения направлений развития научного знания. С. 31.

⁴⁹ Политические учения: история и современность... С. 94.

⁵⁰ Фролова Е. А. История политических и правовых учений в системе социальных наук: проблемы методологии // Государство и право. 2017. № 2. С. 76.

⁵¹ Луковская Д. И. Указ. соч. С. 206.

⁵² Кодан С. В. Современные методологические подходы в исследовательских стратегиях изучения историографии истории политических и правовых учений // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 4. С. 160.

Проблемно-методологический подход применяется в тесном сочетании с *хронологическим описанием* учений прошлого⁵³. При этом хронологическое освещение ориентировано на раскрытие взаимосвязи истории и современности⁵⁴. Как указывает Д. И. Луковская, прошлое присутствует в настоящем историческом времени. Применительно к науке истории политических и правовых учений это, в частности, означает постоянную актуализацию тех или иных идей, концепций прошлого в современной науке права⁵⁵. При данной технологии учение (или теоретическая проблема) рассматривается в его диалектическом развитии, во взаимосвязи и в противостоянии с другими теориями разного времени разных методологических традиций⁵⁶.

Синхронный и диахронный планы применения проблемно-методологического подхода в истории политических и правовых учений создают дополнительные познавательные возможности. Представляя по своей сути историко-сравнительное исследование иных правовых систем, проблемно-теоретический подход раскрывает роль и значение теоретически оформленных воззрений в контексте правовых традиций определенного временного периода. Причем рассматриваемый подход предназначен для уяснения логики и закономерностей развития всемирной истории политико-правовой мысли в контексте региональных историй и отдельных учений⁵⁷. В рамках данной технологии указанное познавательное средство призвано сочетать между собой различные культурно и исторически обусловленные политико-правовые взгляды.

Довольно распространенную практику проблемно-методологический подход нашел в сочетании с так называемым *биографическим направлением (портретным методом)*. В соединении с рассматриваемым подходом

портретный метод связывает поднимаемые теоретические проблемы в истории взглядов на политику, государства и право с соответствующими мыслителями. Это позволяет исторически конкретнее и полнее раскрыть последовательность и своеобразие процесса формирования, развития и смены тех или иных концепций, учений и школ, специфику политико-правовых воззрений, характер их связей с породившей их эпохой, место и роль в социально-классовой борьбе и т.д.⁵⁸

Проблемно-методологический подход в истории учений о государстве и праве используется и со *структурными элементами политико-правовых доктрин*. Являясь отражением основных элементов доктрины современной теории государства и права, теоретические проблемы гармонично встраиваются в философские, социологические и догматические ее основания⁵⁹. В этом значении основные теоретические проблемы могут включаться, скажем, в философские основания. Например, таким образом рассматривается проблема сущности государства и права, что отражает философскую составляющую теории государства и права.

Функции проблемно-теоретического подхода находят свое выражение во влиянии на предмет истории политических и правовых учений и отражают ряд его особенностей в научно-исследовательских практиках. Функции проявляются во взаимозависимости отношений «метод — объект», а также раскрывают роль и значение рассматриваемого подхода в системе познавательного инструментария юридической науки. Представляется, что проблемно-теоретический методологический подход выполняет следующие функции.

Преобразовательная функция проявляется в процессе придания учению юридической теоретической наукой современного смыслового значения. Учение преобразуется в систему

⁵³ Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений : учебник : в 2 т. Т. 1. С. 12–13.

⁵⁴ Политические и правовые учения: проблемы исследования и преподавания : сборник статей / редкол.: В. Е. Гулиев [и др.]. М. : ИГП АН СССР, 1978. С. 138–144.

⁵⁵ Луковская Д. И. Указ. соч. С. 198.

⁵⁶ Липень С. В. История учений о праве и государстве: актуальные проблемы определения направлений развития научного знания. С. 32 ; Вакула А. И. История политических и правовых учений: поиск методологического основания в изучении // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2009. № 4. С. 15–16.

⁵⁷ Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений : учебник : в 2 т. Т. 1. С. 20.

⁵⁸ История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсесянца. М. : Юридическая литература, 1983. С. 13.

⁵⁹ Луковская Д. И. Указ. соч. С. 202.

концептуально выстроенных взглядов (теории, доктрину и т.д.), имеющую познавательное значение для современности. Здесь подход выступает особым познавательным инструментом построения политико-правовой теории прошлого. Посредством применения данного подхода образуется особый предмет истории учений о праве и государстве — история теории права и государства⁶⁰.

Объяснительная функция выражается в том, что проблемно-методологический подход способствует получению максимально достоверного знания о процессах, происходящих с теоретическими воззрениями на политику, государство и право. Посредством особого перевода знания из прошлого в современность появляется возможность описать политико-правовые воззрения прошлого. Получение специального знания при применении данного подхода учения способствует пониманию причин, условий и закономерностей возникновения, функционирования, развития или, наоборот, угасания политико-правовых теорий применительно к определенным периодам человеческой истории.

Эвристическая функция связана с расширением научно-познавательного пространства всей теоретико-исторической области юриспруденции. По справедливому мнению Л. П. Репиной, переосмысление теоретических, критических и аксиологических оснований интеллектуальной истории приводит к существенному расширению ее проблемного поля⁶¹. Постановка новых теоретических проблем обеспечивает теоретическое правоведение новыми проблемами. Канал «история — современность» снабжает современную науку новыми задачами фундаментального теоретического плана и способствует приращению нового знания.

Упорядочивающая функция связана с установлением в истории политических и правовых учений научно-исследовательской деятельности в области познания учений прошлого. Как указывал В. С. Нерсесянц, метод представляет собой инструмент для качественного и полноценного анализа политико-правовой теории, отражает ее содержание и смысл, раскрывает связь истории и современности⁶². В этом плане

рассматриваемый проблемно-теоретический методологический подход задает определенные рамки исследования политико-правовой мысли прошлого. Научная познавательная деятельность становится более организованной, целенаправленной и, как следствие, — эффективной.

Назначение проблемно-теоретического методологического подхода определяется совокупностью обозначенных функций и состоит в развитии и приращении фундаментальных знаний теоретического характера, получаемых из учений прошлого, преобразовании и развитии политико-правовых воззрений о политике, государстве и праве.

Предполагается, что активное применение проблемно-теоретического подхода будет способствовать образовательному эффекту. Постепенное преобразование учебного курса «История политических и правовых учений», уход от традиционного портретного метода к проблемно-теоретическому принципу построения дидактического материала будет способствовать сочетанию исторического материала с современной структурой правовой доктрины.

Таким образом, проблемно-теоретический методологический подход является результатом эволюционного и закономерного развития изначально заложенной теоретической составляющей в науке истории учений о государстве и праве. Современное понимание истории политических правовых учений позволяет представить данный инструмент именно как подход, связанный с ориентацией на рассмотрение учения прошлого с позиции достижений науки настоящего. Структура данного подхода позволяет говорить о его философской природе, направленной на формирование установки мировоззренческого характера, позволяющей поместить учение прошлого и настоящего в особую картину мира. В такой концептуализации учения прошлого и настоящего связываются единой идеей, принципами, понятийными и ценностными основаниями рассмотрения воззрений прошлого на политику, государство и право. Исследование показывает, что проблемно-теоретический методологический подход находится в неразрывной связи с общими специальными инструментами познания в исто-

⁶⁰ История политических и правовых учений : учебник для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. С. 1.

⁶¹ Репина Л. П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем. 2008. Вып. 25 (I). С. 10–11.

⁶² Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений : учебник для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М. : Норма, 2004. С. 11.

рии политических и правовых учений. В системе методологии истории учений государства и права роль данного подхода заключается в развитии и приращении фундаментальных знаний теоретического характера, получаемых из учений прошлого, преобразовании и развитии политико-правовых воззрений о политике, государстве и праве.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Вакула А. И. История политических и правовых учений: поиск методологического основания в изучении // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2009. — № 4. — С. 15–16.
2. Графский В. Г. История политических и правовых учений : учебник. — М. : Норма, Инфра-М, 2022. — 736 с.
3. Иллерицкая Н. В. Теория и практика современной историографии. — М. : Ленанд, 2020. — 128 с.
4. История политических и правовых учений : учебник / под ред. М. Н. Марченко. — М. : Норма, Инфра-М, 2019. — 656 с.
5. История политических и правовых учений : учеб. пособие / И. Л. Честнов [и др.] ; под ред. проф. И. Л. Честнова. — СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2015. — 88 с.
6. История политических и правовых учений. Древний мир / отв. ред. В. С. Нерсисянц. — М., 1985. — 349 с.
7. История политических и правовых учений : учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф. О. Э. Лейста. — М. : Зерцало, 2006. — 568 с.
8. История политических и правовых учений / под ред. д-ра юрид. наук В. С. Нерсисянца. — М. : Юридическая литература, 1983. — 720 с.
9. История политических и правовых учений : учебник / отв. ред. В. В. Лазарев. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Норма, Инфра-М, 2019. — 800 с.
10. История политических и правовых учений : учебник для вузов / под общ. ред. акад. РАН, д-ра юрид. наук, проф. В. С. Нерсисянца. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, 2004. — 944 с.
11. История политических учений : учебник / П. Н. Галанза, Л. В. Дюков, М. П. Карева, С. Ф. Кечежьян [и др.] ; под ред. С. Ф. Кечежьяна, Г. И. Федькина. — М. : Госюриздат, 1955. — 771 с.
12. Кечежьян С. Ф. Общественно-политические воззрения Аристотеля // Советское государство и право. — 1940. — № 10. — С. 43–61 ; № 11. — С. 40–55.
13. Кодан С. В. Современные методологические подходы в исследовательских стратегиях изучения историографии истории политических и правовых учений // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. — 2020. — № 4. — С. 155–181.
14. Коркунов Н. М. История философии права : пособие к лекциям / [Сочинение] Н. М. Коркунова, профессора С.-Петербургского университета. — Издание четвертое (без перемен). — СПб. : Типография А. С. Суворина, 1908. — VI, 431 с.
15. Липень С. В. История учений о праве и государстве: актуальные проблемы определения направлений развития научного знания // Актуальные проблемы российского права. — 2012. — № 3 (24). — С. 28–36.
16. Луковская Д. И. Предмет и методология истории политических и правовых учений // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2007. — № 3 (272). — С. 197–211.
17. Нерсисянц В. С. История политических и правовых учений : учебник : в 2 т. — Т. 1. — М. : Норма, Инфра-М, 2018. — 352 с.
18. Петренко В. П. Конструктивизм как новая парадигма науки о человеке // Вопросы философии. — 2011. — № 6. — С. 75–82.
19. Политические и правовые учения: проблемы исследования и преподавания : сборник статей / редкол.: В. Е. Гулиев [и др.]. — М. : ИГП АН СССР, 1978. — 144 с.
20. Политические учения: история и современность. Домарксистская политическая мысль / В. Г. Графский, П. С. Грацианский, Н. Н. Деев, В. Д. Лазуренко [и др.] ; редкол.: П. С. Грацианский, В. Е. Гулиев (отв. ред.), В. С. Нерсисянц. — М. : Наука, 1976. — 495 с.
21. Прытков В. П. Структура научной проблемы // Теория и практика общественного развития. — 2013. — № 1. — С. 44–47.

22. Рейснер М. А. История политических учений. — Т. 1. — М. ; Л. : Государственное издательство, 1929. — 456 с.
23. Репина Л. П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем. — 2008. — № 25-1. — С. 5–11.
24. Сырых В. М. История и методология юридической науки : учебник. — 2-е изд., доп. и перераб. — М. : Норма, Инфра-М, 2022. — 512 с.
25. Тарасов Н. Н. История и методология юридической науки: методологические проблемы юриспруденции : учебное пособие для вузов. — М. : Юрайт, 2022. — 218 с.
26. Фролова Е. А. История политических и правовых учений: классификационная и оценочная юридическая наука // Синергия. — 2018. — № 2. — С. 13–18.
27. Фролова Е. А. История политических и правовых учений в системе социальных наук: проблемы методологии // Государство и право. — 2017. — № 2. — С. 69–78.
28. Четвернин В. А. Современные концепции естественного права. — М. : Наука, 1988. — 144 с.
29. Чичерин Б. Н. История политических учений. Часть 1 : Древность и Средние века. — М. : Типография Грачева и К°, 1869. — IX, 444 с.
30. Шершеневич Г. Ф. История философии права / [Сочинение] профессора Московского университета Г. Ф. Шершеневича. — Второе издание. — СПб. : Издание бр. Башмаковых, 1907. — 588 с.

Материал поступил в редакцию 19 мая 2022 г.

REFERENCES

1. Vakula AI. Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy: poisk metodologicheskogo osnovaniya v izuchenii [The history of political and legal doctrines: The search for a methodological basis in the study]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA]*. 2009;4:15-16. (In Russ.).
2. Grafskiy VG. Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy: uchebnik [History of political and legal doctrines: A textbook]. 3rd ed., suppl. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2022. (In Russ.).
3. Illeritskaya NV. Teoriya i praktika sovremennoy istoriografii [Theory and practice of modern historiography]. Moscow: Lenand Publ.; 2020. (In Russ.).
4. Marchenko MN, editor. Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy: uchebnik [History of political and legal doctrines: A textbook]. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2019. (In Russ.).
5. Chestnov IL, et al. Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy: ucheb. posobie [History of political and legal doctrines: A coursebook]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy yuridicheskiy institut (filial) Akademii Generalnoy prokuratury RF Publ.; 2015. (In Russ.).
6. Nersesyants VS, editor. Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy. Drevniy mir [History of political and legal doctrines. The Ancient World]. Moscow; 1985. (In Russ.).
7. Leysta OE, editor. Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy: uchebnik dlya vuzov [History of political and legal doctrines: A textbook for universities]. Moscow: Zertsalo Publ.; 2006. (In Russ.).
8. Nersesyants VS, editor. Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy [History of political and legal doctrines]. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1983. (In Russ.).
9. Lazarev VV, editor. Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy: uchebnik [History of political and legal doctrines: A textbook]. 3rd ed., rev. and suppl. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2019. (In Russ.).
10. Nersesyants VS, editor [Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy: uchebnik dlya vuzov [History of political and legal doctrines: A textbook for universities]. 4th ed., rev. and suppl. Moscow: Norma Publ.; 2004. (In Russ.).
11. Kechekyan SF. Obshchestvenno-politicheskie vozzreniya Aristotelya [Socio-political views of Aristotle]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [The Soviet State and Law]*. 1940;10:43-61;11:40-55. (In Russ.).
12. Kodan SV. Sovremennyye metodologicheskie podkhody v issledovatel'skikh strategiyakh izucheniya istoriografii istorii politicheskikh i pravovykh ucheniy [Modern methodological approaches in research strategies for studying historiography the history of political and legal doctrines]. *Istoriko-pravovyye problemy: novyy rakurs [Historical-Legal Problems: The New Viewpoint]*. 2020;4:155-181. (In Russ.).

13. Korkunov NM. Istoriya filosofii prava: posobie k lektsiyam [The history of the philosophy of law: A lectures' manual]. In: Korkunov NM. Sochinenie [Essay]. 4th edition (without changes). St. Petersburg: AS. Suvorin Publishing house; 1908. VI, 431 p. (In Russ.).
14. Lipen SV. Istoriya ucheniy o prave i gosudarstve: aktualnye problemy opredeleniya napravleniy razvitiya nauchnogo znaniya [History of the teachings on law and the state: Topical problems of determining the directions of development of scientific knowledge]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2012;3(24):28-36. (In Russ.).
15. Lukovskaya DI. Predmet i metodologiya istorii politicheskikh i pravovykh ucheniy [The subject and methodology of the history of political and legal doctrines]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. 2007;3(272):197-211. (In Russ.).
16. Nersesyants VS. Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy: uchebnik: v 2 t. [History of political and legal doctrines: A textbook. In 2 t.]. Vol. 1. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2018. (In Russ.).
17. Petrenko VP. Konstruktivizm kak novaya paradigma nauki o cheloveke [Constructivism as a new paradigm of human science]. *Voprosy filosofii*. 2011;6:75-82. (In Russ.).
18. Guliev VE, et al., editors. Politicheskie i pravovye ucheniya: problemy issledovaniya i prepodavaniya: sbornik statey [Political and legal doctrines: Problems of research and teaching: A collection of articles]. Moscow: IGP AN SSSR Publ.; 1978. (In Russ.).
19. Grafskiy VG, Gratsianskiy PS, Deev NN, Lazurenko VD, et al. Politicheskie ucheniya: istoriya i sovremennost. Domarksistskaya politicheskaya mysl [Political teachings: History and modernity. Pre-Marxist political thought]. Moscow: Nauka Publ.; 1976. (In Russ.).
20. Prytkov VP. Struktura nauchnoy problemy [Structure of the scientific problem]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]*. 2013;1:44-47. (In Russ.).
21. Reysner MA. Istoriya politicheskikh ucheniy [The history of political teachings]. Vol. 1. Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoe izdatelstvo [State Publishing House]; 1929. (In Russ.).
22. Repina LP. Konteksty intellektualnoy istorii [Contexts of intellectual history]. *Dialog so vremenem [Dialogue with time]*. 2008;25(1):5-11. (In Russ.).
23. Syrykh VM. Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki: uchebnik [History and methodology of legal science: A textbook]. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2022. (In Russ.).
24. Tarasov NN. Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki: metodologicheskie problemy yurisprudentsii: uchebnoe posobie dlya vuzov [History and methodology of legal science: Methodological problems of jurisprudence. A textbook for universities]. Moscow: Yurayt Publ.; 2022. (In Russ.).
25. Galanza PN, Dyukov LV, Kareva MP, Kechekyan SF, et al. Istoriya politicheskikh ucheniy: uchebnik [History of political doctrines: A textbook]. Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1955. (In Russ.).
26. Frolova EA. Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy: klassifikatsionnaya i otsenochnaya yuridicheskaya nauka [History of political and legal doctrines: Classification and evaluation of legal science]. *Synergy*. 2018;2:13-18. (In Russ.).
27. Frolova EA. Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy v sisteme sotsialnykh nauk: problemy metodologii [The history of political and legal doctrines in the system of social sciences: Problems of methodology]. *Gosudarstvo i Pravo [State and Law]*. 2017;2:69-78. (In Russ.).
28. Chetvernin VA. Sovremennyye kontseptsii estestvennogo prava [Modern concepts of natural law]. Moscow: Nauka Publ.; 1988. (In Russ.).
29. Chicherin BN. Istoriya politicheskikh ucheniy. Chast 1: Drevnost i Srednie veka [History of political teachings. Part 1: Antiquity and the Middle Ages]. Moscow: Tipografiya Gracheva i K° [Printing house of Grachev and Co.]; 1869. (In Russ.).
30. Shershenevich GF. Istoriya filosofii prava [History of the Philosophy of Law]. 2nd ed. St. Petersburg: Izdanie br. Bashmakovykh; 1907. (In Russ.).

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

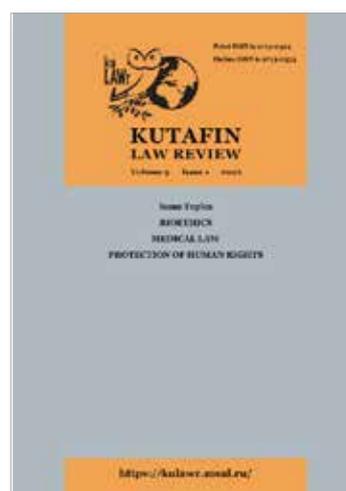
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008